

Алексей Ракитин

ИСТОРИЯ БОСТОНСКОГО ДУШИТЕЛЯ

Хроника подлинного расследования.
Книга I

Алексей Ракитин

История бостонского душителя

*Хроника подлинного расследования.
Книга I*

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 34
ББК 67
Р19

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ракитин Алексей

Р19 История бостонского душителя : Хроника подлинного расследования. Книга I / Алексей Ракитин. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 394 с.
ISBN 978-5-4496-7559-0 (т. 1)
ISBN 978-5-4496-7560-6

В начале 1960-х гг. американский город Бостон и его пригороды были потрясены серией жестоких убийств, жертвами которых становились женщины всех возрастов. Таинственный убийца вошёл в мировую историю сыска и криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель». В настоящей книге проводится анализ известных преступлений, изложен ход расследования, рассмотрены персоналии подозреваемых. Автором привлечен большой объём малоизвестной информации, на основании которой сделаны весьма неожиданные выводы.

**УДК 34
ББК 67**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4496-7559-0
ISBN 978-5-4496-7560-6

© Алексей Ракитин, 2019

Часть I. Странное лето 1962 года

14 июня 1962 г. Убийство Анны Слесерс

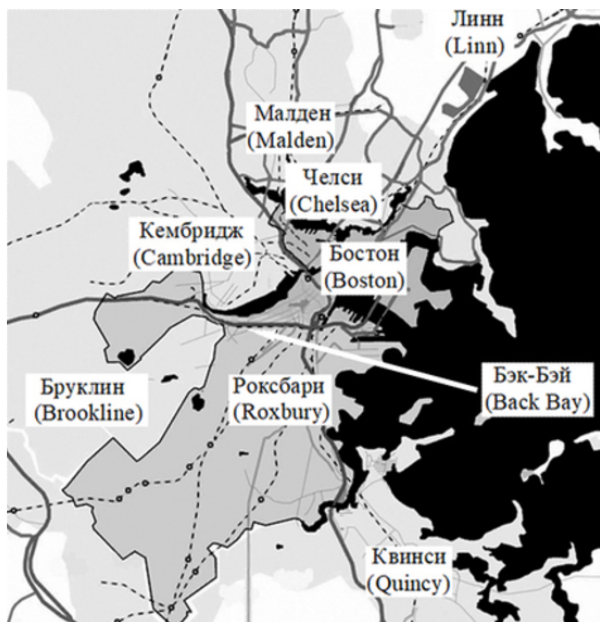
Июнь 1962 г. в Бостоне, крупнейшем городе штата Массачусетс, расположенном на Атлантическом побережье США, выдался тёплым, но пасмурным. В небе постоянно собирались тучи, готовые пролиться дождём, который, как казалось, должен принести свежесть и облегчение. Ожидания эти, однако, не оправдывались, короткие ночные дожди не помогали, и город целыми днями оставался во власти одуряющей влажной духоты. Температура уверенно поднималась с первых дней июня, суля ненормально жаркое лето.

Такая погода заставляла тяжело страдать людей с заболеваниями органов дыхания и болезнями сердца. А ещё она лишала покоя людей с расстройствами психической деятельности. Сейчас уже хорошо известна корреляция между активностью сексуальных преступников и погодными аномалиями, но в начале 1960-х гг. никому и в голову не приходило считать насильников и извращенцев метеозависимыми.

Около 19 часов 14 июня Юрис Слесерс (Juris Slesers) вошёл в дом №77 по Гейнсборо-стрит (Gainsborough street) в бостонском районе Бэк-Бэй (Back Bay) и поднялся на третий этаж, где постучал в дверь квартиры 3F. В этой квартире проживала его мать, 56-летняя Анна Слесерс (Anna Slesers), и сын зашёл за ней, чтобы вместе отправиться на церковную службу.

Поскольку Юрису никто не открыл, тот спустился вниз и прождал в холле около 10 минут. Анна работала швеёй в магазине верхней одежды неподалёку, подгоняла под покупателей костюмы и платья, и иногда её вы-

звали на работу телефонным звонком в неурочный час. Сетовать на это не приходилось, поскольку работа находилась неподалёку от дома, не требовала затрат на транспорт да и платили Анне 60\$ в неделю — весьма достойный заработок по ценам тех лет.

Обобщенная схема Бостонской агломерации. Город Бостон окружен целым поясом городов-спутников, плавно переходящим один в другой, в результате чего территория непрерывной застройки тянется на десятки километров с севера на юг и с востока на запад. Приведенная схема показывает взаимное расположение основных городов и районов, названия которых не раз будут упоминаться в настоящей книге. Это прежде всего сам Бостон и его районы Бэк-Бэй и Роксбари (территория его выделена серым цветом, сплошной линией показана городская грани-

ца), а также города-спутники Линн и Малден на севере; Кембридж и Бруклин — западнее, а Квинси — юго-восточнее Бостона. Расстояние от Линна до Квинси по прямой составляет примерно 25 км. Пунктиром показаны основные железнодорожные магистрали, сплошными — крупные автотрассы. Агломерация т. н. Большого Бостона в начале 1960-х гг включала в себя почти 80 муниципалитетов и располагалась на территории 3 округов, число её жителей превышало 5 млн. человек, что соответствовало населению такого города, как Ленинград. Хотя полицейские силы в целом можно охарактеризовать как многочисленные, профессиональные, укомплектованные и хорошо оснащенные, их раздробленность и обособленность самым негативным образом сказывались на результатах работы. Об этом в настоящей книге придётся вспоминать не раз.

Примерно в 19:10 Юрис вторично поднялся на третий этаж и снова постучал в дверь квартиры 3F, сугубо на тот случай, если мама выходила на минуту к соседям и теперь возвратилась. Но ему опять никто не открыл... Это было до некоторой степени странно, поскольку служба в евангелистской церкви, на которую собирались отправиться Анна и Юрис, была для них очень важна. Латышская община Бостона — а Слесерсы были латышами — в середине июня традиционно проводила службы, посвященные памяти жертв «советской агрессии и ГУЛАГа». 17 июня 1940 г. советские войска вошли на территорию буржуазной Латвии, и эта дата сделалась своеобразным днём траура для латышских общин по всему миру. У Слесерсов, переехавших в США в 1951 г., имелся немалый список личных претензий к Советской власти, а потому пропустить церковную службу Анна и Юрис никак

не могли.

То, что мама отсутствовала и не оставила никакой записки, вызвало теперь у Юриса беспокойство. Он спустился в фойе, вышел на улицу, постоял минуту или две на тротуаре. Затем он догадался заглянуть в почтовый ящик, чтобы проверить, забирала ли мама почту? В ящике Юрис увидел конверты со счетами и несколько рекламных буклетов — это означало, что мама не проходила мимо ящика с самого утра или даже с предыдущего вечера. Стало быть, она должна находиться в квартире, поскольку жила очень уединенно и не уходила надолго...

Сдерживая накотившую панику, Юрис в третий раз побежал наверх. Опять постучав в дверь и опять не получив ответа, Юрис надавил на неё плечом. Дверь немного подалась, и Юрис понял, что её можно без особых проблем выбить, для этого надо лишь как следует разбежаться. С первого же удара дверь распахнулась настежь, опрокинув стул, стоявший позади неё...

В квартире было темно. Юрис прошёл сначала с гостиную, потом в спальню. Матери нигде не было видно, однако ящики прикроватной тумбочки были выдвинуты, что выглядело странно. Очень странным казалось и то, что у входной двери был поставлен стул — мама так никогда не делала, и никакого смысла в этом не было. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

Лишь войдя в маленький коридорчик перед ванной, расположенный от входной двери направо, Юрис обнаружил тело матери, лежавшее на полу. Анна была облачена в свой синий халат с красной подкладкой, вокруг шеи был туго затянут его пояс. Халат распахнулся, обнажив грудь и живот, но выглядело это так, словно полы раздвинулись при падении тела. Левая нога была вытянута, а правая — отведена вбок под углом в сорок пять градусов и согнута в колене.

Юрис сразу понял, что мать мертва и не прикасался

к телу. Сын посчитал, что женщина покончила с собою, повесившись на ручке двери в ванную комнату, но после того, как петля затянулась, и тело обмякло, поясок соскочил, и Анна упала в проход.

Юрис снял телефонную трубку и позвонил в полицию с сообщением о самоубийстве матери — это очень важный момент, который обычно не упоминается даже в англоязычных в книгах и фильмах, посвященных рассматриваемой нами истории. Первый полицейский патруль появился в квартире 3F лишь в 19:49 — это были полицейские Джойс (Joyce) и Бенсон (Benson). Они считали, что едут на место суицида, и точно также считали детективы и криминалисты, приехавшие позже. Это ошибочное суждение подействовало на представителей власти до некоторой степени расхолаживающе, поскольку поначалу они считали, что их явка не более чем формальность.

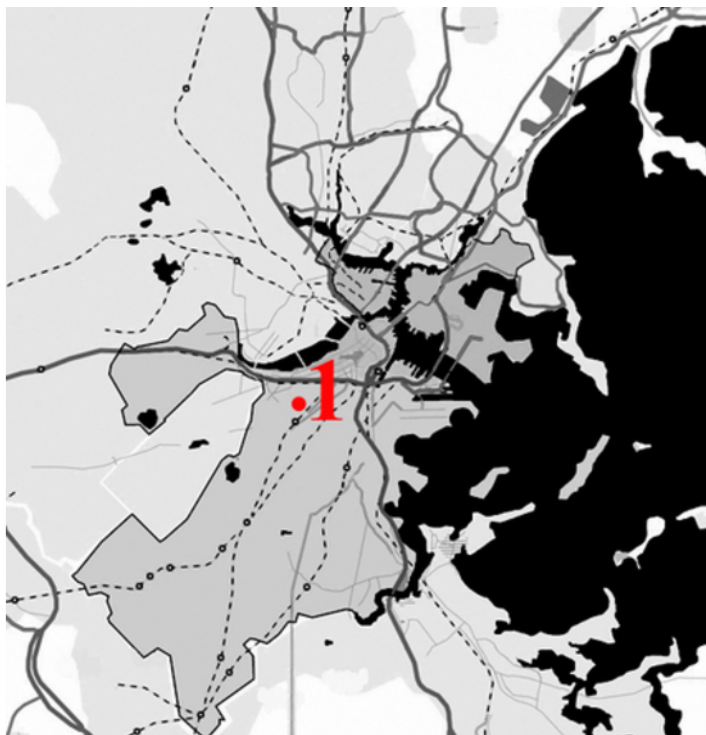
Когда в начале девятого часа в квартире появились сотрудники отдела расследования убийств сержант Джон Дрисколл (John Driscoll) и детектив Джеймс Меллон (James Mellon), находившийся на месте происшествия фотограф встретил их репликой: «Зря только приехали — это самоубийство». Правоохранителям потребовалось некоторое время, чтобы понять: смерть Анны Слесерс явилась следствием чьего-то злого умысла, а отнюдь не суицидом.

Узел на шее находился спереди, под нижней челюстью слева — при самоповешении узел обычно оказывается за ухом или на затылке. Под головой мёртвой женщины натекла кровь. Её можно было бы списать на повреждение кожи головы при ударе об пол, но фактическое место повреждения кожного покрова, давшее кровотечение, совсем не совпадало с местом контакта головы и пола. Рана эта, находившаяся в волосистой части головы, выглядела довольно странной, непонятно было, чем можно было её

нанести, в коридорчике перед ванной просто не было подходящих предметов! Наконец, кровь оказалась в правом ухе, что вообще не соответствовало картине самоубийства. Среди признаков самоповешения нет кровотечения из слуховых проходов... Мусорная корзина на кухне оказалась перевернута, а мусор равномерно разложен на полу, словно его пересматривали с целью что-то отыскать. Кроме того, на кухне оказалось небольшое кровавое пятно, частично размазанное. Если женщина вешалась на дверной ручке в коридоре, то как кровь могла оказаться на полу в кухне? И наконец, отсутствовала предсмертная записка — самоубийцы таковые пишут если и не всегда, то довольно часто, причём женщины это делают чаще мужчин.

Детективы довольно быстро заподозрили неладное и пригласили на место происшествия своего начальника, лейтенанта Джона Донована (John Donovan), возглавлявшего Отдел расследования убийств Департамента полиции Бостона (Boston Police Department, сокращенно BPD — в дальнейшем мы будем иногда пользоваться этой аббревиатурой). Сообщение о том, что в дом №77 по Гейнсборо-стрит направляется начальник «убойного» отдела, вызвало среди присутствовавших в квартире полицейских ухмылки и комментарии в том духе, что вам, ребята, похоже, совсем заняться нечем. Один из полицейских даже предложил пари детективу Дрисколлу на \$5, что смерть Анны Слесерс окажется самоубийством, и начальник отдела вызван почём зря.

Донован, однако, осмотрев место происшествия, согласился с аргументацией Дрисколла и Меллона и приказал им действовать исходя из того, что в квартире 3F имело место убийство.

Место убийство Анны Слесерс в доме №77 по Гейнсборо-стрит на карте Бостона. Жертва проживала в районе Бэк-Бэй, считавшимся в начале 1960-х гг относительно безопасным. Тем не менее, в этой части Бостона сдавалось дешёвое жильё и селились разного рода подозрительные личности. По этой причине проверка ближайшего окружения убитой женщины, её соседей и знакомых, сделалась первоочередной задачей расследования.

Первым, на кого пало подозрение детективов, оказался... Юрис Слесерс. Об этой детали читатель, скорее

всего, не найдёт упоминаний в англоязычных источниках — она опускается авторами как малозначительная. А между тем, упомянуть о ней имеет смысл, поскольку она хорошо иллюстрирует ту растерянность и непонимание произошедшего, что сопровождали работу детективов на начальном этапе.

Логика Дрисколла и Меллона на первый взгляд выглядела обоснованной. Ну, в самом деле, почему Юрис Слесерс, увидев обнаженный труп матери, не прикрыл его? Юрис был религиозен и ему ли не знать о «грехе библейского Хама», не скрывшего позор отца? В самом общем смысле «грех Хама» — это сыновья непочтительность к отцу и матери. Почему Юрис оставил тело непристойно открытым, даже полкой халата не прикрыл?

Другой интересный момент касался довольно интимной и неочевидной детали. Вставные челюсти умершей женщины находились в стакане с водой, стоявшем на умывальнике в ванной. Анна производила впечатление очень ухоженной женщины — хорошая кожа, маникюр, короткая модная стрижка... Она следила за собой и выглядела младше своих лет. Как такая женщина могла открыть дверь незнакомому человеку, не вставив челюсти?

Ещё одна странность касалась имитации ограбления. Преступник постарался сделать так, чтобы квартира Слесерс выглядела обысканной, однако, на самом деле ничего ценного не похитил. Даже вещи, лежавшие на виду, например, золотые часики Анны, оставленные владельцем на стеклянной полочке в ванной комнате. Их нельзя было не заметить! Тем не менее, преступник проигнорировал дорогую вещь, как и украшения из шкатулки, стоявшей на прикроватной тумбочке. Три ящика в тумбочке были выдвинуты, а шкатулка осталась стоять закрытой, словно преступник её не заметил, что выглядело совершенно невероятным. В том случае, если Юрис

действительно убил мать, имитация ограбления легко объяснима!

Наконец, Юрис оказался тем человеком, кто обнаружил тело. К таким людям всегда следует присматриваться — это аксиома сыскной работы — поскольку довольно часто убийцы, особенно действующие спонтанно и близкие жертве, первыми сообщают о произошедшем. Причин для такого поведения может быть несколько, причём они могут быть совершенно разного плана, вряд ли имеет смысл углубляться сейчас в их анализ, но важно отметить, что отмеченный феномен действительно существует. А потому подозрения в отношении Юриса Слесерса появились не в силу профессиональной паранойи, свойственной многим детективам, а явились следствием здравого смысла и полицейского опыта.

Юрис после предварительной беседы на месте преступления был увезен в участок и там подвергнут продолжительному допросу.

На следующий день — 15 июня — была допрошена Майя, младшая сестра Юриса, приехавшая в Бостон из штата Мэриленд, где она проживала с мужем последние два года. Сестра дала показания во всём совпадавшие с информацией, полученной от Юриса, так что историю семьи Слесерс можно было считать восстановленной с достаточной для следствия полнотой.

Анна закончила университет, по образованию была биолог, занималась селекционной работой, вышла замуж, в годы Второй Мировой войны вместе с детьми — Юрисом и Майей — попала в лагерь перемещенных лиц на территории Германии. Там её пути с мужем разошлись, и в дальнейшем они не виделись почти 20 лет. В конце концов, Анна с детьми перебралась из голодной разрушенной войной Европы в США, поселилась в Бостоне. Майя в 1959 г. вышла замуж и уехала в штат Мэриленд, а Юрис остался жить с матерью в одной квартире.

Мать и сын разъехались лишь 1 июня 1962 г., т.е. буквально за две недели до гибели Анны! Отношения между матерью и сыном всё время оставались очень сердечными, между ними никогда не бывало размолвок.

Бывший муж Анны был обнаружен в Канаде, там у него была новая семья. По просьбе американских правоохранителей он был допрошен детективами Королевской Канадской Конной полиции, и его показания должным образом были проверены. В результате удалось установить его полное alibi. Да и мотива для расправы над своей бывшей супругой он не имел ни малейшего...

На допросе Юрис Слесерс вёл себя довольно странно и отвечал не так, как, по мнению полицейских, отвечать следовало бы. Спустя много лет сержант Дрисколл вспоминал в одном из интервью, что даже над простейшими вопросами Юрис подолгу раздумывал, и иногда казалось, что он не понимает сказанного ему. Хотя на самом деле это было совсем не так, Юрис прекрасно говорил по-английски.

Трудно сказать, как далеко могли бы зайти детективы в своих подозрениях, но Юрису неожиданно помогли обстоятельства, о которых тот даже не догадывался.

Опрос жильцов дома позволил полиции отыскать ценных свидетелей, один из которых жил прямо под квартирой 3F, а другой — над нею. Оба они вечером 14 июня находились дома и имели возможность слышать странные звуки, доносившиеся с места преступления. Причём, в описании звуков оба свидетеля затруднились: один из них сравнил их со звуками передвигаемой мебели, а второй — с топотом ног плохо танцующих людей. Понятно, что свидетели имели в виду довольно необычные звуки. Что важно отметить — свидетели не слышали криков, собственно, именно это обстоятельство и удержало их от вмешательства в происходившее.

Юрис Слесерс. Фотография сделана спустя сутки со времени убийства его матери, на ней запечатлён Юрис, направляющийся на допрос в здание Департамента полиции. Юрис проверялся на возможную причастность к убийству матери, но полицейские быстро поняли, что смотрят не в ту сторону. Публично ни о каких подозрениях в адрес молодого мужчины никогда не заявлялось.

Сосед снизу был врачом, которому надо было хорошо выспаться перед ночной сменой, и шум наверху его разбудил. Мужчина был чрезвычайно раздражен тем, что ему не дают отдохнуть, и был готов устроить скандал. Если бы наверху раздался хоть один крик, он бы непременно вызвал полицейский патруль и предоставил бы шумным соседям разбираться с правоохранителями, но... обошлось без криков!

Оба соседа указали точное время, когда из квартиры 3F начали доноситься странные звуки. По их словам это произошло в 18:10, подозрительная активность продолжалась не более 10 мин, а на самом деле гораздо меньше.

Если считать, что Анну Слесерс убили в интервале 18:10 — 18:20, то получалось, что Юрис к преступлению не причастен, поскольку полиция отыскиала свидетелей, видевших его в это время и даже разговаривавших с ним в 5 км от места убийства.

Сосед снизу, кстати, подтвердил рассказ Юриса о времени появления последнего в доме №77. Около 19 часов сосед слышал громкий стук в дверь, затем слышались шаги спускавшегося по лестнице человека, после чего худощавый мужчина в очках — это был Юрис! — некоторое время прогуливался под окнами. Сосед хорошо рассмотрел его в окно и без всяких затруднений опознал.

Помимо этих показаний, существовало ещё одно соображение, снимавшее с сына подозрения. Речь идёт о работающем в квартире 3F музыкальном проигрывателе. Когда на месте преступления появились полицейские, они не сразу обратили внимание на то, что проигрыватель включён, на нём установлен виниловый диск с оперой «Тристан и Изольда» Вагнера, звукозаписывающее устройство находится в крайнем положении (т.е. воспроизведение музыки окончено), но звуков из динамиков не слышно. Когда же на работающее устройство обратили, наконец, внимание, оказалось, что тумблер его выключения неисправен, а регулятор громкости повёрнут в нулевое положение.

Юрис пояснил, что тумблер «включения — выключения» давно вышел из строя, и по просьбе матери он смонтировал скрытую кнопку на задней стенке проигрывателя, посредством которой его можно было включить и выключить. Преступник, очевидно, ничего о кнопке не знал, но испытывал потребность избавиться от мешавших ему звуков музыки, поэтому он попросту вывернул регулятор громкости в положение «ноль». Казалось довольно очевидным, что Юрис сумел бы решить эту за-

дачу правильно, а стало быть, с проигрывателем возился кто-то другой.

Что показало судебно-медицинское исследование тела Анны Слесерс?

Прежде всего, женщина была крепко побита. В волосистой части головы, в теменной области слева имелась рваная рана размером 2 см * 1,5 см, давшая обильное кровотечение. Оказалась повреждена правая барабанная перепонка, на подбородке слева кровоподтёк и осаднение кожи размером 1 см * 1 см. Помимо этого присутствовали потёртости кожи на шее, но это были не самостоятельные повреждения — они появились как следствие скольжения пояса халата при его затягивании во время душения.

Отмечались прижизненные повреждения слизистых оболочек влагалища, которые могли явиться как следствием изнасилования, так и введения какого-либо инородного предмета вроде бутылки, рукояти швабры и пр. Судмедэксперт затруднился ответить на вопрос, осуществлял ли преступник половой акт с жертвой — спермы не было найдено ни в полостях, ни на теле убитой женщины. Тем не менее, ввиду специфических повреждений вагины сексуальный мотив убийцы особых сомнений не вызывал.

Что явилось причиной смерти? В этой части особых сомнений у судебных медиков не возникло — Анна Слесерс была задушена посредством затягивания петли на шее, т.е. истинная причина хорошо коррелировалась с картиной, увиденной полицейскими на месте преступления. Тело было найдено с пояском халата на шее, однако судмедэксперт предположил, что первоначально для душения жертвы использовался отнюдь не пояс, а нечто иное. Лишь после того, как Анна потеряла сознание, преступник воспользовался пояском.

Судебные медики не обнаружили свидетельств борьбы убитой женщины с нападавшим. На теле отсутствова-

ли защитные ранения, подногтевое содержимое не имело крови и частиц кожи. Это наводило на мысль о быстром и жестоком нападении, не оставившем женщине возможностей для активной защиты.

В целом, картина произошедшего после 18 часов 14 июня в квартире 3F получалась довольно противоречивой. Больше всего сбивало с толку то, что женщина не издала ни единого крика: полное молчание жертвы можно было объяснить только тем, что преступник затянул на её шее петлю в первые же секунды нападения. Точнее говоря, нападение началось именно с затягивания петли, удары по голове явно последовали после этого. Значительное по площади осаднение кожи могло явиться следствием сильного удара о какой-то предмет окружающей обстановки, скажем, об угол стола, однако на мебели и стенах крови не оказалось. Это заставляло думать, что по голове Анны Слесерс был нанесён ударом чем-то вроде дубинки или кастета — этот предмет преступник принёс и унёс с собою. В пользу наличия у преступника небольшой дубинки свидетельствовали и повреждения влагиалища жертвы — дубинка в руках злоумышленника вполне могла стать импровизированным фаллоимитатором.

Требовало какого-то объяснения странная инсталляция со стулом перед входной дверью, устроенная неизвестным убийцей. Стул не позволял беззвучно открыть дверь и явно оказался на своём месте не случайно. Причём он мешал самому же преступнику, которому пришлось выходить, протискиваясь мимо него боком. Для чего же убийца делал то, что делал?

Полицейские так и не пришли к единому мнению на сей счёт. Скорее всего, стул был поставлен возле двери для того, чтобы звуком падения предупредить преступника о появлении в квартире постороннего человека.

Анна Эльза Лейнис Слесерс (Anna Elsa Lejins Slesers) была убита вечером 14 июня 1962 г в своей небольшой квартире на третьем этаже в доме №77 по Гейнсборо-стрит в Бостоне. Этот район считался в те годы тихим и относительно безопасным. Анна вела замкнутый образ жизни, все её развлечения сводились к посещению концертов классической музыки и церковных служб. Строгая и благочестивая женщина более полутора десятилетий не поддерживала отношений с мужчинами. Первая головоломка, с которой пришлось разбираться детективам, сводилась к вопросу: как убийца вообще узнал о существовании Анны? Или же он действовал наобум и ему всё равно было кого убивать?

Но это предположение означало, что преступник знал о скором визите Юриса.. Сам Юрис, отвечая на вопрос о выборе времени его приезда к матери, сообщил, что время это назначила сама Анна: сначала она хотела, чтобы Юрис приехал к 18 часам, и лишь накануне вечером передвинула время встречи на час позже. Юрис клялся,

что никому не говорил о своих планах появиться в 7 часов вечера в квартире матери на Гейнсборо-стрит. Стало быть, если преступник и узнал о возможном приезде сына, то, скорее всего, ему об этом сказала... сама Анна Слесерс!

Предположение казалось абсурдным, но лишь на первый взгляд. Если преступник располагал ключом от двери или набором хороших отмычек, то картина преступления приобретала вид довольно логичный и почти непротиворечивый.

Итак, около 6 вечера 14 июня Анна Слесерс готовилась отправиться в церковь: она открыла воду, намереваясь принять ванну (уровень воды на момент прибытия полиции составил около 15 см), разделась, набросила на голое тело синий халат с красной подкладкой, вставные челюсти положила в стакан с водой... Женщина ходила по квартире, возможно, сидела в кресле, слушая любимую оперу Вагнера. Музыка играла негромко, во всяком случае, упоминавшийся ранее сосед снизу не жаловался на то, что музыка мешала ему спать, в отличие от странных звуков, разбудивших его в 18:10. Преступник беззвучно открыл входную дверь и, должно быть, немало удивился, столкнувшись с хозяйкой квартиры нос к носу. Вполне вероятно, что изначально в его планы входило обычное ограбление, и лишь стечение обстоятельств изменило его намерения.

По-видимому, преступник был достаточно профессионален и оказался готов ко встрече с квартиранткой. Он заговорил с Анной и был достаточно убедителен, по крайней мере, поначалу. Возможно, он вручил женщине свою визитку, представившись водопроводчиком или электриком, присланным домовладельцем для срочного ремонта... Во всяком случае, предположение о том, что преступник передал будущей жертве нечто, что потом забрал, объясняло, почему мусорная корзина

на кухне оказалась перевёрнутой, а мусор разложен на полу... Преступник искал некий предмет, который мог его изобличить. Как бы там ни было, злоумышленник более или менее логично объяснил своё появление в квартире, возможно, сказал, что входная дверь была не заперта, либо он открыл её ключом, полученным от домовладельца... В общем, выдумал что-то, что до поры успокоило женщину. Именно поэтому Анна и не кричала, когда имела такую возможность.

В ходе короткого разговора женщина сообщила, что ждёт скорого появления сына, именно поэтому злоумышленник опасался появления нового действующего лица. Тем не менее, его возбуждение оказалось столь велико, что он не отказался от спонтанно возникшего замысла изнасиловать и убить женщину. Стремительность и безжалостность его нападения свидетельствовали о том, что преступник изначально ставил перед собой задачу не оставлять жертву живой. Очевидно, к реализации умысла преступник приступил на кухне — там он набросил на шею женщины некую удавку, лишившую её способности кричать, бросил тело на пол и нанёс первый удар в голову дубинкой. Позже, после того, как Анна потеряла сознание, преступник волоком перетащил тело в узкий коридорчик перед ванной, снял с шеи свою удавку и набросил вместо неё поясок халата. Возможно, преступник дожидался возвращения к жертве сознания и повторял душение несколько раз. Во время своих игр с удавкой насильник мог осуществлять с женщиной половой акт, а мог заниматься онанизмом — обе эти формы сексуальной активности встречаются у «душителей» примерно с одинаковой частотой, выбор одной из них зависит сугубо от личностных предпочтений преступника. «Душители», в отличие от тех сексуальных преступников, кто пользуется ножом, имеют хорошую потенцию и вполне способны к полноценному половому акту, по-

этому отсутствие на месте убийства Анны Слесерс спермы свидетельствовало скорее о причудах «сексуальной игры» преступника, нежели о его физиологической немощи. Помимо душения, преступник мог вводить во влагалище жертвы дубинку или иной предмет — эти манипуляции являлись элементом его сексуальной фантазии, которую он реализовал в процессе нападения. Описанные действия были прижизненны, что свидетельствовало о растянутом во времени процессе умерщвления жертвы.

Скорее всего, именно на этом этапе, т.е. во время «сексуальной игры», преступник и поставил перед входной дверью стул. Тем самым он устранил угрозу внезапного появления сына на месте преступления. Преступник не знал, имелся ли у сына ключ, но даже если и имелся, то беззвучно проникнуть в квартиру Юрис всё равно не смог бы...

Уже после умерщвления Анны Слесерс преступник провёл беглый осмотр её квартиры, призванный скорее замаскировать истинный мотив преступления, нежели обнаружить ценные вещи. Впрочем, по словам Юриса, пропали деньги на покупку продуктов, которые его мать обычно хранила на кухне, но сумма эта не могла быть большой — долларов 20—30, вряд ли больше. Преступник имел возможность унести из квартиры убитой женщины куда больше, но он ограничился незначительной суммой наличности.

Как видим, описанная выше последовательность событий довольно условна и грешит большим числом разного рода оговорок. Ещё раз повторим, детективы не сумели в точности восстановить картину случившегося в квартире 3F, о многих важных деталях произошедшей там драмы они могли судить лишь предположительно.

Объективности ради следует признать, что люди лейтенанта Донована в своих попытках разобраться в про-

изошедшем проявили немалое упорство. В течение десяти дней было допрошено более 60 человек, способных в той или иной степени пролить свет на обстоятельства жизни Анны Слесерс. Речь идёт о её близких, коллегах по работе, соседях, прихожанах церковной общины, был даже найден её бывший муж, о котором сын и дочь ничего не знали на протяжении многих лет. Разумеется, детективов интересовал ответ на вопрос о деталях интимной жизни убитой женщины, поскольку любовник или любовники автоматически попадали в число приоритетных подозреваемых. Однако никакой интриги это направление расследования не принесло: выяснилось, что никакой сексуальной жизни у Анны на протяжении многих лет не было. Вплоть до 1 июня она проживала вместе с сыном, и скрыть от него данное обстоятельство никак не смогла бы. Юрис первым заявил, что его мать жила как монашка, главными увлечениями её жизни являлись шитьё и классическая музыка. Кстати, подобное утверждение лишний раз доказывало непричастность сына к гибели матери — если бы он как-то оказался замешан в преступлении, то наверняка попытался бы создать видимость существования у Анны сексуального партнёра.

Слова Юриса получили полное подтверждение после допросов его сестры и лиц, хорошо знавших Анну.

Данный факт подводил следствие к выводу о нападении на женщину человека либо ей совершенно незнакомого, либо знакомого шапочно. В круг таковых, очевидно, попадали соседи Анны Слесерс по дому — они имели возможность её видеть, составить представление об образе жизни и познакомиться. Кроме того, живущий рядом и отчасти знакомый человек всегда имеет возможность обратиться под благовидным предлогом и даже попасть в квартиру, не вызывая особых подозрений в свой адрес. Дом №77 по Гейнсборо-стрит хотя и имел весьма respectable фасад из красного английского кирпича,

на самом деле относился в начале 1960-х гг. к жилью нижней ценовой категории. Квартирки в нём были очень небольшими и дешёвыми, публика в них проживала соответствующая. Среди жильцов были и безработные, и бывшие тюремные сидельцы, так что к обитателям дома №77 следовало присмотреться внимательнее.

Именно эта логика привела следствие к обнаружению первого и единственного серьёзного подозреваемого, если, разумеется, не считать Юриса Слесерса. В доме проживал судимый прежде мужчина, которого в 1959 и 1961 гг. две женщины независимо друг от друга обвинили в мошенничестве. Преступления, совершенные этим человеком, оказались довольно специфичны — они относились к категории т.н. «брачных афёр». Мужчина через журнал знакомств находил одиноких женщин, заинтересованных в серьёзных продолжительных отношениях, в процессе переписки располагал их к себе и приглашал в Бостон якобы для постоянного проживания вместе. В скором времени — буквально через неделю или две после приезда дамы — он под надуманным предлогом устраивал ей сцену и заявлял о страшном разочаровании и разрыве отношений. Уже после этого женщины обнаруживали исчезновение денег и некоторых украшений. Хотя полиция знала лишь о двух случаях такого рода, мало кто сомневался в том, что аферист сумел обмануть много больше женщин. Не следует забывать о специфике тех довольно патриархальных времён, когда женщины были скованы многочисленными условностями и попросту стыдились признать себя жертвой брачного афериста.

Гипотетически можно было допустить, что мошенник попытался разыграть свой излюбленный сценарий и с Анной Слесерс, но никаких тому доказательств найти не удалось. Никто не видел подозреваемого с убитой, его отпечатков пальцев не оказалось на месте совершения

преступления, сам он категорически отрицал знакомство с женщиной, и в этом ему вторил сын убитой. Прежде этот человек не совершал насильственных преступлений и хотя он являлся, безусловно, аморальным субъектом, сие не делало его виновным в жестоком убийстве.

В общем, расследование убийства в доме №77 не дало никаких видимых результатов — никто не был арестован, фамилию предполагаемого преступника правоохранительные органы назвать не сумели.

Впрочем, одно следствие данный трагический эпизод всё же имел. На следующий день после убийства Анны Слесерс — 15 июня 1962 г. — местная газета «Boston traveler» разместила небольшую заметку, посвященную преступлению. Она содержала мало фактической информации, и эту публикацию вряд ли имело бы смысл сейчас упоминать, если бы не одна любопытная деталь — это была первая из числа многих тысяч статей, посвященная криминальному феномену, получившему впоследствии условное обозначение «Бостонский Душителъ».

30 июня 1962 г. Убийство Нины Николс

Вторая половина субботнего дня 30 июня 1962 г. выдалась одуряюще жаркой и душной. Поэтому когда сразу после 19:30 в комнате 65-летнего консьержа Томаса Брюса (Thomas Bruce) зазвонил телефон, и звонивший попросил пожилого мужчину подняться на 4-й этаж, дабы удостовериться в том, что с одним из квартирантов всё в порядке, просьба эта удовольствия Томасу не доставила. Отказать, однако, консьерж не мог, поскольку знал, что разговаривает с известным адвокатом Честером Стедманом (Chester Steadman), главою ассоциации бостонских юристов. Стедман был мужем сестры проживавшей на 4-м этаже Нины Николс (Nina Nichols), 68-летней женщины, в прошлом врачом, вдовой уважаемого адвоката. Стедман сообщил Томасу, что он и его жена Маргарита ожидали приезда Нины к 6 часам вечера, однако, та не только не приехала, но и телефонную трубку не поднимает, что сильно их беспокоит. Консьерж посмотрел в окно, из которого была видна автостоянка, и увидел голубой «бьюик», на котором Нина приехала около 17 часов.

Дело действительно казалось неладно. Вооружившись нужным ключом, консьерж покинул своё место под вентилятором и отправился в долгое путешествие к лифту. При температуре выше 90° F (т.е. более 32°С) любая физическая активность казалась изнурительной. Пока Томас Брюс добрался до нужной двери, он успел вспотеть не один раз, но он сразу же забыл про духоту, едва убедился, что хозяйка квартиры не реагирует на звонок. Всё это выглядело очень подозрительно и не сулило ни-

чего хорошего.

Томас Брюс открыл дверь своим ключом и, не переступая порог, несколько раз крикнул в глубину полутёмной квартиры, сообщая о своём появлении. В комнатах было темно, поскольку из-за яркого солнечного света жалюзи на окнах были закрыты. Консьерж вошёл в квартиру и сразу же обратил внимание на царивший беспорядок, открытые тумбочки, выдвинутые ящики, разбросанные вещи. Несколько секунд ушли у Томаса на то, чтобы оглядеться по сторонам, наконец его взгляд упал на дверь в спальню, точнее, дверной проём в спальню. Дверь была распахнута, на полу с широко раздвинутыми ногами, обращенными к двери, лежала Нина Николс. Её короткий розовый халат был распахнут, а белый шёлковый пеньюар и бюстгальтер подняты в область подмышек. На ногах женщины находились синие теннисные туфли.

Хотя консьерж не подходил к телу, он моментально понял, что женщина мертва. Ни к чему не прикасаясь, он сразу же вышел из квартиры, не забыв запереть за собою дверь. Забыв о духоте, он бегом припустил к лифту, а спустившись вниз — к телефону.

В своём телефонном звонке в полицию Томас Брюс сразу же сообщил об убийстве, объяснив свою уверенность тем, что хотя трупа вблизи он не видел, но вся обстановка на месте происшествия убеждала его в том, что в квартире побывал чужой человек. Дом №1940 по Коммонвэлв-авеню (Commonwealth avenue), в котором проживала Нина Николс, находился в респектабельном районе Брайтон на западе Бостона — место это считалось тихим и безопасным. Убитая до выхода на пенсию в 1959 г. работала главным врачом в крупной больнице, всё это в совокупности сразу сделало преступление резонансным.

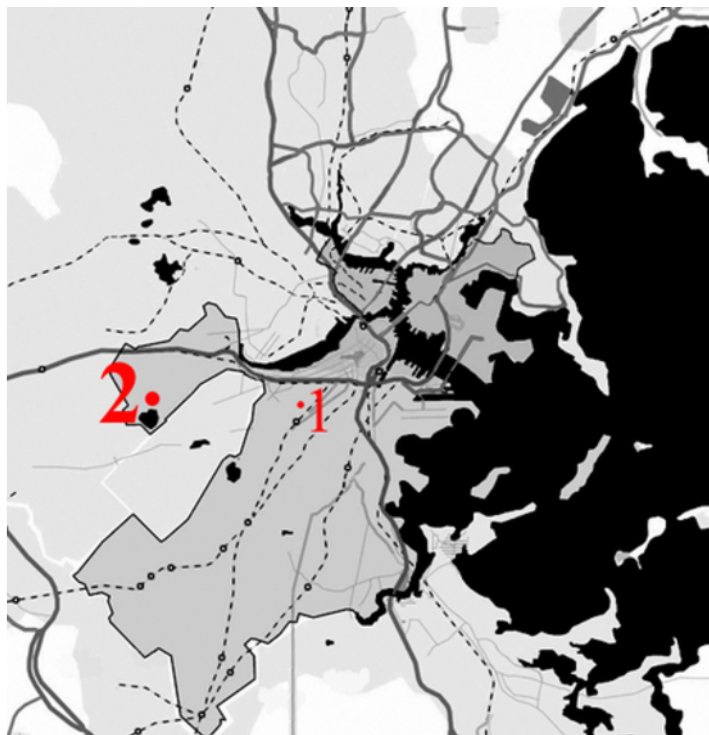

Схема Большого Бостона с указанием мест совершения убийств пожилых женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифра 1 обозначает место убийства Анны Слесерс 14 июня, а 2 — Нины Николс 30 июня. Расстояние между точками немногим более 5 км.

В дом на Коммонвэл-авеню немедленно отправился лейтенант Джон Донован, упоминавшийся ранее начальник Отдела расследования убийств Департамента полиции Бостона. После его предварительного доклада туда же выехал лейтенант Эдвард Шерри (Edward Sherry),

офицер по особым поручениям при Эдмунде МакНамаре (Edmund L. McNamara). В своём месте мы ещё скажем несколько слов о той непростой обстановке, в которой приходилось работать последнему — причин тому было множество и одна из них заключалась в том, что МакНамара был для бостонской полиции не просто чужаком, а чужаком ненавистным. Заступив в должность 1 мая 1962 г., т.е. всего за два месяца до описываемых событий, Эдмунд сталкивался не только с неприязнью отдельных подчинённых, но и их саботажем. Действуя в столь непростых условиях, МакНамара был вынужден окружать себя людьми преданными и надёжными, и Эдвард Шерри являлся одним из таковых.

Лейтенант Шерри, появившись в квартире Нины Николс и ознакомившись с необычными деталями преступления, сразу же вызвал доктора Майкла Луонго (Michael Luongo). Последний являлся главным судмедэкспертом округа Саффолк (Suffolk county), на территории которого находился район Брайтон, и по совместительству — профессором судебной медицины Гарвардской медицинской школы, престижного учебного заведения, выпускники которого работали в судебно-медицинских учреждениях по всему Восточному побережью США. Шерри не полагался на суждение находившегося на месте преступления врача и хотел, чтобы квартиру и тело убитой женщины осмотрел самый компетентный специалист Саффолка.

Картина на месте преступления производила впечатление бессмысленного вандализма. Дамская сумочка оказалась не просто раскрыта, а разорвана: её содержимое было бесцеремонно вывалено на пол. Чемодан с одеждой и обувью, находившийся в гостиной, был перевернут вверх дном, а вещи разбросаны по комнате. Содержимое тумбочек было хаотично рассыпано по креслам и диванам. Альбом с фотографиями был разорван в клочья, а фотографии собаки, которую Нина содержала

много лет, оказались разбросаны по всей квартире.

Лейтенант Эдвард Шерри, офицер для поручений при Начальнике Департамента полиции Бостона. Несмотря на свою немного клоунскую внешность, лейтенант Шерри был настоящим профессионалом и отличался живостью ума, огромной работоспособностью и добросовестностью при исполнении заданий. Но самое главное — он был абсолютно неподкупен. Последнее достоинство представлялось особенно ценным, принимая во внимание серьёзный коррупционный скандал, потрясший Департамент в начале 1960-х гг и повлёкший смену его руководства. Эдмунд являлся одним из двух старших офицеров бостонской полиции (наряду с лейтенантом Джоном Донованом), пользовавшихся абсолютным доверием её нового руководителя Эдмунда МакНамары. В тех случаях, когда начальник городской полиции нуждался в объективной оценке инцидента или преступления, на месте происшествия появлялся лейтенант Шерри, становившийся глазами и ушами шефа.

Когда их собрали и пересчитали, то выяснилось, что число фотоснимков превышало 80; преступник, по-видимому, ходил с ними по квартире и бросал их налево-направо.

При этом некоторые вещи явно привлекли внимание неизвестного варвара: так, рядом с телефонным аппаратом оказался аккуратно уложен раскрытый блокнот с адресами и телефонными номерами друзей Нины, преступник, видимо, листал его. Также очень странно выглядели 6 серебряных монет по 1 фунту стерлингов, уложенные стопкой одна на другую на тумбочке у входа в квартиру. Преступник не мог их не заметить! Даже если их оставила на тумбочке хозяйка, а не убийца, казалось странным, почему сеявший хаос преступник не выказал к ним никакого интереса — их можно было без особых проблем продать или переплавить... Очень дорогая фотокамера, стоившая по тем временам более 300\$, осталась лежать на полу — преступник проигнорировал и её! Пренебрежение к этой вещице выглядело странно, такую фотокамеру за неплохие деньги взял бы любой скупщик краденого.

На кровати в спальне аккуратно лежало женское платье, поверх него — очки. Аккуратно свёрнутое одеяло было уложено на пол возле одной из ножек кровати. Рядом находился закрытый атташе-кейс, преступника почему-то не заинтересовало его содержимое. В ридикюле оказались наличные деньги — 5 долларов 45 центов — совершенно незначительная даже по тем временам сумма для домохозяйки. Нина Николс была достаточно зажиточной женщиной, и то, что в её квартире не оказалось других денег, заставляло предполагать их хищение.

Доктор Луонго, осмотревший тело женщины на месте совершения преступления, сразу же заявил о «постановочности» картины, т.е. искусственности позы трупа. По мнению опытного судмедэксперта, Нина Николс

не могла в процессе падения принять ту позу, в которой её нашли, преступник явно играл с телом, и игра эта его забавляла и доставляла удовольствие¹. Убийца сделал своего рода «художественную инсталляцию» — он широко развёл ноги убитой им женщины и разместил тело точно напротив дверного проёма промежностью к двери. Для усиления эмоционального воздействия на того, кто обнаружит труп, преступник позаботился о его обнажении — распахнул короткий халатик и поднял к ключицам бюстгальтер и пеньюар. На шее жертвы были с силой затянуты два капроновых чулка, почти скрытых складками кожи, на чулках оказались завязаны бантики, находившиеся под нижней челюстью слева. Свободные концы чулок были аккуратно расправлены и уложены на полу.

Ушные раковины женщины были испачканы кровью,

¹ * Несмотря на то, что словосочетания «игра с трупом» или «игра с телом жертвы» могут кому-то показаться странными, бестактными и даже резать слух, эти понятия широко используются профессиональным сообществом по всему миру. Ими обозначается потребность преступника в постмортальных (т.е. посмертных) манипуляциях с телом жертвы. Речь идёт о придании телам убитых людей различных поз, как правило, непристойных, введении в полости различных предметов, посмертном раздевании и переодевании убитых, оставлении на теле надписей, подписей и рисунков. К той же категории посмертных манипуляций относится расчленение тела и выкладывание из получившихся фрагментов различных фигур, символов или букв. Все сексуальные убийцы делятся на две большие несхожие группы, одна из которых испытывает потребность в постмортальных манипуляциях, а другая сразу же после убийства теряет интерес к трупу. Очевидно, что преступники из первой группы демонстрируют склонность к некрофилии, и по тому, как далеко заходят их фантазии, можно судить о том, насколько сильно данная парафилия завладела его воображением.

вытекшей из слуховых проходов. По мнению доктора Луонго, жертву сильно ударили по ушам, возможно, не один раз, что вызвало повреждение барабанных перепонок. На нижней челюсти слева доктор отметил осаднение кожи и кровоизлияние, свидетельствовавшие о прижизненном ударе. Лобок и перианальная область были испачканы кровью, что указывало на некие грубые сексуальные манипуляции. Судебный медик предположил, что для этого могла использоваться бутылка из-под вина, найденная на месте преступления неподалёку от тела жертвы. Целостность ногтей и отсутствие защитных повреждений свидетельствовало о внезапности нападения. О возможном изнасиловании доктор Луонго ничего определенного сказать не мог — ясность в этот вопрос должны были внести вскрытие тела и судебно-химическое исследование.

Криминалисты, изучавшие место убийства, обратили внимание на предметы, к которым должен был прикасаться преступник. Это были пустая бутылка из-под вина, найденная в гостиной, с остатками жидкости на донышке, атташе-кейс, картонная коробка, в которой, по-видимому, хранились фотографии собаки, и ридикюль. Последний вызвал интерес ввиду того, что найденная в нём сумма оказалась слишком незначительной для такой женщины, как Нина Николс. Отсюда логично вытекало предположение, согласно которому денег изначально было гораздо больше, но преступник забрал крупные банкноты, а оставил одну мелочь; понятно, что для этого ему требовалось ридикюль открывать. Упомянутые три предмета были изъяты с места совершения преступления и направлены в криминалистическую лабораторию для последующего тщательного изучения.

Обстановка в квартире Нины Николс заставляли сомневаться в душевном здоровье убийцы, хотя нельзя было исключать того, что последний умышленно вёл себя

дико и нелогично, стремясь произвести впечатление человека, плохо себя контролирующего. Впечатление странности произошедшей трагедии ещё более усиливалось оттого, что жертва имела низкую виктимность: она жила в безопасном районе, её окружали хорошо знакомые соседи, все как один — респектабельные и уважаемые члены общества, в подъезде круглые сутки дежурил консьерж... Погибшая была прекрасно обеспечена материально, не имела долгов, не играла в азартные игры и не употребляла наркотики. Женщина уже много лет не поддерживала интимные отношения с лицами противоположного пола, так что драму на романтической почве вряд ли можно было рассматривать всерьёз. Разве могла Нина открыть дверь неизвестному ей мужчине, будучи облаченной в короткий халатик и пеньюар? Как вообще преступник проник в подъезд? Могла ли Нина привести его с собою?

Вопросов о последних днях и часах жизни Нины Николс имелось множество, и в конечном итоге все они получили ответы, вот только картина произошедшей трагедии от этого не только не прояснилась, но напротив, окончательно запуталась.

Нина овдовела в возрасте 48 лет и после этого уже не выходила замуж. На протяжении 16 лет она занимала должность главного физиотерапевта Массачусетского мемориального госпиталя (Massachusetts Memorial Hospital). Это медицинское учреждение являлось базой для студентов Университета Бостона и, будучи основанным в 1855 г., считалось одним из старейших и лучших в штате. В возрасте 65 лет Нина вышла на пенсию и жила безбедно, получая деньги как из пенсионного фонда, так и от биржевой торговли, которую вёл по её поручению брокер. Дважды в неделю она ходила на работу в больницу Святого Патрика, где трудилась совершенно бесплатно — это был своего рода акт благотворительности.

Имелся у Нины и особый пациент — богатый мужчина в возрасте 70 лет, с которым она работала на протяжении двух последних лет. Никаких подозрений у полиции он не вызвал, поскольку, будучи инвалидом-колясочником не мог передвигаться самостоятельно. Помимо всего, сказанного выше, Нина являлась секретарём Американской ассоциации психотерапевтов и вела большую переписку с её членами. В общем, несмотря на возраст, она оставалась чрезвычайно активной и жизнедеятельной.

Полиция быстро установила, что 28 июня Нина Николс уехала за город с подругами и провела две ночи в пансионате. В свою квартиру она вернулась примерно в 16:50 30 июня, т.е. менее чем за час до смерти. Разумеется, эта поездка сразу же вызвала интерес детективов, ведь возможно, что именно там жертва и познакомилась с убийцей и возвратилась в его обществе! Однако сразу скажем, дабы не возвращаться к этому вопросу в дальнейшем, что эта версия быстро рассыпалась: было установлено, что Нина возвратилась одна и никаких подозрительных знакомств в пансионате она не заводила.

Итак, около 17 часов 30 июня Нина Николс в одиночестве — что подтверждалось показаниями консьержа Томаса Брюса — поднялась в свою квартиру. Примерно в 17:10 или чуть позже она позвонила Маргарите Стедман, родной сестре, рассказала о поездке и договорилась, что к 18 часам приедет на ужин. Во время телефонного разговора зазвенел дверной звонок, и Нина сказала сестре, что к ней кто-то пришёл и она перезвонит. Однако Нина не перезвонила и к 18 часам на ужин не приехала. Примерно в 19 часов Честер Стедман по просьбе жены принялся звонить по домашнему телефону Нины — трубка не поднималась. Супруги решили, что Нина задерживается в дороге, и решили подождать... К 19:30 стало ясно, что ситуация совершенно ненормальна: Нина либо попала в серьёзное ДТП, либо с ней что-то случи-

лось дома. В любом случае требовалось выяснить, где она и что с ней. Тогда-то Честер Стедман и позвонил консьержу.

Сильно отретушированная газетная фотография Нины Николс, по-видимому, даёт слабое представление об истинной внешности этой женщины. Мы знаем, что несмотря на свой возраст она была энергична и очень подвижна, вела активный образ жизни. Нина Николс во многом напоминала задушенную двумя неделями ранее Анну Слесерс, с той только разницей, что социальный статус Нины был заметно выше. Нина состоялась в профессии, её уважали и ценили как опытного врача, она находила время на отдых и благотворительную работу в больнице для бедных. Как и в случае убийства Анны Слесерс полиция не сумела найти среди знакомых жертвы никого, кто мог бы затаить на неё обиду. Но это обстоятельство рождало безответный вопрос: если убийца был незнаком Нине, то почему она пустила его в квартиру? Ведь она собиралась в гости и совершенно не располагала свободным временем!

Представлялось довольно очевидным, что во время телефонного разговора Нины Николс и Маргариты Стедман в дверь квартиры первой из них позвонил убийца. Однако консьерж утверждал, что мимо него в интервале с 17 до 18 часов дом не проходили посторонние мужчины. Означало ли это, что Нину убил кто-то из жильцов?

Если всё-таки преступление совершил посторонний, то как он попал к двери квартиры, находившейся на 4 этаже 6-этажного дома? Неужели этот человек никому не звонил на этажах, расположенных выше или ниже? Шёл, шёл, шёл, уткнулся носом в дверь квартиры на 4 этаже, позвонил наобум, и ему открыла Нина Николс? Или, всё-таки, человек этот шёл целенаправленно и был уверен, что ему откроют?

Случайный визит казался совсем уж маловероятным, а вот предположение о посещении какого-то знакомого требовало проверки.

Однако все, знавшие Нину, категорически заявляли, что в последние годы её жизни порог её квартиры переступали лишь двое мужчин. Первый — это Честер Стедман, муж её родной сестры, имевший как железное *alibi*, так и безупречную репутацию, а второй — художник-оформитель, работавший с Ниной в 1960—1961 гг. после ремонта в её квартире. Как показала проверка, художник также имел надёжное *alibi*, а потому никаких серьёзных подозрений не вызвал.

Если убийца был из числа знакомых жертве мужчин, следовало искать кого-то другого.

Вяснилось, что поездка 28—30 июня была отнюдь не единственной такого рода. На предыдущий *week-end* — т.е. 23—24 июня — Нина Николс также уезжала из города в составе другой женской компании. Компания отдыхала в небольшом пасторальном городке Даксбари (*Duxbury*) примерно в 50 км к югу от Бостона. Эта

поездка, разумеется, тоже заинтересовала полицию. Дело заключалось в том, что такого рода выезды в Даксбари совершались регулярно с периодичностью 2—3 раза в месяц, Нина могла там примелькаться, и если преступник жил или работал в этом городке, то он мог свести короткое знакомство с ней задолго до убийства. Пара детективов Отдела расследования убийств в первой декаде июля отправилась в Даксбари, дабы вместе с местными полицейскими поискать тех, кто вступал или мог вступать в контакт с Ниной Николс во время её приездов.

Это направление расследования казалось очень перспективным, однако никакого результата оно не принесло.

Помимо Даксбари, убитая женщина на протяжении трёх последних лет уезжала в зимний период во Флориду, а летом — в штат Мэн. Благодаря Маргарите Стедман полиция установила адреса отелей, в которых останавливалась Нина. Туда также отправились детективы из Бостона, рассчитывая обнаружить подозрительные знакомства или подозрительных лиц в составе персонала гостиниц. Эти направления также были добросовестно отработаны и также не принесли никаких реальных зацепок.

По всему получалось, что Нину Николс убил некий мужчина, ей совершенно незнакомый. Их встреча была случайной и непредсказуемой. Если бы женщина задержалась в дороге на час, или напротив, приехала бы часом ранее, то, скорее всего, разминулась бы с преступником.

Опрос жителей дома дал полиции мало содержательной информации. Никто из находившихся в доме людей не видел подозрительного мужчину, слонявшегося по этажам, никто не видел и не слышал ничего необычного, никто не звонил в двери по надуманным предложениям... Складывалось такое ощущение, будто убийца шёл целенаправленно в квартиру Нины и, совершив задуман-

ное, ушёл, не привлекая к себе внимания.

В конечном итоге предположение о возможном ограблении было полностью отброшено. Получило объяснение даже то, что в кошельке Нины Николс оказалась подозрительно маленькая сумма наличных денег. Хорошо знавшие Нину свидетели рассказали полиции о её нелюбви к наличности: Нина панически боялась ограбления и старалась не снимать деньги в банках и не брать наличные деньги в руки. Даже при покупке газет и журналов она выписывала чеки, что для американских реалий первой половины 1960-х гг. выглядело уже довольно необычным. Но вот такая у неё была причуда...

Убийство Нины Николс с полным основанием можно назвать очень странным. Это ощущение странности только возросло после того, как стали известны результаты судебно-медицинской экспертизы, не обнаружившей ни на трупе, ни в его полостях, ни на одежде и окружающих предметах спермы. Разрывы влагалища и ректума по всей видимости были причинены инородным предметом, который преступник, уходя, унёс с собою. Полового акта с жертвой нападавший либо не осуществлял вовсе, либо осуществлял, но не довёл его до семяизвержения. Непонятно было, ради чего всё это делалось: двигала ли преступником похоть? или его мотивом являлась месть? или нечто иное? Как убийца проник в дом? Как он уговорил Нину Николс впустить его в квартиру?

В этой связи уместно обратить внимание читателей на то, что Начальник Отдела расследования убийств BPD Джон Донован бывал как на месте убийства Анны Слессерс, так и на месте убийства Нины Николс. Опытный детектив видел как обстановку в квартирах, так и тела жертв. Джон Донован летом 1962 г. пришёл к твёрдому убеждению в том, что эти преступления, хотя и схожи некоторыми чертами, всё же совершены разными лицами. Начальник «убойного» отдела заявил своему шефу

Эдмунду МакНамаре, что убийство Нины Николс должно расследоваться Службой шерифа округа Саффолк и городской Департамент «своего интереса» в этом расследовании не имеет. Другими словами, поимка убийцы Нины Николс никоим образом не приблизит разоблачение негодяя, поднявшего руку на Анну Слесерс. Причём так Донован считал и во второй половине 1962 г., и в 1963 г., и в 1964 г... Это очень интересный момент, который обычно опускается всеми писателями и журналистами, принимающими на себя труд изложить ход расследования этих преступлений!

Хотя расследование убийства Нины Николс проводилось очень энергично, никакого видимого результата оно не дало. Правоохранительные органы не назвали ни одного подозреваемого. Никого не заключили под стражу. И никто не был предан суду.

2 июля 1962 г. Убийство Хелен Блэйк

Хелен Блэйк (Helen Blake), 65-летняя женщина, в прошлом медсестра, а летом 1962 г. — пенсионер, проживала в 3-этажном доходном доме №73 по Ньюхолл-стрит (Newhall street) в городе Линн (Lynn), расположенном примерно в 20 км к северу от Бостона. Это был сравнительно небольшой — менее 100 тыс. жителей — населенный пункт, переживавший притом пору затяжной депрессии. На протяжении долгих десятилетий со времён Второй Мировой войны население Линна неуклонно сокращалось и к началу 1980-х гг. стало меньше 80 тыс. человек. Белые и богатые уходили из города, переселяясь в т.ч. и в Бостон, а неблагополучные цветные, наоборот, в Линн переезжали.

Дом №73 по Ньюхолл-стрит находился в юго-восточной части города в нескольких сотнях метров от океанского побережья. Это было сравнительно небольшое 3-этажное здание, входившее в комплекс однотипных построек, предназначенных для малообеспеченных граждан. Площадь квартиры №9, занятой Хелен Блэйк, немногим превышала 20 кв. метров — для американцев, традиционно предпочитающих жить в больших домах такое жильё следовало признать очень и очень скромным. Рядом с Хелен Блэйк проживали такие же, как и она сама, пенсионерки Маргарет Хэмилтон (Margaret Hamilton) и Энни Винчелл (Annie Winchell) — именно они и подняли тревогу 2 июля 1962 г.

Подруги Хелен стали вспоминать, когда видели её в последний раз, и с удивлением отметили, что на протяжении нескольких предшествующих дней никому на гла-

за она не попадалась.

Белое 3-этажное здание на этой фотографии — ныне разобраный дом №73 по Ньюхолл-стрит в Линне. В нём летом 1962 г была убита Хелен Блэйк.

Это было очень странно, поскольку Хелен была бодра и энергична, на здоровье не жаловалась и каждый день совершала продолжительные прогулки по живописному пляжу Нахант-бич, расположенному в шаговой доступности от её дома. Ощущение странности ещё более возросло после того, как две подруги Хелен Блэйк отправились к администратору дома и узнали, что она пропустила последний платёж за жильё. Подобная небрежность была совершенно нехарактерна для Хелен!

Встревоженные подруги попросили администратора открыть своим ключом апартаменты Хелен, однако тот не захотел тратить на эту чепуху время. Он вручил Маргарет и Энни запасной ключ от двери и предложил сделать это самостоятельно. Тут, конечно, сразу приходит на ум та предупредительность, с которой упоминавшийся в предыдущей главе Том Брюс отправился проводить Нину Николс после первой же просьбы её свояка, но таковы уж реалии классового общества: к людям более со-

стоятельным одно отношение, менее состоятельным — совсем иное.

Подруги, вооружившись полученным ключом, отправились к хорошо знакомой двери. После безрезультатного продолжительного стука в неё, они решили открыть замок самостоятельно. Едва переступив порог, они оставались в замешательстве: буквально в нескольких метрах на кровати у окна они увидели обнажённое тело Хелен Блэйк. В том, что женщина мертва, можно было не сомневаться, для этого было достаточно почувствовать запах, витавший в горячем воздухе запертого помещения.

Когда перепуганные женщины позвонили в ближайший полицейский участок¹, дежурный офицер задал им вполне резонный вопрос: «Почему вы звоните в полицию, а не в больницу?» И получил не менее резонный ответ: «Для чего звонить в больницу, если на шее затянут бюстгальтер?» Свидетельницы не рассмотрели деталей на месте преступления, но каждая из них запомнила на всю оставшуюся жизнь бюстгальтер на шее Хелен Блэйк...

Город Линн в 1962 г. находился, как, впрочем, находится и теперь, на территории округа Эссекс (Essex county), поэтому городское управление полиции при расследовании убийства Хелен Блэйк взаимодействовало со службой шерифа этого округа, а не с аналогичной службой округа Саффолк или Департаментом полиции Бостона. На протяжении довольно долгого времени упомянутое преступление расследовалось совершенно авто-

¹ Единый телефон аварийно-спасательных служб и полиции 911 появился в США в феврале 1968 г.; до этого сообщения о преступлениях принимались территориальными органами полиции и служб окружающих шерифов.

номно. Минуло несколько недель, прежде чем детективы Отдела расследования убийств BPD узнали, что у коллег к северу от Бостона находится в работе схожее по многим деталям преступление, но даже после этого расследования не были объединены и продолжались независимо друг от друга.

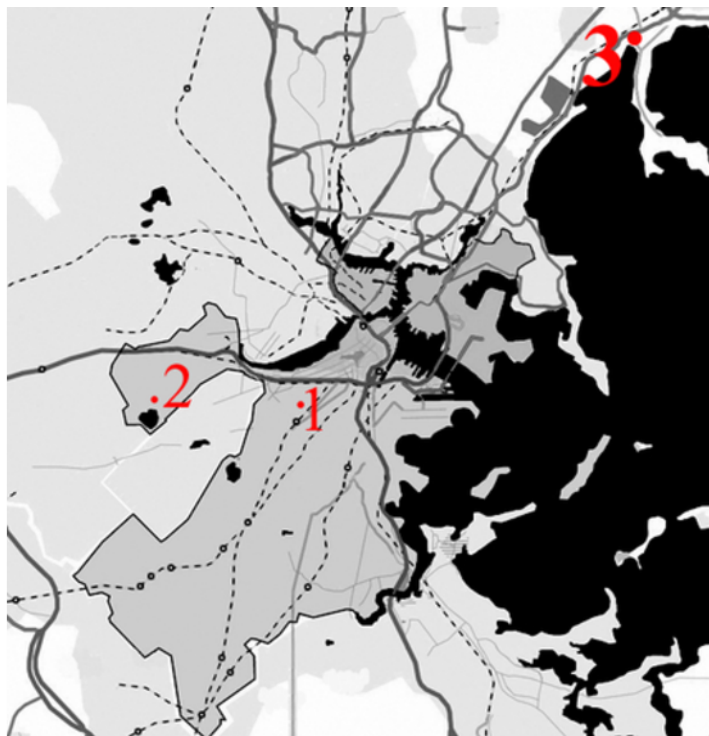

Схема Большого Бостона с указанием мест совершения убийств пожилых женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифры обозначают места совершения преступлений в их хронологической последовательности: 1 — убийства Анны Слесерс 14 июня, 2 — убийства Нины Николс 30 июня и 3 — убийства Хелен Блэйк, также совершенного 30 июня.

Как стало ясно по результатам расследований, последние два упомянутых преступления были совершены в один день с интервалом в несколько часов. Расстояние между 2 и 3 не менее 20 км по прямой. Мог ли один и тот же убийца совершить два преступления на таком расстоянии с очень небольшим интервалом (не более 5 часов)?

Осмотр апартаментов, явившихся местом преступления, показал, что картина произошедшего много сложнее и запутаннее, чем могло бы показаться на первый взгляд.

Входная дверь не была взломана, что могло означать одно из двух: либо преступник открыл замок своим ключом и застал хозяйку жилища врасплох, либо она впустила его добровольно. По-видимому, Хелен Блэйк была убита на кухне, точнее, небольшой выгородке, служившей кухней. Там присутствовали следы борьбы — опрокинутая корзина с грязным бельём, приготовленным к стирке, вырванный из фанерной перегородки крючок для полотенца и т. п. Тело, однако, находилось в кровати, причём, когда труп подняли, выяснилось, что постельные принадлежности почти не потревожены, не помяты, не разорваны, не скомканы... В постели не спали и уж точно не совершали половой акт. Скорее всего, Хелен перестелила кровать в день убийства и более в неё не ложилась. Детективы пришли к выводу, что преступник, видимо, убил женщину в кухне, после чего перенёс тело в кровать, причём проделал это довольно аккуратно. В интернете можно найти фотографии, сделанные после того, как тело увезли в морг — кровать действительно выглядит почти не потревоженной, так что в справедливости этого вывода вряд ли можно усомниться.

Но вот понять, для чего именно убийца переносил тело, куда сложнее. Намеревался ли он совершить половой акт с трупом и хотел ли сделать это на кровати? Или же он утолил свою похоть на кухне, а тело перенёс для того, чтобы шокировать тех, кто его обнаружит? Руководствовался ли он вообще сексуальным мотивом или лишь имитировал его, дабы замаскировать тривиальное ограбление? Вариантов ответов могло быть множество, выбрать какой-то один представлялось делом почти невозможным...

Хелен была облачена в пижамную рубашку, поднятую убийцей в область подмышек. Нижняя часть тела оказалась полностью обнажена, ноги вытянуты и широко раздвинуты. Труп лежал лицом вниз, голова повёрнута к левому плечу. На шее был плотно завязан бюстгалтер, под ним находились два нейлоновых чулка, вдавленные в тело примерно на сантиметр.

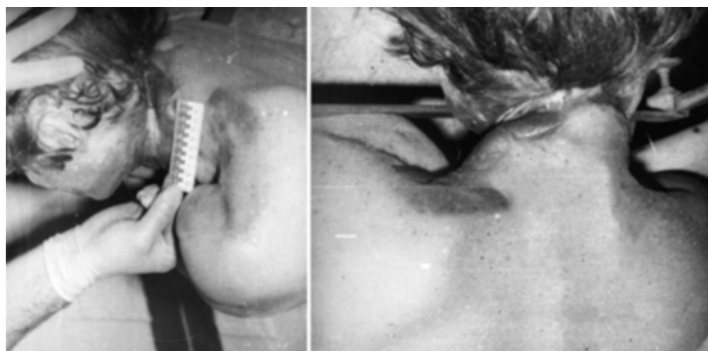
Труп Хелен Блэйк в кровати. Это, пожалуй, единственный фотоснимок с мест описываемых в этой книге преступлений, который в силу этических соображений уместно привести в качестве иллюстрации.

Как стало ясно по результатам судебно-медицинской

экспертизы, именно этими чулками женщина и была задушена. Узлы чулок находились сзади, немного ниже линии волос, а это означало, что преступник затягивал их, находясь позади жертвы, скорее всего, сидя на спине. Бюстгальтер же был завязан спереди под подбородком и чтобы завязать его, преступнику следовало перевернуть убитую женщину на спину.

Занимаемое Хелен Блэйк помещение подверглось грубому и торопливому обыску: вещи из шкафа и тумбочек были грубо выброшены, сумочка раскрыта и наполовину вывернута, на полу разбросаны мелкие предметы, квитанции на оплату, газеты и пр. Судебно-медицинская экспертиза показала, что Хелен Блэйк имела отличное для своего возраста здоровье, не имела никаких хронических заболеваний и могла прожить ещё много лет. Причиной её смерти явилось удушение петлёй, незадолго до наступления смерти женщине были нанесены побои, примерно 4 или 5 ударов в челюсти и скулы. В местах травмирования стали образовываться кровоподтёки, что указывало на разнесённость во времени (хотя и небольшую) побоев и момента смерти. По мнению судебного медика, женщина умерла примерно через 15 или чуть более минут после нападения, вполне возможно, что в течение этого времени преступник то душил жертву, то давал ей отдышаться. По-видимому, такого рода игра возбуждала его.

Следов спермы ни на теле убитой женщины, ни на предметах окружающей обстановки обнаружить не удалось. Тем не менее, существование сексуального мотива особых сомнений не вызывало — осаднения и разрывы половых органов и ректума однозначно свидетельствовали о манипуляциях преступника. Следы крови присутствовали на пижамной рубашке и штанах, а также постельных принадлежностях.

Это единственные фотографии жертвы удушения, приведенные в этой книге. Снимки умышленно приведены к небольшому размеру, дабы не травмировать читателя. Вид задушенного петлёй человека всегда оставляет тяжёлое впечатление: синюшно-багровый цвет лица, приоткрытый рот, закушенный кончик языка, глубоко вдавленная в шею петля. Прямо скажем, смотреть особенно не на что... Но для судебного медика осмотр трупа имеет большое значение — по характеру прилегания петли, наличию и расположению узла можно сделать заключение об имитации самоубийства, расположении преступника относительно жертвы в процессе душения, последовательности действий убийцы, а также о том, явилось ли удушение однократным действием или же убийца несколько раз возвращал жертву к жизни, а потом душил снова. Все эти детали имеют исключительно большое значение для следствия.

На теле Хелен отсутствовали т.н. «защитные» повреждения, возникающие обычно при активном сопротивлении (кровоподтёки на предплечьях, сломанные ноги,

осаждения на суставах — локтевых, коленных, пястно-фаланговых). Это означало, что женщина не боролась с нападавшим, либо её сопротивление оказалось минимальным. Видимо, первые же удары в голову привели её в шоковое состояние, сделав невозможным активную самозащиту. Тем не менее, женщина не имела повреждений, способных привести к моментальной потере сознания, поэтому с большой вероятностью можно было предполагать, что она кричала и звала на помощь. Следствию имело смысл сосредоточиться на поиске свидетелей, слышавших подозрительные крики.

По заключению экспертизы, смерть Хелен Блэйк последовала примерно за двое суток до обнаружения тела, т.е. 30 июня 1962 г.. Весьма заметные посмертные изменения были обусловлены высокой температурой в закрытом помещении, в котором труп находился после смерти (около $+30^{\circ}\text{C}$).

По-видимому, преступник проник в апартаменты Хелен в то время, когда женщина уже собиралась ложиться спать. Она перестелила кровать, старое бельё бросила в корзину, рассчитывая, видимо, постирать его на следующий день... Преступник либо сумел убедить Хелен отворить ему дверь, либо открыл её своим ключом, возможно, отмычками. Его появление явилось неожиданостью для пожилой женщины, оказавшейся неспособной оказать злоумышленнику сопротивление.

Полиция Линна приложила большие усилия для поиска свидетелей нападения или тех, кто мог видеть в доме 30 июня подозрительного мужчину. Были опрошены все жильцы дома №73 по Ньюхолл-стрит, а также лица, имевшие причину там появиться: родственники проживавших в доме людей, почтальоны, администратор и т. п. Результаты этой объёмной, но мало результативной работы заключались в том, что никто не видел во второй половине дня подозрительных мужчин ни

В доме, ни возле него.

Довольно редкая фотография: сотрудники Департамента полиции Линна обсуждают детали убийства Хелен Блэйк на месте совершения преступления. Криминалисты обычно не фотографируют работу полицейских, люди если и попадают в кадр, то как правило на обзорных снимках, когда это обусловлено соображениями целесообразности (например, чтобы можно было составить представление об истинной крутизне склона горы, доступности окна, соотносении размер предмета с ростом человека и т.п.). В данном случае фотограф сделал снимок либо случайно, либо не рассчитывая его сохранить. Тем не менее, фотография эта со-

хранилась, очевидно, потому, что за ней стоит большая и очень необычная криминальная история.

Саму же Хелен Блэйк в последний раз видели живой 29 июня около 16:30, тогда она поговорила с администратором дома и пообещала оплатить проживание после 1 числа будущего месяца.

То, что полиция не смогла отыскать свидетелей, можно было объяснить несколькими взаимодополняющими причинами: во-первых, пожилые люди во второй половине жаркого дня обычно уходили к океану, где влажность и высокая температура переносились легче, чем в жилом помещении, а во-вторых, осторожный преступник дерзнул напасть тогда, когда был уверен, что его никто из соседей жертвы не видел. Вполне возможно, что столкнувшись с кем-то из жильцов на лестнице, злоумышленник отказался бы от своих планов, и Хелен Блэйк осталась бы жива...

К концу первой недели активно начатое расследование забуксовало. Отпечатков пальцев, которые можно было бы связать с убийцей, на месте преступления обнаружить не удалось. Опрос жильцов дома не привёл к выявлению свидетелей нападения. Спермы насильника на жертве не оказалось, а потому установить его группу крови не представлялось возможным. Незвестный изувер сумел прийти и уйти, не оставив никаких следов.

Кем бы ни был этот человек, он сумел совершить идеальное преступление, которое грозило стать «висяком» без всяких шансов быть раскрытым.

11 июля 1962 г. Убийство Маргарет Дэвис

Отель «Рузвельт», занимавший дом №1147 по Вашингтон-стрит (Washington street) в южной части Бостона являлся не то чтобы явным притоном, но местом, пользующимся славой определенного свойства. Расстояние этой части Вашингтон-стрит до порта составляло около 2 км и здесь частенько появлялись толпы моряков со всего света в компании разноцветных подружек, из разряда тех, коих принято считать женщинами с пониженной социальной ответственностью. Настоящая слава к отелю «Рузвельт» пришла немного позже описываемых здесь событий — это случилось 4 февраля 1968 г., когда сие гнездо порока сгорело дотла. Тогда в огне погибли 9 человек, и случившееся стало на несколько дней «городской новостью №1». Отель на этом месте более не открывался, хотя здание кое-как восстановили, признав пригодным для хозяйственной эксплуатации. В 2012 г. этот объект оказался в эпицентре нового скандала, связанного с его незаконной эксплуатацией в качестве жилого здания, в котором за 500\$ в месяц ютились малоимущие, в т.ч. и инвалиды-колясочники. Здание не имело систем защиты от пожара и запасного выхода, что грозило новыми жертвами в случае небрежного обращения с огнём. Коммунальные службы при поддержке полиции принудительно расселили дом, а местное телевидение напомнило жителям Бостона об истории этого примечательного места.

Впрочем, все эти перипетии имеют к нашему повествованию отношение весьма опосредованное. Случившееся тогда интересно нам лишь постольку, поскольку по-

сле пожара 1968 г. отель «Рузвельт» исчез с карты города и ныне этого здания не существует.

Сгоревший в феврале 1968 г. отель «Рузвельт», находившийся по адресу дом №1147 по Вашингтон-стрит, после пожара уже не был восстановлен. Здание считалось непригодным для жилья, хотя на протяжении многих лет в нём ютились малоимущие. Городские власти закрывали на это глаза, но уже в 21 столетии здание было снесено, и на этом участке построено другое.

Летом 1962 г. в «Рузвельте» за 8\$ можно было снять номер на час, а за 25\$ — на ночь. Если клиента приводила дамочка, знакомая портье, то документы при поселении можно было не предъявлять — достаточно было любой фамилии, нацарапанной клиентом с закрытыми глазами.

Именно по такой схеме и произошло поселение поздним вечером 10 июля некоего «Байрона Спинни» (Вугон Spinney) и его якобы «супруги». Портье прекрасно знал, что «миссис Спинни» на самом деле никакая не «миссис» — это местная старая проститутка Этель Джонсон (Ethel Johnson), женщина в годах, потасканная, опустившаяся и сильно пьющая. И мужчина, который явился с нею, вовсе не являлся Байроном Спинни. Уж коли он подписался таким именем и фамилией, то звали его точно не так...

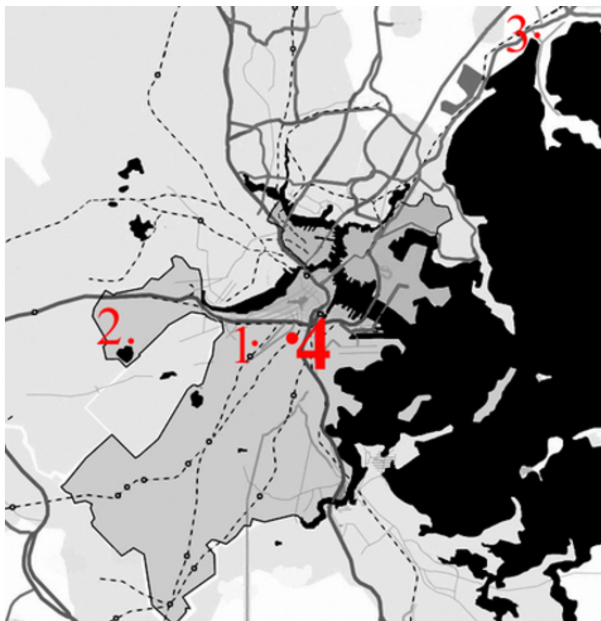
Парочка заявила о намерении остаться в гостинице до утра. Заплатив положенную сумму, «мистер и миссис Спинни» прошли на второй этаж, в комнату №7. Дамочка была крепко пьяна, её покачивало, мужчина галантно поддержал её на лестнице. В руке он держал початую бутылку «виски», очевидно, вечер предполагалось продолжить в номере. Всё было как всегда — портье наблюдал шатающихся женщин и мужчин с бутылками в руках по двадцать раз на дню.

В 08:30 горничная постучала в дверь №7 и, поскольку ей никто не ответил, открыла замок своим ключом.

На кровати лицом вверх лежала полностью обнаженная женщина. Лицо её было неестественно багровым, рот широко раскрыт в немом крике. Не вызывало сомнений, что женщина мертва, и уже давно, — в жарком спёртом воздухе был разлит тошнотворный букет специфических посмертных запахов: мочи, желчи, кала... и спиртного, само собой.

Портье, впрочем, как и горничная, не особенно заволновался — гостиница «Рузвельт» являлась таким местом, где постоянно происходили разного рода нестандартные ситуации. Клиенты избивали проституток, проститутки обворовывали клиентов, кто-то пытался вешаться, кто-то случайно резался стеклом, у кого-то приключались приступы белой горячки — в общем,

жизнь была ключом, и на этом празднике жизни с завидной регулярностью кого-то убивали или кто-то сводил счёты с жизнью своими силами. Женщина из №7 вполне могла умереть от естественных причин — скажем, задохнуться собственной рвотой или от сердечной недостаточности... Вполне себе тривиальные для алкоголика причины смерти!

Места убийств женщин посредством удушения в Бостоне летом 1962 г на карте города. Цифры 1—3 — описанные выше эпизоды, 4 — место убийства проститутки в ночь на 11 июля в отеле «Рузвельт». Упомянутый отель располагался на полпути из порта Бостона в Роксбери, наиболее криминальную часть города. Неудивительно, что его облюбовали для уединения с проститутками моряки, портовые рабочие и местные бандиты. Вся эта публика составляла

значительную часть клиентов отеля, так что сохранить презентабельность этому заведению было практически невозможно. В отеле с завидным постоянством происходили насильственные преступления разной степени тяжести, в основном, их жертвами становились проститутки, хотя иногда перепадало и их клиентам. Так, например, в 1950-х гг из окон отеля дважды выпадали его постояльцы (в обоих случаях коронер констатировал острый делирий, т.е. белую горячку). В общем, местечко было нескучным.

Однако прибывший в отель патруль сразу же вызвал на место происшествия детективов Отдела расследования убийств BPD. На шее умершей женщины отчётливо просматривались синюшно-чёрные следы пальцев рук, так что факт удушения сомнений не вызывал.

Началось расследование, и сразу же последовали неприятные открытия. Первое заключалось с том, что никто не видел «мистера Байрона Спинни» уходящим из гостиницы. Портье утверждал, что не отлучался со своего места надолго, и ему можно было верить — он ничего не заработает, если перестанет контролировать вход и выход из отеля. Исходя из предположения, что убийца прячется внутри здания, полиция обыскала весь отель, но преступника не нашла. Куда и как он мог исчезнуть, выяснить так и не удалось, вариантов его отхода с места совершения преступления могло быть несколько, например, можно было допустить небрежность портье, в которой тот не пожелал признаться, либо бегство по пожарной лестнице, хотя последнее трудно было проделать незаметно для окружающих. Нельзя было полностью исключить и сговор преступника с портье, если они были давно знакомы или состояли в родственных отно-

шениях.

В течение последующих месяцев портье несколько раз допрашивался полицией, очевидно, ввиду того, что первоначальные его показания внушали определенное недоверие. Однако никаких свидетельств его нечестности выявить не удалось; вопрос «как преступнику удалось незамеченным ускользнуть из отеля?» так и не получил точного ответа.

Другая проблема, которую пришлось решать следствию, заключалась в идентификации жертвы преступления. Убитая женщина была известна портье как Этель Джонсон, однако быстро выяснилось, что это не настоящие имя и фамилия. Появилась информация, будто погибшая была женою некоего Джонни Джонсона — этот человек был разыскан. Оpoznать убитую он не смог. Бармен одного из питейных заведений, в котором появлялась время от времени женщина, припомнил, что она, вроде бы, лечилась от алкоголизма в Доме Доброго Пастыря (House of the Good Shepherd), бесплатной больнице для малоимущих в районе Джамайка-плэйн, примерно в 5 км юго-западнее отеля. В больнице убитую опознали как Энни Оукли, однако последующая проверка показала, что эти имя и фамилия тоже были вымышлены. Впрочем, тот факт, что женщина лечилась в южной части Бостона, можно было считать обнадеживающим, поскольку жить она должна была где-то неподалёку.

Поиски людей, способных опознать убитую, продолжались почти четверо суток. Оказалось, что в разных местах Бостона её знали под разными именами: Винни Хьюз, Энни Каннингхэм и т. п. Выяснилось, кстати, и любопытное совпадение: убитая лечилась в той самой больнице, в которой вплоть до 1959 г. работала Нина Николс, задушенная 30 июня. Впрочем, эти женщины вряд ли были знакомы, поскольку больница в большом городе — место многолюдное и с высокой проходимо-

стью, никаких достоверных свидетельств того, что жертвы двух преступлений встречались, отыскать не удалось.

Сложно сказать, как долго могли продолжаться мытарства детективов, пытавшихся разузнать хоть что-то из прошлой жизни убитой в ночь на 11 июля женщины, но им на помощь пришли её родственники, подавшие заявление в полицию о её исчезновении. Выяснилось, что жертвой жестокого преступления явилась 60-летняя Маргарет Дэвис (Margaret Davis), проживавшая в доме №139 по Блю-Хилл авеню (Blue Hill avenu) в бостонском районе Роксбари (Roxbury). Дом этот находился в 3 км к югу от отеля, в котором Маргарет нашла свою смерть.

Результаты судебно-медицинской экспертизы оказались во многом предсказуемы. Женщина на момент смерти находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения, что полностью соответствовало показаниям портье. На руках и ногах Маргарет Дэвис были обнаружены многочисленные кровоподтёки, по-видимому, не находившиеся в причинной связи с её смертью. Поскольку женщина являлась алкоголичкой, то можно было не сомневаться в том, что она много падала, ударялась о мебель и т. п. Присутствовали и кровоподтёки, являвшиеся, скорее всего, результатом побоев, но и их сложно было связать с последним нападением. Маргарет Дэвис являлась дешёвой проституткой, с такими женщинами мало церемонятся клиенты и часто бьют, так что объяснить получение тех или иных травм нападением именно убийцы не представлялось возможным.

Состояние половых органов свидетельствовало об имевшем место незадолго до смерти грубом половом акте, но и эту деталь сложно было связать с убийством. Вполне возможно, что напавший на женщину человек был не первым её клиентом в тот вечер, так что сделать однозначное заключение о том, осуществлял ли убийца половой акт с жертвой, не представлялось возможным.

Спермы не было найдено ни на теле жертвы, ни в её постелях.

Непосредственной причиной смерти Маргарет Дэвис явилось удушение руками. Смерть последовала около полуночи, возможно, в первые часы 11 июля. Преступник, видимо, был достаточно крепок физически и имел определенный опыт, поскольку задушить руками взрослого человека довольно сложно, точнее, говоря, из всех способов удушения этот самый сложный (требуется большая сила в кистях рук и определенная выдержка).

С физическими уликами дела обстояли плачевно. В силу очевидных причин, в гостиничном номере во множестве были обнаружены отпечатки пальцев, однако ни один из них нельзя было связать с убийцей. Все они — числом более 110! — были сохранены в надежде на совпадение с «пальчиками» подозреваемого, если таковой появится, но никакой гарантии столь благоприятного стечения обстоятельств не существовало. Криминалистам очень бы помогла бутылка с виски, которую портье видел в руках предполагаемого убийцы, однако, в номере бутылки не оказалось. Не оказалось и презерватива, которым для соития с проституткой мог воспользоваться клиент. В подногтевом содержимом убитой женщины не было найдено частиц кожи и крови нападавшего, поэтому о его группе крови ничего определенного сказать не представлялось возможным.

Итак, чем же располагало следствие, что называется, «в сухом остатке»? Прямо скажем: немногим. Имелось сообщенное портье описание клиента, с которым Маргарет Дэвис поднималась в №7. Имелась кроме того карточка на поселение, заполненная от имени «Байрона Спинни» с несуществующим адресом; снять с неё приемлемые по качеству отпечатки пальцев криминалисты не смогли. В течение суток после убийства были найдены 4 свидетеля, видевшие убитую женщину поздним вече-

ром 10 июля. Эти люди вместе в портье теоретически могли опознать убийцу, но для этого последнего следовало отыскать.

Искать же следовало белого мужчину в возрасте около 40 лет плотного сложения, ростом около 180 см и весом 90 кг или более, bruneta, зачёсывающего волосы на прямой пробор, без усов и бороды. Одет подозреваемый был в светло-серый полотняный костюм, светлую рубашку в широкую серую полосу, пиджак нёс в руках, узел галстука был ослаблен.

Вот такие приметы... Прямо скажем, в городе с населением в 450 тыс. человек мужчин, подходящих под такое описание, могло оказаться и 10 тыс., и 20 тыс., и даже 30. Искать можно было долго.

Оперативным обеспечением расследования занимались детективы «убойного» Отдела BPD Джона Донована, который следил за ходом их работы и докладывал о её результатах начальнику Департамента полиции. Ни Донован, ни его подчиненные не связывали убийство Маргарет Дэвис с другими убийствами женщин в Бостоне, произошедшими ранее летом 1962 г. Отличия были слишком разительны — Дэвис в отличие от Слесерс и Николс не была домохозяйкой-пенсионеркой, убита она была не в собственной квартире, а в гостинице, и задушили её не петлёй, а руками.

В первой половине 1960-х гг. в Бостоне убийства совершались в среднем один раз в неделю, т.е. в течение года от рук убийц погибали в среднем 50—55 человек. Из этого числа проститутки давали примерно 20% жертв, в каком-то смысле можно сказать, что для лиц данной профессии такова была «квота» на смерть. Кого-то из них убивали ударом ножа, кого-то душили, кто-то умирал от пули или побоев... С точки зрения лейтенанта Донована, смерть Маргарет Дэвис полностью соответствовала статистической норме, в произошедшей траге-

дии не было ничего необычного. Другими словами, если бы в ночь на 11 июля в отеле «Рузвельт» не убили бы эту женщину, то в ближайшие дни в другом притоне смерть нашла бы другую проститутку — это была всего лишь статистика, закон больших чисел...

Душное лето 1962 г. достигло своего апогея и безостановочно покатилося дальше.

Странные убийства продолжились.

21 августа 1962 г. Убийство Иды Ирги

Гарри Хэлперн (Harry Halpern) давно уже вышел из скаутского возраста и к 70 годам подрастерял юношескую прыть: плохо стал видеть и слышать, с трудом ходил, особенно много проблем доставлял подъём по лестницам. Тем не менее, на фоне своей старшей сестры Иды Ирги (Ida Irga) он смотрелся ещё молодцом. 75-летняя Ида не только плохо слышала и ходила, но с некоторых пор стала плохо ориентироваться в пространстве: забывала дорогу к дому, путала этажи и т. п. Самое неприятное заключалась в том, что она стала забывать закрывать входную дверь, гасить свет, перекрывать воду.

Младший брат договорился с сестрой, что та не будет уходить из дома одна, и взял за правило ежедневно звонить Иде, дабы убедиться, что с нею всё в порядке. Утром 19 августа они поговорили как обычно, Ида хорошо себя чувствовала и пребывала в хорошем расположении духа. На следующий день она трубку не подняла. Гарри в течение дня точно также безрезультатно позвонил ещё раза два или три, но не особенно встревожился, поскольку знал, что сестра могла лечь спать днём, отключив телефон. Однако 21 августа Гарри заволновался всерьёз и во второй половине дня стал названивать с интервалом буквально час-полтора. Несмотря на то, что сам он чувствовал себя далеко не лучшим образом, около 6 часов пополудни мужчина отправился к дому №7 по Гроув-стрит (Grove Street) в районе Бикон-Хилл (Beacon Hill).

Современная фотография дома №7 по Гроув-стрит. Дверь справа — вход в подъезд дома №5, дверь в центре — вход в дом №7, проём слева — спуск в магазин, расположенный в цокольном этаже дома №7. Гроув-стрит — это район сплошной застройки, дома там стоят стеной без проулков и газонов. Дом, в котором проживала Ида Ирга, обращён к улице всего 3 окнами. Здание тянется вглубь квартала и выходит в крохотный внутренний дворик-колодец, дна которого никогда не достигают солнечные лучи. Местечко довольно мрачное, напоминающее во многом петербургские дворы-колодцы. Именно в этот мрачный дворик и выходили окна квартиры, занимаемой Идой Иргой.

Это был центр Бостона, застроенный зданиями в английском стиле в 4—5 этажей из красного кирпича. Внутри кварталов находились небольшие мрачные дворы-колодцы, во всём напоминавшие собратьев из Санкт-Петербурга, без клочка зелени и лучика солн-

ца на дне. Окна квартиры Иды выходили в крохотный Г-образный дворик и были обращены к стене соседнего дома №9. Расстояние до неё не превышало 4 м. Совсем рядом, на удалении буквально 20 м, располагался выход на поверхность тоннеля «красной» линии бостонского метрополитена, грохот поездов также не добавлял привлекательности жилью. Главным достоинством квартиры, занимаемой Идой, являлось то, что в летние дни в неё попадали солнечные лучи — именно поэтому пожилая женщина не желала менять место проживания. А к грохоту поездов метрополитена она давно привыкла!

Хэлперн располагал комплектом запасных ключей, поэтому никаких проблем с проникновением в квартиру сестры не возникло. Открыв дверь, Гарри моментально понял, что пришёл на место преступления, и Иде он помочь уже не в силах... Сохранив удивительное самообладание, Хэлперн набрал номер полицейского участка, сообщил об убийстве, после чего вышел из квартиры и стал дожидаться прибытия патруля.

В этом месте следует подчеркнуть, что в скором времени изложенная выше история обнаружения тела Иды Ирги претерпит некоторые изменения. Полиция официально заявит — и так будет считаться на протяжении более десятка лет — будто труп обнаружил двоюродный брат убитой, некий Эдвард Абенфейн (Edward Urbenfein), проживавший якобы в Роксбари, южном районе Бостона. Абенфейн на самом деле там не проживал и его «вписали» в эту историю единственно для того, чтобы обезопасить Гарри Хэлперна. Полицейские считали последнего важным свидетелем и опасались, что убийца может попытаться с ним расправиться. По этой же причине, кстати, полиция сообщила, будто сын убитой проживает в Нью-Йорке и не появляется в Бостоне, хотя на самом деле тот являлся профессором химии Массачусетского технологического института (сын носил фами-

лию, отличную от фамилии матери и отследить его было довольно проблематично). Лишь после смерти Хэлперна его вовлеченность в данную историю стала достоянием гласности.

Все эти детали отлично характеризуют неуверенность полиции Бостона в своих силах и непонимание того, кого именно она ищет. Расправа над свидетелями представляется чем-то в духе совсем уж крутого шпионского детектива, однако такой вариант рассматривался правоохранительными органами в то время как вполне вероятный.

Вернёмся, впрочем, к хронологии событий.

Первые полицейские прибыли на место совершения преступления в 19:47. Обстановка в квартире была столь шокирующей, что доклад об увиденном ими немедленно поступил Начальнику отдела расследования убийств Джону Donovanу, а от него — начальнику полиции Бостона Эдмунду МакНамаре. Последний направил на Гроув-стрит лейтенанта Эдварда Шерри, а тот немедленно вызвал главного окружного судмедэксперта Майкла Луонго. В каком-то смысле повторился сценарий произошедшего 30 июня.

Тело Иды Ирги находилось в спальне на полу лицом вверх. Ноги женщины были подняты, частично согнуты в коленях, уложены на два стула и широко раздвинуты, расстояние между пятками составляло около 4 футов (примерно 1,2 м). Под поясницу убийца подложил диванную подушку, тем самым высоко подняв её. На убитой была надета кремового цвета ночная рубашка, разорванная от шеи до подола, половинки её были раздвинуты, полностью обнажая тело. Трусы были сняты и лежали на полу примерно в метре от трупа. На шее была туго закручена наволочка, снятая с одной из подушек, лежавших на кровати. Тело размещалось таким образом, чтобы оголенная промежность была обращена к двери в спальню,

дверь же была оставлена открытой. Таким образом, вошедшему в квартиру человеку при взгляде в сторону спальни тело сразу же бросалось в глаза. Очевидно, преступник умышленно придал позе трупа шокирующую непристойность и позаботился о том, чтобы труп нельзя было не заметить буквально с порога квартиры.

Изучение следов показало, что преступление произошло на кухне. Именно там на Иду напали и убили, и лишь после этого труп волоком оттащили в спальню. Женщина была сильно избита, ещё при осмотре трупа на месте совершения преступления доктор Луонго отметил следы кровотечения из обеих ушных раковин и глубокие рассечения кожи в волосистой части головы. Кроме того, кровь текла из носа и рта жертвы. Волосы, видимо, были полностью перепачканы кровью, хотя к моменту осмотра уже практически высохли. Оставленные волосами на полу кровавые разводы обозначали направление перетаскивания тела. Один гребень, выпавший из волос, по-видимому, при ударе в голову, был найден на кухне, второй — в гостиной, прямо в кровавом следе, оставленном волосами.

Окна в квартире оказались закрыты, а жалюзи опущены, в спальне на прикроватной тумбочке горел ночной светильник. Закат солнца на широте Бостона в 20-х числах августа происходит примерно в 18:40 по местному времени, очевидно, что свет в помещении надлежало включить прежде этого времени (поскольку закату предшествуют сумерки). Таким образом, убийца вряд ли появился в квартире Иды Ирги ранее 18:30. С этой оценкой прекрасно согласовывалось то, что убитая оказалась одета в ночную сорочку; женщина явно готовилась лечь спать, когда на пороге появился преступник.

Когда именно это произошло — 19 августа или 20? Доктор Майкл Луонго, ориентируясь по степени развития трупного окоченения и высыханию крови на полу

и в волосах жертвы, уверенно заявил, что Ида Ирга убита ранее вечера 20 августа, т.е. 19 числа. Этот вывод отлично согласовывался с показаниями Гарри Хэлперна, утверждавшего, что 20 августа сестра телефонную трубку не поднимала.

Что пропало из квартиры? Ида Ирга не была состоятельной женщиной и не имела редких или драгоценных вещей и украшений, отсутствие которых можно было бы легко заметить. Квартира была обыскана, на что явственно указывали беспорядок, выдвинутые ящики комодов и тумбочек, разбросанные вещи и т. п. Но то имущество, которым она владела — вещи, обувь, предметы повседневного обихода — были совершенно стандартны и никакой особой ценности не представляли. Гарри Хэлперн затруднился с определением похищенного, точнее, он затруднился даже подтвердить факт хищения чего-либо из квартиры. Единственное, что с некоторыми оговорками можно было связать с действиями преступника, являлось отсутствие наличных денег. По словам младшего брата, Ида всегда держала в доме некоторую сумму наличных денег на мелкие непредвиденные расходы, обычно это была сумма в 20-30-40\$. Вечером 21 августа Хэлперн этих денег на их обычном месте не обнаружил. Их действительно мог забрать преступник, но нельзя было полностью исключить того, что сама же Ирга потратила заначку незадолго до смерти.

В общем, полной ясности в этом вопросе полицейские так и не добились.

Осмотр входной двери и замка показал, что преступник для проникновения в квартиру не пользовался грубой силой или отмычками. Это означало, что потерпевшая впустила злоумышленника добровольно. Сложно было представить ситуацию, при которой пожилая женщина, собирающаяся лечь спать и уже облачившаяся в ночную рубашку, открывает дверь неизвестному муж-

чине и впускает его в квартиру. Поскольку нападение началось на кухне, получалось, что Ида Ирга не только открыла входную дверь, но беспрепятственно позволила неизвестному пройти вглубь квартиры.

Судебно-медицинская экспертиза обнаружила на шее убитой женщины кровоподтёки и дефекты кожи двух видов: одни были оставлены пальцами и ногтями рук, другие — наволочкой. Это означало, что первоначально преступник душил жертву руками, а уже после этого использовал наволочку, которую затянул наподобие шейной косынки. Удерживая женщину за горло, преступник нанёс ей несколько сильных ударов в нижнюю челюсть, скулу, височную область и теменную часть головы. Удары эти находились в левой части головы и лица и наносились правой рукой, в которой нападавший сжимал некое орудие — кастет или небольшую дубинку. Использование этого орудия привело к рассечениям кожи и обильному кровотечению¹.

Помимо ударов в левую часть головы и лица, преступник нанёс несколько ударов и в правую, т.е. задействовал левую руку. Судя по кровоподтёкам, оставленным пальцами на горле, а также следам ногтей с обеих сторон шеи, убийца менял руку, которой осуществлял душение. Несложно понять, почему именно он это делал: задушить руками довольно сложно, для этого надо иметь

¹ Обильное кровотечение из сравнительно небольших ран на голове и лице не должно удивлять. С точки зрения человеческой анатомии голова является важнейшей частью тела, пронизанной густой сетью кровеносных сосудов разной степени наполнения. Порой даже незначительная рана даёт обильное кровотечение, которое весьма трудно остановить. Любители спорта, например, хорошо знают, что боксёрские поединки приходится порой прекращать из-за невозможности врачей остановить кровотечение из рассеченной брови.

сильные кисти рук и способность не снижать силу сжатия на протяжении нескольких минут. Это совсем не так просто, как может кто-то подумать, многие преступники, переоценившие силу своих рук, были разоблачены как раз потому, что потерявшая первоначально сознание жертва возвращалась к жизни и помогала разоблачить душителя. Нападавший на Иду Иргу явно знал специфические нюансы процесса удушения, а потому не ограничился сдавливанием шеи руками и для гарантированного умерщвления женщины воспользовался наволочкой.

Причиной смерти явилась механическая асфиксия, повреждения головы угрозу для жизни не представляли.

В крови убитой женщины не был обнаружен алкоголь, что следовало признать вполне ожидаемым, но зато было найдено снотворное. Последнее подтверждало сделанное ранее предположение о нападении в вечернее время, а не утреннее, поскольку вряд ли женщина приняла бы транквилизатор в начале дня.

Разумеется, большой интерес представлял ответ на вопрос о возможном изнасиловании убитой женщины. Судебно-медицинская экспертиза обнаружила надрывы половых губ и потёртости слизистых оболочек, свидетельствовавшие о грубых манипуляциях; также имелись повреждения ректума. Кровотечение доказывало прижизненность всех этих травм. Однако спермы не было найдено ни на теле жертвы, ни в его полостях, ни на одежде убитой. Экспертиза не могла однозначно определить, послужил ли причиной травмирования грубый половой акт или же повреждения явились следствием применения насильником некоего инородного предмета в качестве «сексуальной игрушки».

Время наступления смерти экспертиза отнесла к вечеру 19 августа, подтвердив тем самым предположительную оценку, сделанную доктором Луонго при осмотре тела на месте преступления.

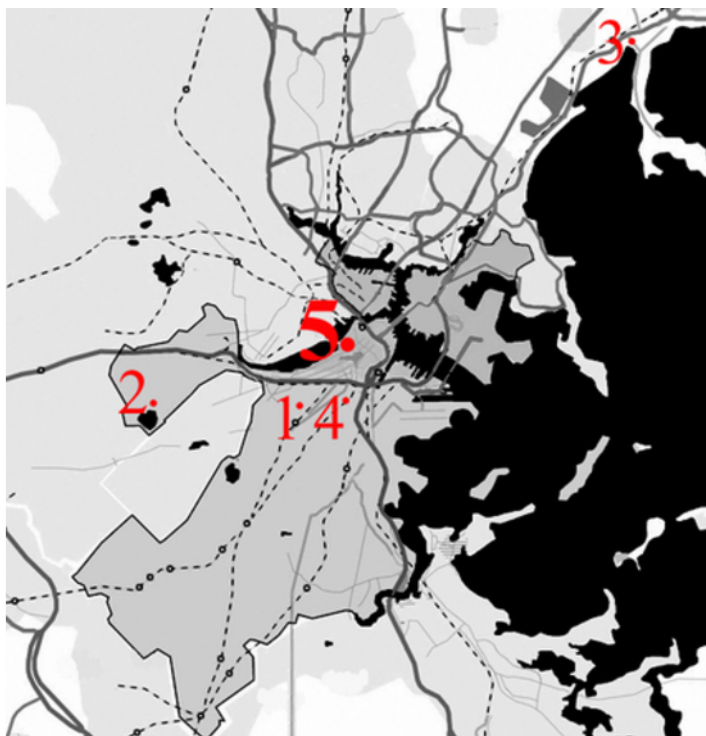
Полиция приложила большие усилия для обнаружения лиц, видевших или слышавших нечто подозрительное в вечерние часы 19 августа.

Некоторые из жильцов дома сообщили о незнакомых мужчинах, замеченных на лестнице, но сообщенные приметы оказались до того несхожи, что становилось очевидно — свидетели говорят о разных людях. Двоих из них удалось установить — это были родственники проживавших в доме №7 людей, проверка их alibi затруднялась тем, что точное время убийства Иды Ирги не было известно. Эти люди привлекли к себе пристальное внимание полиции, некоторое время проверялись, но в конечном итоге очистились от всех подозрений. Можно сказать, отделались малой кровью.

Ещё двое или трое мужчин, описания которых были сообщены жителями дома, разыскивались полицией, но личности их так и не удалось установить.

Криминалисты, работавшие на месте убийства Иды Ирги, приложили большие усилия к тому, чтобы обнаружить физические улики, способные связать преступника с квартирой жертвы. Идеальной уликой в этом смысле представлялся бы отпечаток пальца, запачканного кровью жертвы; очень убедительно в суде выглядел бы также окровавленный отпечаток обуви... Но — увы! — преступник оказался очень аккуратен!

Хотя крови на месте преступления было довольно много, убийца умудрился не «наследить». Хотя кровь на него явно попадала — об этом свидетельствовало куски бумажного полотенца с бледно-розовыми разводами, найденные на кухне. Криминалисты, изучив их, пришли к выводу, что убийца после умерщвления жертвы вымыл руки и вытер их бумажным полотенцем. Возможно, он после этого надел перчатки, чтобы действовать увереннее и гарантированно защитить себя от риска оставить ненароком отпечатки пальцев.

План Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифрами обозначены места убийств: 1 — Анны Слесерс 14 июня, 2 — Нины Николс 30 июня, 3 — Хелен Блэйк в Линне (также 30 июня), 4 — Маргарет Дэвис в ночь на 11 июля. Жирная цифра 5 обозначает расположение дома №7 по Гроув-стрит, в котором вечером 19 августа 1962 г. была задушена Ида Ирга. Расстояние между 1 и 5 — около 2,7 км, а между 2 и 5 — немногим более 7,5 км.

В надежде получить отпечатки пальцев, которые

в дальнейшем удастся связать с каким-либо подозреваемым, криминалисты обследовали всю квартиру. В итоге им удалось обнаружить более 70 полных или частичных отпечатков пальцев и ладоней, часть из них принадлежала убитой, некоторые отпечатки происходили от её младшего брата, другие же так и не удалось связать с лицами, попавшими в поле зрения следствия.

Нет оснований считать, что расследование велось вяло или формально — детективы Отдела расследований убийств затратили много сил и времени на розыск преступника, однако все их усилия успехом не увенчались. Убийца Иды Ирги ускользнул от правосудия. По результатам полицейской работы никто не был задержан и никто не был обвинён в совершении этого дерзкого кровавого злодеяния.

22 августа 1962 г. Рождение легенды

На следующий день после обнаружения тела — т.е. 22 августа 1962 г. — в одной из самых популярных местных газет «The Boston globe» появилась статья с говорящим заголовком «Вдова становится 5-й жертвой душиителя» («Widow 5-th victim of strangler»). В тот день фактически произошло рождение «Бостонского Душителя», серийного убийцы, ведущего охоту на одиноких женщин, наводившего ужас на город в течение многих месяцев. Правда, поначалу таинственного изувера называли «Фантомом», но в криминальную историю США и всего мира он вошёл именно как «Бостонский Душитель».

Рождение данного феномена оказалось для правоохранительных органов Бостона и всего штата Массачусетс до некоторой степени неожиданным. Ни до, ни после этой даты ни полиция, ни прокурорские органы вовсе не считали, что убийства Анна Слесерс, Нины Николс, Хелен Блейк, Маргатер Дэвис и Иды Ирги совершены одним человеком. Впрочем, если совсем уж строго следовать хронологии, то можно упомянуть, что уже в начале июля 1962 г., т.е. после убийства Хелен Блэйк, журналисты стали высказывать предположения о существовании связи между различными преступлениями, но домыслы эти представителями власти комментировались крайне неохотно. Причин для сдержанности было несколько, причём совершенно разного свойства.

Американские масс-медиа фактически выдумали Бостонского Душителя, причём мы можем с точностью до дня сказать когда именно это произошло — 22 августа 1962 г.

Ни до, ни после этой даты правоохранные органы штата Массачусетс не признавали факт существования Душителя, но для журналистов это не имело особого значения. Ссылаясь друг на друга, они принялись писать и говорить о Душителе так, словно его существование уже стало доказанным фактом. На фотографии прекрасный тому пример — заметка в небольшой местной газетке с говорящим заголовком «Обнаружена пятая жертва. Полиция Бостона ищет Душителя», причём автор заметки ссылается не на полицейский пресс-релиз, а на... сообщение информационного агентства UPI (United Press International).

Представители правоохранительного сообщества вполне обоснованно опасались возникновения массового психоза и неизбежной паники. Помимо этого, причастные к проводившимся расследованиям старались из-

бежать разглашения тайны следствия и связанных с этим неизбежных проблем (появление имитаторов, самооговоров сумасшедших, бегства настоящих преступников и пр.). Да и доводы журналистов, с точки зрения всех, знакомых с деталями проводившихся расследований должностных лиц, выглядели, что называется, притянутыми за уши.

Строго говоря, все 5 перечисленных преступлений объединяло только то, что жертвами явились пожилые женщины, смерть которых последовала в результате удушения. Всё! Далее начинались различия, причём весьма важные с точки зрения криминологии и виктимологии. Вкратце их можно суммировать следующим образом:

- Из 5 убитых женщин домохозяйками являлись 4, а одна (Маргарет Дэвис) — опустившейся проституткой;

- Все домохозяйки были убиты в собственных жилых помещениях, а проститутка — в гостиничном номере;

- Убийца обманом проникал в жилища домохозяек, а с проституткой познакомился в общественном месте и в её обществе явился в гостинцу;

- Во всех 4 случаях убийств домохозяек преступник на шеях жертв оставлял завязанными нечто, что условно можно назвать «косынкой» или «шейным платком» (чулки, бюстгальтер, наволочку от подушки и т.п.). В случае же убийства Маргарет Дэвис ничего подобного обнаружено не было. Это означало, что преступник действовал исключительно функционально — задушил жертву руками и тут же позабыл о ней. В других 4 случаях убийцы «играли с телом», возможно, довольно продолжительное время.

Отмеченные выше нюансы позволяли детективам объективно и однозначно отделить убийство Маргарет Дэвис от прочих случаев удушения пожилых женщин и считать его никак с ними не связанным.

Далее.

Случаи убийств пожилых домохозяев — Анны Слесерс, Нины Николс, Хелен Блэйк и Иды Ирги — также заставляли подозревать действия нескольких лиц. Для этого имелось несколько доводов:

— Во-первых, убийства Нины Николс и Хелен Блэйк были совершены в один день с интервалом в несколько часов. Места убийств были удалены друг от друга более чем на 20 км. Казалось крайне маловероятным, что один и тот же человек умудрился совершить два сложных по реализованному сценарию преступления почти одновременно.

— Во-вторых, хотя убийства домохозяек выглядели довольно схожими, на самом деле это было не совсем так. В случаях умерщвления Нины Николс и Иды Ирги преступник явно преследовал цель шокировать того, кто найдёт тело. Для этого труп обнажался и размещался так, чтобы его было легко заметить от входной двери. В случае с Анной Слесерс всё было совершенно иначе: телу женщины не придавали непристойной позы и, хотя она была обнажена, беспорядок в одежде выглядел случайным. Кроме того, тело находилось в тёмном узком коридоре у ванной комнаты, в целом же, место преступления выглядело естественным. Лучшим доводом в пользу этого служит то, что сын, появившийся на месте преступления первым, не заподозрил убийства. Более того, даже приехавшие по его вызову полицейские точно так же не подумали, что имеют дело с преступлением (один из них на сей счёт даже пари предложил детективу Отдела убийств).

Поэтому, хотя по формальным признакам эти преступления казались весьма схожи (тела обнажены, в квартирах — следы обыска при отсутствии отпечатков пальцев, замки без следов взлома и пр.), тем не менее, основания приписывать их совершение разным людям существовали. Сам по себе обыск квартиры или его

имитация не является каким-то уникальным или даже редким элементом криминального поведения, многие убийцы так поступают, руководствуясь самыми разными соображениями.

Поэтому к концу лета 1962 г. убийства 5 пожилых женщин, совершенных в Бостоне и Линне, не связывались с активностью одного преступника и расследовались отдельно.

31 августа 1962 г. Убийство Джейн Салливан

Последние дни августа Деннис Махони (Dennis Mahoney), 42-летний инженер-электрик, провёл в обстановке крайнего нервного напряжения. Ему предстояла плановая хирургическая операция, но перед тем, как лечь в больницу, Деннису необходимо было уладить все дела на работе. В дни последней декады месяца он был очень загружен, а тут — как назло! — на него наехала матушка, потребовавшая, чтобы Деннис съездил к её сестре, Джейн Салливан, и узнал, всё ли с нею в порядке. От Джейн уже несколько дней ничего не было слышно — она не звонила и не поднимала трубку телефона — а потому младшая сестра беспокоилась о её здоровье. При этом сама она к Джейн ехать не собиралась, а посылала сына, у которого на это не находилось ни времени, ни сил.

Несколько дней Деннис отговаривался чрезвычайной занятостью по работе, но 31 августа матушка закатила истерику по телефону. Деннису пришлось отпроситься с рабочего места на пару часов, чтобы, наконец-то, выполнить её поручение. Сразу после 15 часов мужчина поднялся в квартиру на втором этаже дома №435 по Колумбия-роад (Columbia Road), постучал в дверь и, поскольку никто не отозвался, открыл замок своим ключом.

Первое, на что Деннис Махони, войдя в квартиру, обратил внимание, был странный и очень неприятный запах, похожий на те, что бывают в плохо проветриваемых помещениях, надолго оставленных людьми. Мужчина решил, что запах объясняется закрытыми окнами...

Быстро пройдя в гостиную, а затем в спальню, Деннис отметил, что все предметы находятся на своих местах и обстановка в комнатах выглядит в целом непо тревоженной. Это до некоторой степени успокоило мужчину, он решил, что тётя была госпитализирована несколькими днями ранее.

В поисках записки, которую Джейн Салливана могла оставить перед отъездом в больницу, Деннис прошёл по квартире. Он увидел раскрытую сумочку тёти, содержимое которой оказалось частично рассыпано по дивану в гостиной, а частично осталось в сумочке. Это можно было объяснить торопливостью при поиске лекарства.

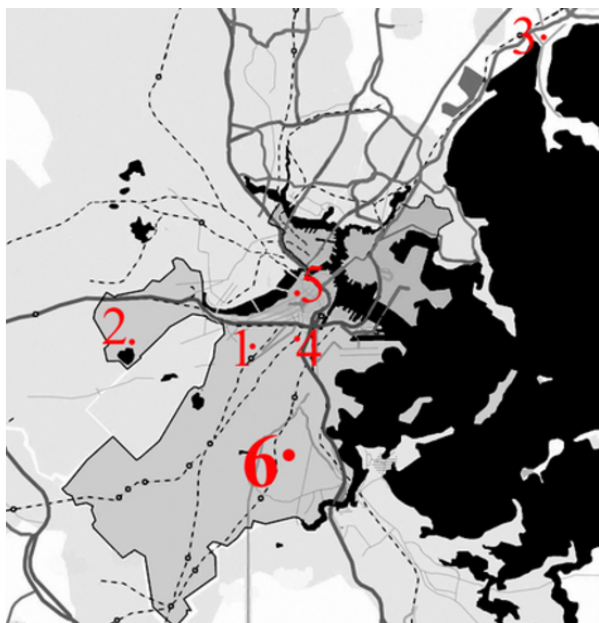
Но в кухне на полу мужчина обнаружил мелкие блестящие брызги и разводы, оставленные как будто бы чернилами. Они были сухими и казались очень тёмными, намного темнее крови, однако у Денниса ёкнуло сердце, и он принялся осматривать квартиру более внимательно: заглянул под кровать в спальне, в шкафы, за диван в гостиной. И лишь после этого открыл дверь в ванную комнату.

Там он увидел труп Джейн Салливан. Тело находилось в ванне на спине, голова располагалась точно под краном, ноги же были подняты и уложены пятками на противоположный бортик. Трусы были сдвинуты в область лодыжек, бюстгальтер находился на полу. Торс был прикрыт наброшенным сверху халатом. В ванной была набрана вода, немного, сантиметров 15, не больше.

В воздухе висел удушливый смрад разлагающейся плоти — именно этот запах уловил Деннис, войдя в квартиру. Его распространению до некоторой степени препятствовала закрытая дверь, а потому в комнатах он ощущался не очень сильно.

Махони понял, что находится на месте совершения преступления, поскольку неестественность позы трупа была довольно очевидной. Чтобы не уничтожить воз-

можные отпечатки пальцев преступника, Деннис поднял телефонную трубку, используя носовой платок; позвонив в ближайший отдел полиции, он сообщил о случившемся и вышел встречать патруль.

План Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифрами обозначены места убийств: 1 — Анны Слесерс 14 июня, 2 — Нины Николс 30 июня, 3 — Хелен Блэйк в Линне (также 30 июня), 4 — Маргарет Дэвис в ночь на 11 июля, 5 — Иды Ирги 19 августа. Цифрой 6 условно обозначено место проживания Джейн Салливан, задушенной 21 августа. Локализация мест совершения преступлений довольно любопытна: если с карты убрать точки 3 и 4 (преступления по этим адресам, по-видимому, никак

не связаны с прочими убийствами), то из точек 2, 5 и 6 сложится почти правильный треугольник. Из точки 1 расстояния до других мест совершения преступлений окажутся примерно одинаковыми: до точки 2 около 5,5 км, до точки 5 — 2,7 км, а до точки 6 — 3,3 км. Если считать, что многоэпизодные преступники начинают совершать свои деяния в районах, близких к месту проживания, а потом постепенно отдаляются от них, то получится, что убийца пожилых женщин жил где-то в Бэк-Бэе, в районе Гейнсборо-стрит.

После убийства Анны Слесерс этот человек стал совершать вылазки в радиальных направлениях, причём, скорее всего, перемещался он не на автомашине, а пешком. Или, как вариант, на велосипеде...

Осмотр квартиры привёл к обнаружению следов крови на полу и мебели в кухне, на ковровом покрытии в гостиной, а также в ванной. Причём в ванной комнате смазанные кровавые отпечатки оказались как на полу, так и на вентиле крана. Последнее представлялось особенно важным, ведь кровь на вентиле явно была оставлена окровавленной рукой убийцы! Также криминалисты внимательно изучили открытую сумочку убитой женщины, поскольку этот предмет оказался одним из немногих, вызвавших интерес преступника. Были обнаружены два следа, явно оставленных пальцами, однако папиллярных линий на них не просматривалось. Это означало, что преступник действовал в перчатках.

Квартира, по-видимому, не подвергалась преступником тщательному обыску. Что послужило тому причиной — нежелание, нехватка времени или нечто, вспугнувшее убийцу — сказать никто не мог, однако факт оставался фактом: место преступления своим видом

сильно отличалось от квартир, в которых проживали убитые ранее в Бостоне пожилые женщины.

Осмотр замка входной двери не привёл к обнаружению следов взлома, дверная цепочка была снята... Дверь явно открывали штатно, без приложения грубой силы или отмычек. Преступник либо располагал ключом от замка, либо уговорил Джейн Салливан впустить его.

Когда же и как именно женщина была убита?

Способ умерщвления Джейн стал очевиден после того, как с тела убрали положенный сверху халат. На шее оказались туго затянуты два нейлоновых чулка, а багрово-кирпичный цвет лица свидетельствовал о том, что чулки завязывались на шее ещё живой женщины.

Вопрос же о давности наступления смерти требовал куда более тщательной проработки специалистами. Трупное окоченение полностью исчезло, что однозначно указывало на то, что женщина была убита более 72 часов назад. Однако насколько больше, сказать было сложно: состояние тканей оказалось плохим, процесс гниения уже развился, что следовало признать ожидаемым, принимая во внимание температуру окружающей среды. Уже при осмотре тела на месте его обнаружения судмедэксперт предположил, что смерть могла наступить за неделю или даже ранее, что последующее исследование и подтвердило. По мнению coronера, смерть Джейн последовала 20 или 21 августа, детективы же опросом соседей и родственников выяснили, что вечером 20 числа женщина была ещё жива, а потому преступление произошло, по-видимому, именно 21 августа.

В волосистой части головы справа было обнаружено обширное рассечение кожи длиной около 4,5 дюймов (т.е. 11 см). Рана достигала кости и была прижизненной. Именно она дала то обильное кровотечение, следы которого остались в кухне. Удар по голове был нанесён явно не голый рукой, преступник воспользовался неким

орудием. Изучив рану, судмедэксперт уверенно предположил, что убийца воспользовался дубинкой либо обрезком трубы, т.е. предметом, имевшим некоторую протяженность и лишенным граней. Ничего похожего при осмотре квартиры найдено не было, что означало одно — убийца унёс орудие преступления. Ранение не было смертельным, непосредственной причиной смерти Джейн явилась механическая асфиксия, причём преступник не душил жертву руками, а использовал в качестве гарроты чулки, наброшенные на шею.

Судмедэкспертиза не выявила признаков анальной или вагинальной травмы. На вопрос о том, имел ли место половой акт с жертвой незадолго до гибели, ответить не представлялось возможным ввиду плохого состояния тела.

Следов сопротивления нападению на теле не оказалось, что легко можно понять, приняв во внимание возраст убитой женщины — 67 лет — и наличие травмы головы. Трудно представить, чтобы пожилая женщина, получив удар обрезком трубы в височно-теменную область, могла сопротивляться. Такой удар и крепкого мужчину отправит в нокаут, что уж тут говорить о женщине...

Цель нападения осталась для правоохранительных органов неясной. Очень вероятным выглядело предположение о том, что преступнику что-то помешало полностью реализовать замысел, и он оказался вынужден спешно покинуть квартиру. Напугать его мог стук в дверь, слишком долгий телефонный звонок или нечто в этом духе. Полиция приложила много усилий для того, чтобы отыскать человека, безрезультатно звонившего Джейн Салливан по телефону или стучавшего в её дверь 21 августа, однако найти его не удалось. Если такой человек и существовал, то либо не захотел, либо не смог помочь правоохранителям. А жаль, его показания могли бы

уточнить время совершения убийства.

Приступившие к расследованию детективы Отдела расследования убийств полиции Бостона довольно быстро сосредоточились на проверке двух весьма перспективных версий.

Первая из них была связана с тем, что Джейн переехала в дом №435 по Коламбиа-роад 1 июля 1962 г., т.е. за 6 недель до смерти, что выглядело до некоторой степени подозрительно. Мог ли переезд каким-то образом повлиять на судьбу женщины? Быть может, преступник бывал в этом доме ранее и обратил внимание на новое лицо? Или злоумышленник каким-то образом был связан с переездом, скажем, работал грузчиком и носил мебель, или менял замок во входной двери после того, как в квартиру въехала Джейн? Ведь как-то же он попал в квартиру пожилой малообщительной дамы...

Другая версия также отчасти была связана с домом №435. Летом 1962 г. в здании проводились кровельные работы, которые начались в июне и с некоторыми перерывами продлились до начала августа. Рабочие стали свидетелями переезда Джейн Салливан, они могли ходить по дому, не вызывая подозрений жильцов, им не составляло труда узнать точную планировку этажа и выяснить место проживания Джейн. Другими словами, если среди рабочих находился злоумышленник, то он имел прекрасную возможность совершенно незаметно провести разведку объекта.

Оба направления расследования были надлежащим образом отработаны полицией. Удалось обнаружить и допросить всех, причастных к переезду Джейн и ремонтным работам в доме, среди них оказались три прежде судимых мужчины. Надлежащим образом их *alibi* было проверено и нашло надёжное подтверждение.

Одна из самых серьёзных головоломок, порожденных серией удушения женщин в Бостоне в первой половине 1960-х гг, связана со способом проникновения преступника (или преступников) в квартиры жертв. Криминалисты всегда обращали внимание на состояние дверей и замков и в каждом случае их обследование наводило на мысль о добровольном открытии изнутри. Как злоумышленник убеждал потенциальную жертву отворить дверь? Ссылки на неотложные сантехнические работы могли сработать не во всех случаях, поскольку жертвы открывали двери, оставаясь в пеньюарах. Кроме того, Нина Николс, например, должна была в скором времени уйти из квартиры. Та лёгкость, с какой преступник проникал в жилища немолодых женщин, заставляла подозревать нетривиальные «заготовки». Полицейские отработывали версии, связанные с принадлежностью преступника к медицинскому персоналу, личное знакомство с жертвами и т. п. Детективы искали любые связи между задушенными женщинами: общие места лечения, посещение одной церкви, наличие схожего хобби, одинаковые привычки проведения досуга, наличие общих знакомых и пр.

В рамках расследования убийства Джейн Салливан

никто не был задержан и никому официально обвинения не предъявлялись. Работа полиции по оперативному сопровождению расследования результатов не принесла. К середине сентября 1962 г. стало ясно, что у правоохранительных органов ничего по этому делу нет: ни улик, ни ценных свидетельств, ни подозреваемых, ни даже ясного понимания мотива убийства. Преступление стало «висяком» без каких-либо серьёзных шансов на раскрытие.

Для того, чтобы столкнуть расследование с «точки заморзания», должно было произойти нечто непредсказуемое, не связанное с самим расследованием. Должны были появиться новые улики или новые свидетели, вот только никто не знал, какие обстоятельства должны привести к их появлению. Оставалось только ждать и надеяться. Либо не ждать и уже не надеяться...

Часть II. Криминальное макраме: петли, зигзаги, непонятный рисунок...

Персональная война Эдмунда МакНамары

Лето 1962 г. закончилось. Бостон явственно погружался в полосу страха и взаимного отчуждения. Местные газеты и телевидение уже открыто сообщали о появлении в городе сексуального маньяка, а представители правоохранительных органов если и выражали несогласие с этим, то неуверенно и без настойчивости. В этой обстановке горожан мало интересовали даже действительно сенсационные события и происшествия, вроде окончания в августе 1962 г. проходки автомобильного тоннеля под горой Монблан в Альпах или последовавшая вечером 5 августа подозрительная смерть Мэрилин Монро. Даже прокатившаяся после этого по территории США волна самоубийств вряд ли взволновала жителей Бостона и ближайших окрестностей — в сентябре и октябре наибольший интерес вызывали сообщения другого рода.

Полицейские и частные детективы в телешоу и газетных интервью давали советы, как лучше пожилым женщинам обезопасить себя. Например, рекомендовалось завести собаку, которая если и не защитит от таинственного Фантома, то, по крайней мере, поднимет шум и заставит душителя поскорее ретироваться. После этого доброго совета собачьи питомники как в Бостоне, так и на территориях прилегавших округов — Эссекса (Essex), Норфолка (Norfolk) и Миддлсекса (Middlesex) — моментально опустели. Много советов давалось относительно повышения безопасности жилищ, и с прилавков магазинов скобяных товаров сметались замки, глазки, дверные цепочки, усиленные петли, а бостонские плотники деятельно заменяли двери и ставили укрепленные

дверные коробки. Женщинам всерьёз рекомендовалось ознакомиться с приёмами самозащиты, и к местным гуру каратэ и у-шу направлялись толпы домохозяек, намереваясь овладеть за пару занятий великим таинством вырывания кадыков, выбивания глаз и спасительных ударов в пах.

Какова была практическая ценность всех этих советов, сказать очень сложно. По мнению автора, она стремится к нулю, поскольку во всех случаях нападений на пожилых женщин летом 1962 г. преступник (или преступники) для проникновения в жилище не прибегал к грубой силе. Какова ценность усиленных петель, нового замка и стальной накладки на дверной коробке, если жертва впускает злоумышленника добровольно? Какова польза от собаки, если по просьбе злоумышленника жертва запрет её в туалете или ванной комнате? Какую практическую пользу принесёт сложенное в шифоньере кимоно, если женщина никогда не дралась и не имеет навыка практического спарринга с противником большего веса и роста? Да ни малейшего толку от всех этих ухищрений не будет!

Трудно отделаться от ощущения, что на всех этих советах по самозащите кто-то неплохо зарабатывал. Во всяком случае, торговцы скобяными изделиями зарабатывали точно — их товар разлетался как горячие пирожки на морозе. Само собой, наживались и журналисты — шакалы пера и микрофона сеяли панику не без умысла, ведь чем больше страха и неопределённости, тем выше потребность в свежих новостях. Не следует недооценивать «индустрию новостей» в США — в первой половине 1960-х гг. это была вполне себе индустрия без всяких кавычек, от обильного стола которой кормились могущественные магнаты. Из дальнейшего хода повествования мы увидим, что торговцы и медиамагнаты являлись отнюдь не единственными выгодоприобретателями

от нарождавшейся криминальной сенсации.

А что же бостонская полиция? Выше уже сообщалось, что детективы обеспечивали оперативное сопровождение расследования убийств, работали много и энергично, но какова была стратегия руководства на уровне города и штата? Быть может, кто-то из высокопоставленных офицеров предлагал создать межведомственный штаб для консолидации сил правоохранительных учреждений или продвигал иные инициативы?

Тут мы подходим к очень интересному вопросу, с которым непременно нужно разобраться. Полиция Бостона в 1962 г. переживала очень непростой этап в своей истории, пожалуй, один из самых драматичных, и без правильного понимания реалий того времени невозможно оценить все нюансы расследований описанных в этой книге убийств.

Вплоть до марта 1962 г. Департамент полиции Бостона находился в подчинении Губернатора штата Массачусетс. Тем самым подчёркивался высокий статус этой правоохранительной структуры. Губернатор Джон Энтони Вольпе (John Anthony Volpe), занявший высокую должность в результате победы на выборах в конце 1960 г., вряд ли стал бы менять существовавший до него порядок вещей, но ряд в высшей степени скандальных событий подтолкнул его к действиям, имевшим далеко идущие последствия.

Полиция Бостона была сильно коррумпирована, что не являлось тайной за семью печатями для власти и горожан, но истинные масштабы гниения правоохранительной системы мало кто представлял. Телевизионный канал CBS весной 1961 г. заказал журналистское расследование «крышевания» бостонской полицией сети подпольных букмекерских контор. Одно из таких незаконных учреждений находилось в магазине Шварца в доме №364 по Массачусетс-авеню (Massachusetts Avenue).

Журналисты сняли квартиру в доме напротив и организовали пост круглосуточного наблюдения. В картонной коробке для обедов, установленной на подоконнике, была спрятана кинокамера, фиксирувавшая не только входивших и выходивших из магазина, но и букмекерскую стойку в глубине зала.

Первая съёмка была произведена 30 мая 1961 г. На протяжении лета и осени журналисты Уолтер Кронкайт (Walter Cronkite) и Джей МакМаллен (Jay McMullen) зафиксировали поток из многих сотен жителей Бостона, совершенно открыто приходивших в букмекерскую контору и делавших ставки. Помимо обычных горожан появлялись и полицейские — как в штатском, так и в форме — также делавшие ставки или разговаривавшие с букмекерами. Однажды у дверей магазина загорелся мусорный бак — полицейские в форме спокойно прошли мимо, не потрудившись вызвать пожарных, что являлось откровенным манкированием служебными обязанностями.

Дальше стало только интереснее. Журналисты сообщили о существовании в магазине нелегальной букмекерской конторы в казначейство штата, выполнявшее функции налогового органа. 27 сентября сотрудники казначейства совершили рейд, закрыли контору и конфисковали картотеку. Однако ровно через неделю контора возобновила свою работу, а утраченная картотека оказалась полностью восстановлена. Чудеса на этом не закончились. Журналисты повторили фокус, сделав соответствующее заявление в полицию штата. 27 октября в доме №364 по Массачусетс-авеню появились её представители и вновь изъяли кассу, вывезли картотеку и задержали букмекеров.

Журналисты обратились за комментариями к должностным лицам, ответственным за контроль соблюдения законодательства об азартных играх. Последние наговорили много чего интересного, например, полковник по-

лиции штата Карл Ларсон заявил, что лично 4 раза сообщал начальнику полиции Бостона Лео Салливану (Leo J. Sullivan) о творящихся на подконтрольной ему территории нарушениях закона, а Салливан все эти обращения игнорировал.

В общем, материал у журналистов получился взрывной, фактически речь шла о коррупции высшего полицейского руководства BPD. Когда о подготовке передачи стало известно в Массачусетсе, на администрацию CBS было оказано давление с целью воспрепятствовать обнародованию собранных Кронкайтом и МакМалленом данных. В итоге, жители штата этой передачи так и не увидели, зато её увидели жители остальной территории США.

Скандал вышел чудовищный! Самое забавное, что руководитель BPD Лео Салливан, занимавший свою должность с 1957 г., отказался уходить в отставку и пошёл на прямой конфликт с Губернатором. Последний объявил об увольнении Салливана через суд и подаче соответствующего судебного иска. Для этого была нанята самая дорогая адвокатская контора в штате.

Салливан оказался мужиком упертым и наглým, кроме того, он явно чувствовал за собой какую-то серьёзную поддержку. Во всяком случае, губернаторского «наезда» он не испугался и смело пошёл в суд. За возникшей тяжбой в первые месяцы 1962 г. внимательно следил весь штат. Судебное шоу стоило того, чтобы о нём почитать, в суде не просто трясли грязным бельём — там им разбрасывались! Джон Вольпе, Губернатор штата, в какой-то момент, видимо, усомнился в собственном успехе; опасаясь, что от настырного Лео Салливана избавиться не удастся, он стал добиваться переподчинения Департамента полиции Бостона городской администрации. Тем самым BPD должен был лишиться своего особого статуса.

Впрочем, как показали дальнейшие события, Губер-

натор несколько перестраховался. Суд завершился довольно неожиданно. Может быть, Лео и был внутренне готов к ушатам грязи, которым предстояло пролиться на его голову в суде, но объём компромата явно превзошёл его ожидания. Салливану поставили в вину не только то, что он отказался увольнять сотрудников полиции, попавших на киноплёнку Кронкайта и МакМаллена — что можно было ещё как-то объяснить — но и многое другое. Например, увольнения или понижения в званиях честных сотрудников полиции, шедших на конфликт с зарвавшимся шефом. Таковых оказалось очень много, счёт шёл на многие десятки. А после того, как в ходе слушаний были обнаружены многочисленные факты финансовых злоупотреблений Салливана, в частности его участие в страховом бизнесе и грубейшие нарушения при заключении контрактов на ремонтные работы в интересах Департамента полиции, настырный Лео сдался и заявил о «добровольном» уходе в отставку, не дожидаясь судебного решения. Интересный, конечно, у человека характер, что и говорить... Ушёл бы сразу, избежал бы ушатов помоев и сохранил бы хоть отчасти собственную репутацию. Но нет, человек простых путей явно не искал!

Отставка Лео Салливана состоялась 15 марта 1962 г.¹ и Департамент полиции Бостона на несколько недель остался без руководителя.

¹ Чтобы закончить рассказ о Лео Салливане, сообщим, что борьба с Губернатором в конечном итоге вышла ему боком. В апреле 1962 г. он перенёс инфаркт, а менее чем через год — 1 февраля 1963 г. — умер. На момент смерти скандальному коррупционеру едва исполнилось 58 лет, скажем прямо, нестарый был ещё мужчина. Думаешь о судьбах таких людей и невольно задаёшься вопросом: на что человек свою жизнь положил? Стоили наворованные деньги убитого здоровья?

Далее ситуация стала развиваться несколько анекдотично. Губернатор штата заявил о том, что видит в роли главы BPD Лео Лафлина (Leo L. Laughlin), главу отделения ФБР в Бостоне. Это был известный службист, отдавший Бюро 27 лет жизни, поработавший в годы Второй Мировой войны как в разведке, так и контрразведке¹. Трудно сказать, что двигало Губернатором, когда он делал своё заявление и согласовывал ли он его с самим Лафлином, но последний неожиданно для всех отказался возглавить Департамент полиции Бостона. Возникла неловкая пауза, которой воспользовался Генеральный суд Массачусетса (Massachusetts General Court), напомнивший губернатору о его собственной инициативе по переподчинению BPD администрации Бостона. Дескать, вы же сами отказались от права назначать главного полицейского, так куда же лезете?

Губернатору Вольпе пришлось согласиться с мнением судей и умыть руки. Однако Джон Коллинз, мэр Бостона, во второй половине марта 1962 г. на рабочем месте отсутствовал — он набирался сил на курорте в Италии. Вряд ли его обрадовало свалившееся на голову суетное хозяйство в виде огромной и притом проблемной полицейской службы. Коллинз, видимо, надеялся, что проблема рассосётся сама собой, и ему не придётся прерывать отдых. Мэр заявил, что будет рад видеть на посту руководителя Департамента полиции Лео Лафлина. Тот отказался вторично...

В бесплодных переговорах проходили день за днём,

¹ ФБР США в годы Второй Мировой войны осуществляло разведывательные операции в Южной Америке, а также Мексике и Канаде. После создания ЦРУ разведывательные функции у Бюро оказались отобраны, и ведомство Гувера сосредоточилось на контрразведывательной работе.

мэр усиленно отдыхать в Италии, Лафлин стойко отказывался, губернатор продолжал умывать руки, а Департамент полиции пребывал в параличе, поскольку в таком крупном правоохранительном подразделении есть серьёзные вопросы, которые может решать только его руководитель. Нет руководителя — нет решения вопросов... Ситуация неопределенности затянулась более чем на 2 недели.

Тут самое время пояснить, что Бостон в то время был очень необычным городом. Тогдашний американский президент Джон Кеннеди (John Fitzgerald Kennedy) родился и вырос в восточном пригороде Бостона, а его дед трижды становился мэром города. Джон МакКормак (John William McCormack), спикер Палаты представителей Конгресса США, также был выходцем из Бостона. С этим городом был связан ряд известных политиков рангом пониже. Хотя по численности населения Бостон в начале 1960-х гг являлся лишь 13-м городом США, его политический вес был много выше. Неудивительно, что любые сенсации и скандалы, сотрясавшие город, быстро выходили за пределы штата и привлекали всей страны.

Это немаловажное обстоятельство лишь добавляло нервозности всем участникам напряженной игры вокруг назначения нового шефа BPD. Поскольку Лафлин упорно отказывался принять лестное назначение, его наконец попросили назвать человека, который, по его мнению, смог бы возглавить полицию Бостона. И Лафлин указал на своего подчинённого Эдмунда МакНамару, офицера связи с полицией. Эдмунду предложили должность, и тот согласился. Мэр 5 апреля послал из Италии телеграмму, санкционировавшую назначение МакНамары, и в тот же день Эдмунд подал по команде заявление с просьбой предоставить ему 2-годовой отпуск¹.

Итак, 5 апреля 1962 г. у бостонской полиции появился новый руководитель. Эдмунд МакНамара был не про-

сто чужим для сотрудников ВРД, он являлся выходцем из федеральной службы, прямо враждебной всему полицейскому сообществу Бостона и Массачусетса. На момент описываемых событий Эдмунд уже 17-й год служил в ФБР, организации, к которой правоохрательное сообщество — т.е. полицейские службы и органы прокуратуры — относилось настороженно и не без опаски.

Эдмунд МакНамара присягает при вступлении в должность Начальника Департамента полиции Бостона. Фотография сделана 6 апреля 1962 г.

Родившийся в апреле 1920 г., Эдмунд МакНамара

¹ Предполагалось, что МакНамара будет руководить Департаментом полиции Бостона 2 года, на это время его служба в ФБР приостанавливалась. Впоследствии срок назначения был увеличен до 4 лет.

рос в небольшом городке Клинтон в 60 км западнее Бостона. Там долговязый подросток — а рост Эдмунда к 16 годам достиг 1,88 м — увлёкся игрой в американский футбол и благодаря спортивным успехам сумел поступить в довольно престижный частный колледж «Святого Креста», который закончил в 1943 г. со степенью бакалавра школьной педагогики. МакНамара, однако, учителем не стал — шла Вторая Мировая война, Америка вовсю воевала с Японией на Тихом океане, и Эдмунд был призван на действительную военную службу во флот. Колледж «Святого Креста» был участником программы подготовки военно-морских офицеров, и МакНамара в звании лейтенанта отправился служить шкипером на базовый тральщик. Ему довелось поучаствовать в боевых действиях, он был награжден медалью «Серебряная звезда».

Демобилизовавшись после окончания войны, Эдмунд планировал было продолжить спортивную карьеру и даже провёл успешные переговоры с одной из команд, однако в последний момент переменял планы и американскому футболу предпочёл службу в Федеральном Бюро расследований США. После 14-недельного подготовительного курса Эдмунд был направлен для прохождения службы в подразделение Бюро в г. Цинциннати, штат Огайо. Через год его перевели в столицу страны, а ещё через год последовал перевод в родной Массачусетс, в территориальное подразделение Бюро в Бостоне. Вплоть до конца 1950 г. Эдмунд МакНамара был задействован на одном из самых ответственных участков работы Бюро — борьбе с банковскими ограблениями. Подавляющее большинство банковских учреждений в США не имели пуленепробиваемых стёкол и стен вплоть до середины 1970-х гг., а потому представляли из себя довольно лёгкие цели. Ограбления очень часто заканчивались перестрелками, погонями, ранениями и убийствами людей. В среднем

на одно территориальное подразделение ФБР в начале 1950-х гг. приходилось 3 банковских ограбления в неделю, так что ритм работы специальных агентов, занятых борьбой с этим видом преступности, был исключительно напряженным.

В Бостоне Эдмунд МакНамара, сделавшийся к 1950 г. уже старшим специальным агентом, стал участником сенсационного расследования, вошедшего в криминальную историю США (да и всего мира!) под условным названием «Великое ограбление Бринка». Это довольно известная история, в ходе которой преступники сумели унести наличных денег, дорожных чеков, переводов и иных ценных бумаг на общую сумму 2,775 млн.\$.. Хотя «Бринкс инкорпорейтед» («Brink's Incorporated») — это не банк, а транспортная компания, предоставлявшая услуги по инкассации, «Великое ограбление» традиционно считается крупнейшим в истории США банковским ограблением.

Преступление готовилось 2 года, оно было исключительно хитроумно задумано и виртуозно реализовано. В качестве объекта вторжения грабители выбрали здание «Бринкс», расположенное на пересечении Принс-стрит (Prince street) и Коммершал-стрит (Commercial street) в Северном Бостоне. Преступники неоднократно скрытно проникали в здание, сначала снимая замки внутренних дверей для изготовления ключей, а затем также скрытно возвращая их на место. Им удалось раздобыть план электрической системы подачи сигнала тревоги и в нужный момент отключить сигнализацию. Следя за светом в окнах, злоумышленники узнали количество персонала в вечернее время и его распределение в здании. Шесть раз группа преступников в количестве 7 человек скрытно входила внутрь, рассчитывая совершить ограбление, но возвращалась обратно, потому что на их пути возникали либо непредвиденные преграды, либо

находившиеся снаружи подельники подавали сигнал тревоги. Наконец, 17 января 1950 г. всё у грабителей сложилось, как они задумывали — им удалось нейтрализовать оказавшихся в здании пятерых работников «Бринк» и помимо денег прихватить с собою 4 пистолета, которыми те были вооружены.

Эдмунд МакНамара принял самое активное участие в расследовании этого преступления. Установление личности грабителей и их розыск изобиловали множеством неожиданных поворотов и оказались чрезвычайно интригующи. История ограбления офиса «Бринк» вообще послужила источником вдохновения для множества художественных и документальных литературных произведений, ему посвящены ТВ-передачи и документальные фильмы. Вряд ли нужно пересказывать нюансы расследования в этом месте, любой заинтересовавшийся может самостоятельно отыскать массу материалов на эту тему, отметим только, что грабителей в конце концов погубили внутренние конфликты и недоверие друг к другу. Отметим и другую важную деталь — уже через полгода со времени ограбления правоохранители Массачусетса связали это ограбление с двумя рецидивистами, его действительно совершившими. Информация пришла от агентуры ФБР, работавшей в преступной среде Бостона, и добыл её Эдмунд МакНамара. Провести арест подозреваемых в тот момент не представилось возможным ввиду отсутствия прямых улик, но эти люди были очень плотно «обложены» агентурой Бюро и, в конечном счёте, состав всей преступной группы, насчитывавшей 11 человек, был установлен.

Нельзя не сказать несколько слов о методах работы, которыми в те годы не брезговало Бюро. Если кто-то подумает, будто ФБР времён Гувера сильно билось за юридическую чистоту и соответствие закону проводимых оперативно-розыскных мероприятий, то сильно

ошибётся. Соблюдение закона приносилось в жертву эффективности и целесообразности. Замечательный пример своеобразного понимания сотрудниками Бюро допустимости приёмов оперативной работы можно видеть в расследовании убийства Медгера Эверса, чернокожего активиста движения за гражданские права. Вечером 12 июня 1963 г. Эверс был застрелен на пути домой, агенты ФБР нашли винтовку, из которой был сделан роковой выстрел, а на ней — отпечаток ладони стрелявшего. Случилось это в штате Миссисипи, известном напряженностью межрасового противостояния. Казалось очевидным, что убийца причастен к Ку-Клукс-Клану, однако, никто не знал, к какому именно из его отделений — у этой организации на территории штата имелись десятки ячеек и многие тысячи членов! Агенты ФБР нашли довольно нетривиальный выход из положения: они обратились к некоему грабителю по фамилии Джулио, известному своими расистскими взглядами и как раз задержанному после очередного преступления, и сделали тому предложение, от которого Джулио не смог отказаться. Сводилось это предложение к следующему: назови нам фамилию стрелка, и мы закроем расследование против тебя. Джулио почесал колтун в голове и понял, что предложение ему нравится. Ну в самом деле, зачем сидеть 20 лет в тюрьме самому, если посадить можно другого, верно?

Джулио согласился помочь Бюро, был выпущен из кутузки и даже получил пистолет для предстоящей работы! Не теряя времени, он отправился к известному ему члену Ку-Клукс-Клана, угрожая оружием, похитил его и вывез в лес. Там грабитель засунул жертве ствол пистолета в рот и пообещал нажать спусковой крючок, если только активист КKK не назовёт убившего Эверса. На своё счастье расист знал убийцу и назвал его — таким оказался некий Байрон Де Ла Беквит. Папиллярный

рисунок его ладони совпал с отпечатком на цевье ружья и дело таким образом оказалось раскрыто. Беквит, правда, был осужден только в 1993 г., т.е. спустя 30 лет со времени описываемых событий, но причудливые зигзаги американского правосудия интересуют нас сейчас мало — речь-то ведётся о незаконных методах оперативно-розыскной работы ФБР начала 1960-х гг. Перед нами пример прямо-таки вопиющего беззакония и безнравственности, практикуемой одной из сильнейших правоохранительных организаций США¹.

Хотя описанная выше история произошла несколько позже ограбления «Бринка», нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с явлением, характерным для той эпохи. Эдмунд МакНамара в каком-то смысле был её порождением — он знал оперативную работу и хорошо с нею справлялся. Успех расследования ограбления ком-

¹ Автора иногда упрекают в том, что он пишет «гадости» и «передёргивает факты», причём, когда Ракитин пишет плохо об НКВД и ГУ-ЛАГе, то меня объявляют «агентом американского Госдепа», а когда критикует американские ФБР или ЦРУ — «пропагандистом Путина». Критикам Ракитина, судя по всему, не знакомо понятия «объективность» и «честность», они не понимают той очевидной истины, что единые критерии нравственности должны быть приложимы к деятельности всех правоохранительных структур, независимо от их государственной принадлежности. Пренебрежение нравственностью лишает правоохранительную работу всякого смысла. Дабы никто не заявил, будто Ракитин, рассказав о расследовании убийства Эверса, «оклеветал ФБР» или «в очередной раз исказил факты», укажу ссылку на американский источник (чего обычно не делаю), чья достоверность не может быть поставлена под сомнение: «Федеральное Бюро расследований. Путеводитель по спецслужбе США», издательство «Астрель», Москва, 2004 г, стр.208—209. Это сборник американских публикаций, переведенных на русский язык.

пании «Бринк», достигнутый при его активном участии, предопределил следующий интересный этап его карьеры — в том же 1950 г. его назначили офицером по связи с Департаментом полиции Бостона. Это была очень ответственная и неблагодарная работа, на которой очень сложно заслужить почёт и уважение, но очень легко испортить репутацию и карьеру.

Во всех странах мира отношения между полицейскими органами и спецслужбами, за ними надзирающими, крайне запутаны и полны тайного недоброжелательства. Причём обоюдного и совершенно заслуженного. Сотрудники полиции, работающие, что называется, «на земле», находятся на переднем крае борьбы с преступностью во всех её формах и проявлениях. Они ворошат самое дно преступного мира, имеют дело с самыми гнусными отбросами общества, в их работе много риска, но мало почёта и благодарности современников. Ими недовольны все — как сами преступники, что понятно, так и простые обыватели, журналисты, представители власти. Угодить всем невозможно, можно, конечно, пытаться, но недовольные будут всегда и притом во множестве. Работа полиции на виду, о ней судит всяк кому не лень — от домохозяйки до депутата муниципального совета, адвоката и бездарного писарчука в местной желтушной газетёнке.

С сотрудниками спецслужб ситуация радикально иная. Их работа окружена завесой тайны и очень редко становится достоянием гласности. Все спецслужбы мира не только занимаются охраной гостайны, контрразведкой и секретной связью, но в той или иной степени привлекаются к расследованию уголовных преступлений. Но преступления эти не рядовые, а несущие особую угрозу обществу: это крупные злоупотребления в финансовой и экономической сферах, наркоторговля, отмывание капиталов, коррупция во властных структурах и ор-

ганах защиты правопорядка. Грубо говоря, сотрудники спецслужб могут вести оперативную разработку полицейских, а полицейские заниматься тем же самым в их отношении позволить себе не могут. Нет у них на то властных полномочий.

Это неприятно и очень обидно для самолюбия, но это отнюдь не всё. Территориальные подразделения силовых ведомств работают в одних и тех же городах и кварталах. Очень часто они ведут разработку одних и тех лиц и преступных группировок, пытаются вербовать в осведомители одних и тех же людей и, поскольку вся эта работа ведётся в глубокой тайне, интересы силовых ведомств сталкиваются там, где никто этого не ожидает. Взаимодействие спецслужбы и полиции можно уподобить дружескому толканию локтями в тесном лифте: вроде бы и без особого озлобления, но настырно и без остановки. При этом спецслужба всегда находится в выигрышном положении, что проявляется даже в мелочах, например, в том, что её радиотехническая служба на законных основаниях слушает переговоры полиции, а вот полиция каналы связи спецслужбы прослушивать не может.

При этом отношение к чужой агентуре в обоих ведомствах довольно безразличное. Никто чужого негласного осведомителя особо не бережёт — это расходный материал. Чужой «стукач» — если только это хорошо информированный человек — может ведь «стучать» не только на воротил преступного мира, но и на сотрудников правоохранительных органов! История уголовного сыска знает массу примеров того, как осведомители приносились в жертву правосудию, причём интересы этого правосудия трактовались очень и очень двусмысленно. Можно привести навскидку несколько замечательных примеров, иллюстрирующих эту истину.

Например, жителям России, интересующимся отечественной криминальной историей, хорошо известно де-

ло «расстрелянных валютчиков» Рокотова, Файбышенко и Яковлева. О нём написано довольно много, сняты документальные телефильмы и даже сериал «Фарца». Фабула этого дела довольно известна, однако, мало кто знает, что расстрелянные валютные менялы были отнюдь не рядовыми искателями лёгкой жизни на нетрудовые доходы. Все трое являлись осведомителями московского ОБХСС, причём действовали независимо друг от друга и давали исключительно ценную и взаимодополняющую информацию. Когда в 1960 г. фарцовщиков стали «облаживать», и начались первые аресты связанных с ними людей, они обоснованно встревожились, «кураторы» из БХСС их успокоили: не беспокойтесь, вы же отработываете наши поручения, вас никто не тронет! Ан нет, Комитет госбезопасности тронул и не просто послал «зону» топтать, а отправил в расстрельный каземат.

Похожая история приключилась и в США, в штате Иллинойс в 1987 г. Тогда служба шерифа округа Эдгар сфабриковало дело, обвинив в двойном убийстве осведомителей ФБР Рэнди Стрейдта (Randy Streidt) и Герберта Витлока (Herbert Whitlock). Оба давали ценную информацию Бюро о коррупции в округе и «крышевании» местными правоохранителями различной преступной деятельности — наркотраффика, подпольной торговли оружием и пр. Люди шерифа устранили слишком осведомленных «конфидентов», организовав появление лже-свидетелей и фальшивых улик. В результате Стрейдт и Витлок были приговорены к смертной казни, и заступничество ФБР им не помогло. Прошли многие годы, прежде чем невинно осужденных удалось вытащить из тюрьмы — произошло это только в 21-м столетии, Стрейдт был освобожден в мае 2004 г, а Витлок — в январе 2008 г.

Ещё раз повторяюсь, быть осведомителем очень опасно, чужую агентуру не берегут — это своего рода закон

криминального жанра. Примеров такого рода очень много...

Вернёмся, впрочем, в Бостон. Офицер ФБР по связям с полицией призван был решать широкий круг вопросов — от организации взаимодействия с территориальными подразделениями полиции при проведении Бюро силовых акций до предотвращения столкновений интересов при ведении оперативной работы на общей территории и защиты собственного агентурного аппарата от его раскрытия и преследования полицейскими органами и т. д. В этой связи нелишне напомнить историю крупного бостонского гангстера Джеймса «Уайти» Балджера, являвшегося осведомителем местного отделения ФБР почти два десятка лет. Когда Департамент полиции получил ордер на его арест, именно «кураторы» из Бюро оповестили Балджера о грозящей тому опасности. Преступник моментально перешёл на нелегальное положение, покинул Бостон, уехал в Калифорнию, где и скрывался благополучно от правосудия почти 17 лет.

Само собой, офицер связи хорошо знал руководящий состав Департамента полиции, причём не только на уровне города, но и районов. Хотя борьба с коррупцией в рядах полиции и контрразведывательное сопровождение её деятельности не относились к прямым обязанностям офицера связи (этим занимались отдельные группы в составе городского подразделения ФБР), вольно или невольно он накапливал определенную негативную информацию о должностных лицах. Последние, разумеется, понимали, что к сотруднику ФБР может попадать компрометирующая их информация, и делали на это определенную поправку в своей деятельности. Более того, коррумпированные офицеры полиции, имевшие немалый опыт оперативной работы и лично им преданный агентурный аппарат, могли создавать МакНамаре разного рода провокативные ситуа-

ции. Так постепенно возникал запутанный клубок сложных и очень противоречивых отношений. Работа офицера связи, хотя и могла показаться кому-то рутинной и кабинетной, была на самом деле нервной и таящей большие опасности для дальнейшей карьеры. На протяжении многих лет Эдмунд МакНамара находился в положении «своего среди чужих», он был окружён людьми, абсолютное большинство которых ему не доверяло, а кое-кто откровенно ненавидел. Но с неприязнью относились все...

Автор надеется, что изложенного выше достаточно для того, чтобы читатель получил некоторое представление о напряженных отношениях между территориальными подразделениями ФБР и полиции.

В числе первоочередных проблем, которые пришлось решать Эдмунду МакНамаре после вступления в должность, оказались заботы не столько полицейского, сколько административно-финансового порядка. Новый начальник Департамента полиции перво-наперво уволил тех сотрудников полиции, кто был явно скомпрометирован историей с букмекерской конторой в магазине Шварца. После этого он принялся возвращать на должности тех сотрудников, что подвергались гонениям при Лео Салливане. Последний, как было сказано выше, избавлялся от неугодных, банально перекраивая штатное расписание и сокращая должности, которые занимали неугодные ему люди. За 5 лет своего руководства BPD он сократил более 100 должностей, объясняя необходимость этих действий экономией средств городского бюджета. Бюджет Департамента полиции действительно снизился более чем на 500 тыс.\$ в год... Эта лукавая мотивация всех устраивала, но МакНамаре нельзя было экономить на лучших сотрудниках!

Попытки нового руководителя BPD вернуть старые кадры натолкнулась на нежелание городских властей

оплачивать весь этот праздник жизни. Из-за смены подчиненности Департамента — т.е. его передачи от ведомства Губернатора городскому муниципалитету — и так возникло множество проблем с финансированием текущей деятельности полиции. А тут выяснилось, что новый глава BPD намерен пересматривать решения прежнего руководителя по экономии бюджета... да как он дерзнул покуситься на святое!

Должность Начальника Департамента полиции всегда публична. Эдмунду Мак Намаре при исполнении служебных обязанностей приходилось принимать участие в большом числе массовых мероприятий, порой довольно неожиданных. Например, открывать бассейн, сажать сакуру и награждать всевозможными призами победителей всевозможных соревнований.

Используя весь имеющийся административный ре-

курс, МакНамара пытался решить эту проблему, но так толком сделать этого и не смог. Чтобы как-то сбалансировать бюджет подчиненной ему организации, он оказался вынужден продолжить порочную политику своего предшественника по укрупнению полицейских участков. Участки сливались, но при этом общая численность полиции уменьшалась. Это было очень вредно с точки зрения полицейской работы, и Эдмунд МакНамара как мог противился реализации данной стратегии, хотя полностью отказаться от неё так и не смог.

На протяжении всего времени своего руководства бостонской полицией он сталкивался с нехваткой денег. Бюджет полиции был похож на «тришкин кафтан» величина которого никак не соответствовала потребностям. В этой связи достойно упоминания то обстоятельство, что уже в начале 1963 г. Эдмунд МакНамара оказался под огнём критики городских властей, недовольных политикой укрупнения полицейских участков и обвинявших его в том, что тот слишком «увлёкся срезанием жира». Истина заключалась в том, что МакНамара вовсе не был виноват в том, в чём его обвиняли — он лишь пытался действовать сообразно тем условиям, в которые его ставили эти же самые городские власти.

Источником перманентной головной боли для Эдмунда МакНамары явился юго-западный район Бостона под названием Роксбери (Roxbury). Сейчас его называют «сердцем негритянской культуры» — это во всех смыслах забавное словосочетание, что-то вроде «кислого сахара». Странно слышать о «негритянской культуре», если помнить, что негры с островов Карибского бассейна сильно отличаются от потомков негров континентальных штатов, при этом те и другие имеют мало общего с чернокожими из Африки. Да и вообще никакой единой «негритянской культуры» не существует в принципе. Забавно и то, что изначально Роксбери вовсе не был «чёрным»

районом — ещё с конца 19-го столетия его облюбовали немецкие эмигранты, и потому бостонское пиво на протяжении многих десятилетий варилось именно там. Любители истории спецслужб наверняка знают историю немецкой диверсионной группы под руководством Георга Дэша (George John Dasch), высаженной с подводной лодки на американское побережье 12 июня 1942 г. Среди 17 «контактов» в США, к которым диверсанты могли обратиться за содействием, имелись в т.ч. и этнические немцы, проживавшие в Роксбери.

Уже после того, как этот район облюбовала немецкая диаспора, в Роксбери стали массово селиться евреи. А уже после Второй Мировой войны там обосновались афроамериканцы и выходцы с Барбадоса и Ямайки. Район быстро стал очагом межнационального противостояния. Во второй половине 1940-х гг. и на протяжении 1950-х показатели всех видов преступности в Роксбери — убийств, изнасилований, грабежей, хищений из жилищ и угонов автотранспорта — стали быстро расти и намного превысили аналогичную статистику в других частях Бостона и штата. Указанное превышение колебалось в диапазоне от 4 до 15 раз в зависимости от вида преступной активности и рассматриваемого интервала времени. Роксбери стал своего рода криминальной язвой на теле Массачусетса, если можно так выразиться. Таковой, кстати, он остаётся и поныне. Резкая криминализация этого большого района в 1950-х гг. послужила причиной исхода респектабельного белого населения как из самого Роксбери, так и примыкавших к нему частей Бостона.

В начале 1963 г. зародился длительный конфликт МакНамары с аппаратом мэра Бостона, который растянулся на всю вторую половину 1960-х гг. Рассмотрение связанных с этим противостоянием интриг явно выходит за рамки настоящего повествования, но нельзя не упомянуть о том, что в том же самом 1963 г. МакНамара, по-

добно своему предшественнику на посту руководителя BPD, оказался в эпицентре коррупционного скандала. Его обвинили в том, что он использовал своё служебное положение для передачи контрактов на эвакуацию и хранение задержанных и арестованных автомашин, некоей малоизвестной фирме. Компания эта, как выяснилось, была организована неким ранее судимым гражданином, факт знакомства с которым МакНамара отрицать не мог.

История с подрядом на эвакуацию автомашин была очень мутной и тянулась она весь 1963 г. Эдмунд в конечном итоге отбил все обвинения в свой адрес и в кресле своём удержался. Вторично тени над ним сгустились уже в 1968 г., когда новый мэр Бостона Кевин Уайт пожелал отправить МакНамару в отставку. Тот с мэром не согласился и заявил, что отрешить его должности может только суд. Мэру пришлось смириться и терпеть МакНамару на посту главного полицейского Бостона вплоть до июня 1972 г.

Впрочем, сейчас мы забежали совсем уж далеко и поэтому вернёмся в осень 1962 г.

Начальник полиции не занят непосредственно расследованием преступлений, он не должен рассматривать через увеличительное стекло сломанные замки и застёгивать наручники на запястьях злоумышленников. Начальник полиции — это, прежде всего, организатор и координатор, он в большей степени завхоз и бухгалтер, нежели детектив. Эдмунд МакНамара оказался на очень непростом посту в очень непростое время, он был со всех сторон окружён недоброжелателями, и бороться ему приходилось как с вышестоящим руководством в лице городской администрации, так и подчиненными офицерами полиции. В своей борьбе начальник BPD мог опираться на очень немногих доверенных сотрудников — в их число входили уже упоминавшиеся лейтенанты Джон Донован, начальник отдела расследования убийств, и Эдвард Шерри, ис-

полнявший обязанности офицера для особых поручений.

К многочисленным фронтам этой незаметной для окружающих перманентной войны летом 1962 г. добавился ещё один — странные убийства белых пожилых женщин посредством удушения. В этой войне начальник полиции Бостона полагался на своих лейтенантов во-первых, потому, что он им доверял, а во-вторых, потому, что у него просто не было возможности вникать во все детали и проверять их доклады.

Это очень важное обстоятельство, без учёта которого мы не сможем понять внутреннюю логику событий, ставших предметом настоящего повествования.

13 октября 1962 г. Убийство Модесты Фримен

Было бы глубоко неверно полагать, будто бостонская полиция осенью 1962 г довольствовалась ролью лишённого инициативы статиста. Нет, это было не так; полицейские жили в городе, охваченном паникой, тысячи нитей связывали их с горожанами, среди которых находились их родные и близкие, и стражи порядка искренне хотели помочь обеспокоенным людям. Полиция в сентябре и октябре того года работала много и не без успехов!

Полицейские принимали в работу любые заявления, связанные с подозрительной активностью, причём не отвергались даже самые странные и казавшиеся бредовыми сообщения. Например, в первой декаде сентября пожилая женщина сообщила сначала по телефону, а потом лично явившись в полицейский участок о преследовавшем её молодом мужчине. Из нагрудного кармана его пиджака вместо уголка носового платка торчал... нейлоновый чулок! Мужчина вначале шёл навстречу заявительнице, но после того, как разминутся с нею, повернулся и пошёл в обратную сторону, т.е. стал двигаться следом. Заговорить он не пытался и не приближался, просто шёл в том же направлении, что и она около 200 м, после чего отстал. Странная встреча произошла на Коламбия-роад, на удалении около полукилометра от дома, в котором в конце августа была убита Джейн Салливан.

К этому заявлению полицейские отнеслись с максимальной серьёзностью и приступили к розыску неизвестного с таким рвением, словно это был настоящий убийца. не прошло и суток, как мужчина был найден. Он

в точности соответствовал полученному описанию, был одет в тот же самый костюм и его даже опознала заявительница. Вот только в кармане его находился не женский чулок, а обычный носовой кремового цвета. Мужчина не был судим и на время убийства Салливан имел надежное alibi. Полицейские с ним поговорили, провели необходимую проверку и, извинившись,пустили.

Поступали сообщения и иного рода. В одном из кинотеатров был задержан молодой мужчина, занимавшийся онанизмом в тёмном зале. При нём оказался фонарик и некоторые из присутствовавших в зале женщин заявили, что неизвестный включал его, направляя свет на руки. Всё это звучало как-то странно истораживающе, швейцар решил вызвать полицию. При разборе инцидента в полицейском участке выяснилось, что 26-летний музыкант являлся фетишистом, объектом его сексуального интереса являлись женские руки и пальцы. Мужчина совершенно очевидно был нездоров и проходил лечение в психиатрической больнице, полицейские отыскиали врачей, работавших с ним и те внесли ясность в ситуацию. В принципе, задержанный не считался опасным и никогда прежде агрессии не демонстрировал, однако его самым тщательным образом проверили на возможную причастность к преступлениям, описанным в этой книге выше. К счастью для подозреваемого, он имел alibi на дни нападений, поэтому задержание не имело для него сколько-нибудь серьёзных последствий, что не исключило, впрочем, подозрений в будущем.

Некоторые инциденты можно было бы расценить как забавные казусы, если б только их результатом не явилась трагедия. 29 сентября женщина, открывшая дверь незнакомцу, упала без чувств на порог — крупный мужчина напугал её своей внешностью, хотя разговаривал он очень вежливо и не делал ничего незаконного. Перепуганный мужчина попытался скрыться, но был задержан

полицией. Проверка показала, что это был обычный коммивояжёр, обходивший дома и предлагавший купить книги. До этого инцидента он уже успел обойти почти полсотни домов и поговорил со множеством их жильцов и никто из них слова плохого о нём не сказал. Над нервной реакцией мнительной женщины можно было бы посмеяться, если бы не одно важное обстоятельство — он испытанного потрясения она умерла!

Таких происшествий в Бостоне и его ближайших пригородах осенью 1962 г было отмечено великое множество — счёт им шёл на многие десятки. Полиция действительно реагировала на обращения горожан и выловила большое число подозрительных мужчин с девиантным поведением разного рода — вуайеристов, эксгибиционистов, фетишистов и пр. Кто-то из них действительно совершал некие проступки, осуждаемые общественной моралью, кто-то же просто стал жертвой подозрительности особо мнительных граждан.

Вот только был ли среди задержанных таинственный «Фантом»? Должностные лица, причастные к расследованиям летних убийц, в этом сильно сомневались. В первых, задержанные в своей массе являлись людьми довольно безобидными и даже жалкими, прежде не замеченными в склонности к насильственным посягательствам, а во-вторых, само существование «Фантома» ставилось под сомнение всеми, осведомленными в деталях совершенных убийств.

Субботним утром 13 октября в Бостоне было сыро и ветрено, люди в такую погоду ходят с поднятыми воротниками и по сторонам не оглядываются. Ибо очень уж некомфортно. Вайолет Приоле (Violet Prioleau), выйдя на улицу, скорее всего, поступила бы точно так же, и тогда события того утра получили бы совсем иное развитие — женщина, скорее всего, ничего бы не заметила во дворе напротив. Но получилось так, что в окно своего

подъезда она посмотрела ещё до того, как оказалась на улице. Именно поэтому начало драматических событий того дня оказалось связано именно с этой женщиной и никем иным.

Итак, ровно в 06:30 Вайолет закрыла дверь своей квартиры на 4-м этаже дома №618 по Коламбус-авеню (Columbus Avenue) и стала спускаться по лестнице. На площадке между 3 и 4 этажами женщина бросила взгляд в окно, и внимание её привлекло нечто похожее на человеческое тело, лежавшее на асфальте за мусорными баками в той части двора, что относилась к дому напротив. Это была тыльная часть большого квадратного в плане здания под №791 по Тремонт-стрит (Tremont Street). Между домами №618 по Коламбус-авеню и №791 по Тремонт-стрит находился большой двор, перегороженный по всей длине сплошной кирпичной стеной. Ту часть двора, что находилась за этой стеной, можно было видеть с верхних этажей, но с уровня земли она не просматривалась.

За мусорными баками в тусклом свете фонаря Вайолет увидела нечто, что напоминало человеческое тело или выброшенный манекен. Или, может, светлый плащ, небрежно брошенный хозяином на землю? Приоле даже приостановилась на секунду или две, пытаясь понять, что же именно она видит... Конечно же, это должен быть манекен, разве может человек вот так под дождём лежать на земле?

Выйдя на улицу, Приоле поняла, что не сможет спокойно отправиться на работу, не разобравшись в том, что же на самом деле она увидела за мусорными баками. Женщина попыталась заглянуть через кирпичную стену, подпрыгнув, но не тут-то было! Её роста явно не хватало для того, чтобы видеть двор с тротуара.

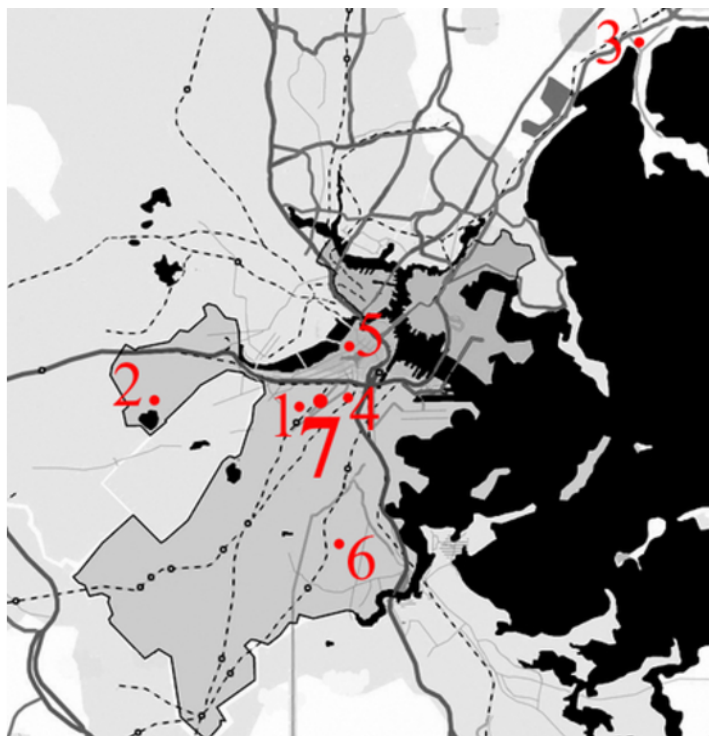
Согласитесь, ситуация выглядела довольно нетривиально. Как бы вы поступили на месте Вайолет?

Сложно сказать, как развивались бы события далее — вполне возможно, что Вайолет отправилась бы конце концов на работу, так никому ничего и не сказав — но на её странное поведение обратил внимание стоявший неподалёку мужчина. Звали его Джон Риз (John Reese), он работал уборщиком в художественной галерее, расположенной в №791 по Трмонт-стрит. Он являлся тем самым человеком, которому предстояло убираться в том самом дворе, где находились мусорные баки и манекен позади них.

Услышав рассказ Вайолет о лежащем на асфальте то ли манекене, то ли человеческом теле, Джон Риз также попытался заглянуть через стену. Для этого ему тоже пришлось подпрыгнуть подобно Вайолет. Результат оказался воистину шокирующим — Риз увидел не только тело на асфальте, но и успел рассмотреть лужу крови возле головы, а также нечто, похожее на шарф, замотанный вокруг шеи. Ему показалось, что тело было нагим и принадлежало женщине-негритянке, но проверять это мужчина не захотел.

Он понял, что нужно срочно вызывать полицию, и побежал к уличному телефону-автомату, благо до него было менее полусотни метров. Сообщение об обнаружении окровавленного женского тела было зафиксировано дежурным офицером полиции в 06:35.

Прибывшие через считанные минуты полицейские патрули обнаружили полностью обнажённое тело убитой чернокожей женщины. Факт убийства сомнений не вызывал — на это явственно указывали предметы, завязанные вокруг шеи женщины, и обезображенное побоями лицо. Джону Ризу показалось, что он видел шарф или кашне, но на самом деле это был тёмно-серый бюстгальтер и два коричневых нейлоновых чулка.

Карта Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения в 1962 г, которые связывались средствами массовой информации с таинственным «Фантомом». Эпизоды пронумерованы в хронологическом порядке. Красная цифра 7 обозначает место убийства Модесты Фримен в районе Тремонт-стрит и Коламбус-авеню в ночь на 13 октября 1962 г.

В вагину погибшей была введена деревянная палочка, которая, как стало ясно чуть позже, являлась рукоятью старого молотка для отбивания мяса. Преступник,

скорее всего, подобрал этот предмет возле мусорных баков. После тщательного изучения телесных повреждений, а также рукояти молотка стало ясно, что этот предмет не использовался для избияения женщины. Это означало, что убийца забрал с собою орудие преступления.

Личность убитой установили быстро, поскольку сумочка с документами внутри оказалась буквально в нескольких метрах от трупа. Убитую женщину звали Модеста Фримен (Modeste Freeman), она проживала совсем неподалёку от места убийства, буквально в 120 м, в доме №394 по Норхэмптон-стрит (Northampton Street). Женщина была разведена, но на протяжении ряда лет поддерживала интимные отношения с ранее судимым чернокожим мужчиной. Как установили детективы, 37-летняя Модеста в понедельник 8 октября в пух и прах разругалась со своим сожителем, после чего тот ушёл из её квартиры. Модеста воспитывалась матерью-одиночкой, всю жизнь имевшей проблемы с сильным полом, а как известно, дочери довольно часто повторяют присущий их матерям образ жизни, так что на примере Модесты мы видим хорошее тому подтверждение. Допрошенные полицейскими знакомые убитой сообщили, что та имела намерение «оторваться» в ближайшую пятницу, но поскольку её лучшая подруга вечером того дня отправилась на работу в ночную смену, Модеста оказалась предоставлена сама себе.

Могла ли женщина отправиться в бар, чтобы скрасить одиночество? Такое предположение представлялось более чем вероятным. В 1962 г. Соединенные Штаты жили в обстановке тотальной сегрегации, т.е. разделения рас. Чёрная женщина не могла явиться в бар для белых, чтобы пропустить пару-тройку «дринков» виски — это обстоятельство повышало шансы детективов обнаружить заведение, в котором убитая могла вступить в контакт

с убийцей¹.

Осмотр места преступления и личных вещей Модесты Фримен заставил предположить ограбление, поскольку ни ценных вещей, ни наличных денег не оказалось. Однако являлось ли ограбление истинным мотивом убийства или же оно было призвано только замаскировать сексуальный подтекст, сказать было сложно. Тут полицейским должно было помочь судебно-медицинское исследование тела.

Судебно-медицинская экспертиза показала, что Модеста на момент смерти была сильно пьяна (более 2,5 промилле). Женщина подверглась сильным побоям — у неё был сломан нос, выбиты четыре зуба (ещё 5 зубов шатались), сломана с левой стороны челюсть, кожа была рассечена в районе обеих бровей и в височно-теменной области слева. Повреждения эти выглядели та-

¹ Расовая дискриминация, являвшаяся законодательной нормой для США, принимала порой комичные формы. В Оклахоме, например, в 1912 г. был принят специальный закон, объявлявший чернокожую Сару Ректор «белой». Сара была очень богата, владела землями, на которых оказались значительные запасы нефти, а потому законодатели Оклахомы озаботились тем, чтобы белый мужчина смог взять её в жены. Благодаря этой трогательной, хотя и очень циничной заботе оклахомских сенаторов, Сара получила право пользоваться уборными для белых и ездить по железной дороге в вагонах первого класса. Неудивительно, что столь дикие нравы были совершенно непонятны людям, незнакомым с американским образом жизни. В 1966 г. в Польской Народной Республике стали снимать ТВ-сериал «Четыре танкиста и собака», в одном из эпизодов которого показан экипаж танка американских союзников. В составе одного среди белых танкистов присутствовал и негр. Польский режиссёр явно был очень далёк от американских реалий и не знал, что чернокожий солдат не мог служить в одном танковом экипаже с белыми!

ким образом, будто преступник наносил удары дубинкой или трубой как справа налево, так и слева направо. Кровь находилась в пищеводе и желудке, куда попала из полости рта. Данное обстоятельство указывало на продолжительность избиения — процесс этот занял, по-видимому, не одну минуту.

Несмотря на телесные повреждения, причиненные тяжёлыми и продолжительными побоями, смерть последовала в результате удушения. Причём механизм душения оказался двояким: сначала убийца душил женщину левой рукой, отчего на коже остались хорошо различимые синяки, соответствовавшие такому хвату, после чего был затянут бюстгальтер, а поверх него — два коричневых нейлоновых чулка.

Сексуальный подтекст, как было отмечено выше, особых сомнений не вызывал. Судебно-медицинская экспертиза выявила многочисленные следы анальной и вагинальной травм, однако следов спермы ни в полостях тела, ни на коже обнаружить не удалось. Посему вопрос о половом акте убийцы с жертвой остался открыт. Травмы же вполне могли быть нанесены деревянной рукоятью молотка.

Время наступления смерти экспертиза отнесла к первым часам 13 октября, т.е. сразу после полуночи.

Картина произошедшего казалась довольно очевидной. Женщина, поругавшаяся со своим сожителем несколькими днями ранее, имела намерение развеяться и вечером пятницы отправилась на поиск приключений. Её можно было легко понять — в конце рабочей недели мужчины бросают свои автомашины и устремляются в бары, дабы снять накопившуюся усталость. Там под расслабляющую музыку и дешёвую выпивку легко завязываются знакомства, и все женщины кажутся красивыми. Модеста знала, что её жильё находится в её полном распоряжении, а потому была готова к вечеру с интим-

ным продолжением. Она могла пригласить понравившегося ей мужчину в гости, а потому рассматривала самые смелые предложения. Однако в какой-то момент всё «пошло не так» — то ли новый знакомый захотел слишком многого, то ли что-то в его поведении насторожило Модесту — но планы её перенились и к себе домой она мужчину так и не привела. В конечном итоге неизвестный мужчина пустил в ход кулаки и некое орудие, которое можно условно назвать дубинкой, и в результате весёлый вечер закончился трагедией.

Розыск убийцы Модесты Фримен следовало начинать с заведений, в которых встречались чернокожие жители Бостона. Однако их обход никаких значимых результатов не принёс — женщину там никто не опознал.

Тогда детективы предположили, что знакомство жертвы с убийцей произошло не в баре, а на улице в ходе спонтанно завязавшейся беседы. В принципе, почему бы нет? Но в таком случае преступник должен был где-то разжиться спиртным, поскольку Модеста была крепко пьяна, а в окрестных барах её никто не видел. Однако, спиртного или бутылки из-под него на месте убийства не оказалось, что можно было объяснить предусмотрительностью преступника, унёсшего его с собою. В попытках отыскать магазин, в который заходила Модеста Фримен в сопровождении мужчины или в одиночку — это было не самым главным в тот момент времени — детективы «прошерстили» магазины в районе Саус-энд (South end), но никаких зацепок не обнаружили.

В первые дни после обнаружения тела проверялся и сожитель Модесты, но на его счастье у мужчины оказалось непробиваемое *alibi*. Вторую половину дня 12 октября он провёл в обществе большого количества людей, зафиксировавших его безотлучное пребывание на большом удалении от Тремонт-стрит. В частности, в многочисленном обществе родственников он съездил

в местную тюрьму на свидание с братом, а затем отправился на празднование дня рождения другого родственника. Очень заманчивым представлялось доказать, что мужчина незаметно скрылся с вечеринки и тем самым получил возможность в ночь на 13 число свести счёты с Модестой, но не тут-то было! Оказалось, что энергичный мужчина свёл короткое знакомство с дамочкой, находившейся в активном поиске нового друга, и провёл с нею часть ночи, а потом под утро в её обществе приехал к её сестре. Опровергнуть это *alibi* полиции не удалось, хотя в этом направлении усилия предпринимались энергичные.

Подверглись проверке знакомые Модесты Фримен по местам её прежних работ и проживания. Детективов интересовали возможные связи женщины и, хотя полицейским удалось составить и проверить список интимных друзей убитой женщины, преступника среди них не оказалось.

По всему получалось, что Модеста стала жертвой человека, с которым познакомилась незадолго до собственной гибели. Поиск случайного знакомого представлялся делом если не безнадёжным, то крайне непростым. Никто не видел расправы над женщиной, никто не видел её в обществе неизвестного незадолго до гибели, никто не видел подозрительного мужчину рядом с местом преступления до или после убийства.

Конечно, у правоохранителей теплилась надежда на появление ценного свидетеля, подобного Вайолет Приоле, случайно увидевшей труп через окно. Имелся шанс обнаружить важную улику, скажем, отпечаток неизвестного пальца или мазок чужой крови в результате обработки криминалистами зафиксированных на месте преступления следов. Но минули дни, потом недели, а никаких свидетелей и ценных улик так и не появилось.

Дело превратилось в «висяк» или «глухаря», если

пользоваться неформальной отечественной терминологией. Именно так называют в России расследования, зашедшие в тупик и не имеющие шансов на раскрытие. Во всяком случае, на скорое раскрытие! Если расследование таких преступлений в какой-то момент и сдвигается вдруг с мёртвой точки, то не благодаря, а скорее вопреки законам детективного жанра.

Вдумчивый читатель может задаться вполне оправданным вопросом: почему история убийства Модесты Фримен вообще попала в эту книгу? Ведь по очень многим важным критериям это преступление никак не соответствует тем убийствам, что имели место в Бостоне летом 1962 г. В самом деле, во всех, описанных ранее убийствах, жертвами становились женщины белой расы, а Модеста Фримен — негритянка. Все предыдущие жертвы имели преклонный возраст, самой молодой из них — Анне Слесерс — исполнилось на момент гибели 56 лет. Модеста Фримен была почти на 20 лет младше (37 лет на момент убийства). А ведь раса и возраст относятся к важнейшим элементам «диапазона приемлемости», определяющим привлекательность жертвы в глазах сексуального преступника. Отмеченных несовпадений достаточно для того, чтобы усомниться в том, что убийства Модесты Фримен и пяти пожилых женщин летом 1962 г. совершены одним и тем же лицом.

Именно так и рассуждали работники окружной прокуратуры и сотрудники полиции Бостона, занятые расследованием этой головоломки. И логика их была не только оправдана, но и непоколебима, поскольку основывалась эта логика на большом профессиональном опыте. Подобная точка зрения господствовала довольно долго, как минимум, 4 года. Поэтому если кому-то из читателей попадётся в руки вышедшая в 1966 г. книга Джеролда Франка (Gerold Frank) «Бостонский Душитель» («The Boston Strangler»), своего рода первая энциклопе-

дия, посвященная этому расследованию, то такой читатель не без удивления сделает любопытное открытие: упоминаний убийства Модесты Фримен в этой книге не окажется. Причём сам факт совершения этого преступления не будет большой тайной — об этом преступлении осенью 1962 г. напишут газеты и расскажут по местному телевидению — но никто не станет связывать произошедшее на Тремонт-стрит с летними убийствами белых пожилых женщин.

И эта точка зрения, оправданная во всех отношениях, будет господствовать несколько лет.

5 декабря 1962 г. Убийство Софи Кларк

К началу зимы 1962 г. тот страх перед таинственным душителем, что жители Бостона испытали минувшим летом, отступил. И казалось, насовсем. Новые разнообразные события заслонили пережитое и притушили травмирующие воспоминания горожан.

1 октября вышел в прокат и быстро стал хитом кино-сезона первый фильм с агентом 007.

На протяжении всего 1962 г. Фрэнк Синатра радовал своих многочисленных поклонников новыми концертами и пластинками. В том году он выпустил аж 7 новых альбомов и сборников — это был рекорд его творческой активности за всю весьма долгую жизнь, не превзойдённый ни до, ни после.

Во второй половине октября Америка пережила шокировавший всех «Карибский кризис». 22 октября Президент страны Джон Ф. Кеннеди выступил с телевизионным обращением к нации, в котором сообщил о введении морского карантина в зоне 500 миль вокруг Кубы. Затем последовала полная драматизма неделя, увенчавшаяся 28 октября мирным разрешением т.н. «Кубинского кризиса». Американские власти в присущей им демагогической манере заявили об очередной победе своей «дипломатии принуждения», однако, «победителям» пришлось дать правительству Фиделя Кастро гарантии невмешательства во внутрикубинские дела и в обмен на вывод советских ракет с острова Свободы вывести собственные баллистические ракеты «Юпитер» с территории Турции.

Летняя серия убийств пожилых женщин в Бостоне, казалось, прервалась окончательно. Расследования этих

преступлений продолжались силами отдельных полицейских групп, действовавших хотя и в контакте друг с другом, но без жёсткой подчиненности. Ещё раз подчеркнём, что трагическая гибель Модесты Фримен в середине октября не связывалась с летними событиями и потому никак не сказалась на умонастроениях горожан. Хотя пресса называла преступника «Phantom», детективы отнюдь не были уверены, что ищут одного человека, склоняясь к мысли, что убийства совершены разными и притом не связанными друг с другом лицами.

В конце ноября 1962 г. Эдмунд МакНамара, выступая на заседании городского совета, заявил, что с мифическим «Фантомом» или «Душителем» — как иногда называли таинственного преступника некоторые журналисты — могут быть связаны 3, максимум 4 преступления, и добавил, что это отнюдь не главная криминальная проблема Бостона.

Поясняя свою мысль, начальник полиции сообщил членам совета, что сравнительно малонаселенный Бостон¹ входит в тройку самых криминальных мест Америки, не уступая таким городам, как Нью-Йорк и Чикаго. На протяжении 1962 г. территория 4-го полицейского участка, относящаяся к бостонскому району Саус-энд, трижды занимала 1 место в еженедельном рейтинге США по абсолютному количеству тяжких преступлений. Шокирующее заявление МакНамары вызвало у некоторых членов городской администрации крайнее раздражение, начальника полиции обвинили в необъективности и сгущении красок. Вообще же к этому времени его отношения с городским руководством были уже в значительной степени подпорчены. Пройдёт совсем немного времени

¹ В 1962 г. город занимал 13 место в США по численности населения

и с подачи членов городского совета начнётся та самая мутная коррупционная история, о которой рассказывалось в главе, посвященной Эдмунду МакНамаре.

Убийства женщин в Бостоне посредством удушением в первой половине 1960-х гг обычно связывают с преступником, условно называемым сегодня "Бостонским Душителем". Название города всегда присутствует в прозвище, дабы отличать этого преступника от «Хиллсайдских душителей», «Рочестерского Душителя» и иных негодяев, действовавших в схожей манере. Однако данное прозвище укоренилось отнюдь не сразу — на протяжении нескольких лет таинственного душителя журналисты называли «Фантомом», подчеркивая тем самым его призрачность и неуловимость. На фотографии можно видеть газетный заголовок: «Фантом-Душитель внушает Бостону растущий ужас».

Начало зимы 1962 г. оказалось типичным для атлантического побережья США: температура немногим выше нуля, постоянный умеренно сильный ветер, снегопады,

переходящие в дождь и наоборот. Именно такой и была вторая половина дня 5 декабря, когда 20-летняя Глория Тодд (Gloria Todd) оказалась вынуждена спешить домой под промозглым дождём, то почти стихавшим, то начинавшим сыпать с неба ледяной крупой. Глория, обучавшаяся в Институте медицинских технологий им. Карнеги, проживала в доме №315 по Хантингтон авеню (Huntington avenue). Вместе с сокурсницами Одри Адамс (Audri Adams) и Софи Кларк (Sophie Clark) она занимала довольно просторную квартиру из 3 комнат, расположенную на 4 этаже 5-этажного здания, под номером 4-С. Глория и Одри проживали в спальнях направо и налево от входной двери, разделенных коридором, а Софи обособилась в просторной гостиной.

Студентки жили дружно и весело, аренда выходила на троих совсем недорогой, а комфорта было много больше, чем в кампусе. Все трое учились очень хорошо, были в числе самых успевающих студенток, но время находили не только на учёбу, но и на отдых. По вечерам Глория и Одри приходили в гостиную Софи, совмещенную с кухней, там занимались стряпнёй, болтали, варили грог, его же и пили. Среда, 5 декабря, обещала быть ничуть не хуже или лучше других дней того года.

Глория Тодд появилась в тёмной квартире примерно в 17:30, прошла в свою комнату, переоделась, разложила учебники, рассчитывая позаниматься немного, но передумала и отправилась на кухню, чтобы перекусить. По-есть, впрочем, ей в тот вечер не пришлось — открыв дверь в гостиную и включив в помещении свет, Глория увидела на полу тело Софи Кларк. Та была мертва, Глория в этом почти не сомневалась, хотя и не могла объяснить внезапно возникшую уверенность в этом. Софи лежала лицом вверх с вытянутыми и немного раздвинутыми ногами, бюстгальтер её, разорванный на две половинки, лежал рядом, не далее метра от тела, халат при-

спущен с плеч, но не снят полностью, руки оставались в рукавах. На ногах были черные чулки, пристёгнутые к поясу. К поясу также был пристёгнут специальный бандаж для удержания гигиенической прокладки — такие вещи использовались в женском гардеробе в те далёкие времена, когда лёгкая промышленность ещё не располагала современными технологиями производства аксессуаров подобного рода. В клипсе на бандаже остался кусочек белой прокладки, сама же прокладка, видимо, грубо вырванная, лежала на некотором отдалении от тела. Также на полу находились грубо скрученные тонкие трикотажные штаны, запачканные кровью в промежности. Эти штаны Глория видела прежде на Софи, последняя обычно надевала их под брюки. Но более всего девушку поразил не вид этих штанов и не разорванный бюстгальтер, а юбка Софи Кларк цвета слоновой кости, замотанная вокруг её шеи наподобие шарфа.

Потрясенная увиденным Глория Тодд бросилась вон из квартиры. Она побежала на улицу без всякой цели и впоследствии рассказывала в интервью, что переживала немалый шок и не понимала, что же именно следует сделать. Трудно сказать, как развивались бы события далее, но буквально двумя лестничными пролётами ниже она столкнулась с Энтони Рэйли (Anthony Riley), студентом-медиком, проживавшим в соседнем доме и регулярно заглядывавшем в гости к друзьям, занимавшим квартиру 3-С, т.е. этажом ниже места преступления.

Хотя Глория Тодд бежала молча, что-то в её облике насторожило Энтони, и молодой человек остановил девушку, схватив за локоть. Он несколько раз спросил Глорию, всё ли с ней в порядке? Та молчала, словно бы не понимая слов, но, в конце концов, пробормотала, что произошло преступление, и Софи мертва. Энтони тут же побежал вниз по лестнице, выкрикивая имя Натана Нел-

сона, проживавшего в этом же подъезде подсобного рабочего, исполнявшего обычно функции сантехника, электрика, слесаря, стекольщика, консьержа и коменданта. Нелсон был тем человеком, который следил за порядком в доме и на прилегающей территории и всегда «разруливал» все нестандартные ситуации. Считалось, что Нелсон всегда на месте — а самое главное! — всегда знает, как следует поступать.

Услышав крики Энтони Рэйли, Натан Нелсон помчался ему навстречу. Примерно в 17:40, возможно, чуть позже, все трое — Глория Тодд, Энтони Рэйли и Натан Нелсон — вошли в квартиру 4-С. Последний, удостоверившись в том, что в гостиной действительно лежит труп Софи Кларк, немедленно помчался вызывать полицию. Хотя в квартире имелся телефон, у инициативной троицы хватило ума им не пользоваться.

После того, как Нелсон убежал вниз, Рэйли сделал то, чего от него никто не ожидал. По крайней мере, Глория Тодд не ожидала точно. Бегло осмотрев лежавшее на полу тело, Рэйли заявил, что Софи можно реанимировать. Он попросил дать ему ножницы и, получив их от Глории, приступил к делу. Сначала молодой человек удалил изо рта трупа кляп, который там находился, затем развязал юбку, замотанную на шее наподобие шарфа... Под юбкой оказался нейлоновый чулок, затянутый с большой силой и глубоко вдавившийся в кожу. Развязать его не представлялось возможным, поэтому Рэйли разрезал чулок ножницами. После этого Энтони попытался сделать трупу искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

Это, конечно же, выглядело очень странно. Совершенно непонятно, почему эту нелепую самостоятельность не попыталась остановить Глория — уж она-то должна была понимать, что Софи была убита ещё до её прихода, т.е. кровоснабжение её мозга прекратилось никак не менее 10—15 минут назад. Ввиду этого реанимационные ме-

роприятия лишались всякого смысла. То, чем занимался Энтони Рэйли, встав на колени перед телом Софи Кларк, сложно назвать иначе как уничтожение улики. Те самые предметы, которых неизбежно должен был касаться убийца — салфетка, использованная в качестве кляпа, юбка, затянута на шее жертвы, и нейлоновый чулок под нею — в значительной степени утратили свою ценность. Спустя много-много десятилетий — уже в 21 столетии, когда решался вопрос о назначении молекулярно-генетических экспертиз, призванных внести ясность в историю бостонских убийств начала 1960-х гг., — улики с места убийства Софи Кларк были исключены из анализа именно по причине их заведомой загрязнённости биологическими следами Энтони Рэйли и Глории Тодд. Понятно, что молодые люди не думали о подобных последствиях, да и не существовало в то время молекулярно-генетических экспертиз в принципе, но подобные объяснения не оправдывают проявленной ими бесцеремонности. Всё-таки они должны были понимать, что находятся на месте совершения преступления, и их хаотические действия могут привести к серьёзному искажению картины случившегося, но... Энтони Рэйли не подумал о подобных нюансах, а Глория Тодд ему этого не только не подсказала, но напротив, присоединилась к его попыткам оживить мёртвое тело.

Увы!

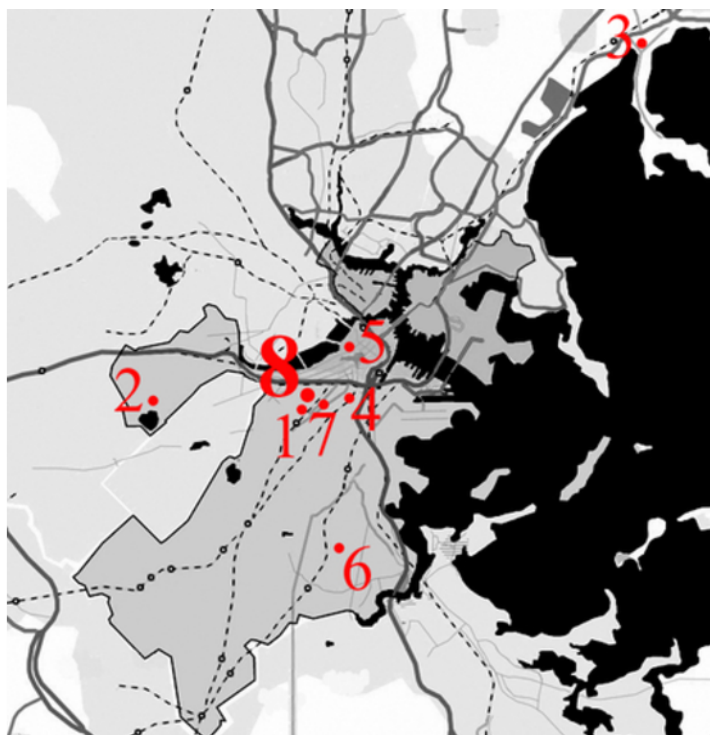
Натан Нелсон, сделав телефонный звонок в полицейский участок, остался дожидаться патрульных внизу, у дверей в подъезд, благодаря чему «перехватил» Джона Гибсона. Последний являлся студентом расположенного в непосредственной близости от дома Университета Норт-Истерн и последние несколько месяцев ухаживал за Софи Кларк. Молодой человек, как и Софи, был родом из штата Нью-Джерси, на этой почве они познакомились и сблизились. Возвращаясь после занятий, он ре-

шил зайти в гости к Софи, чтобы отправиться с нею на вечерний киносеанс. Нелсон знал молодого человека по имени и в лицо, но вместо того, чтобы остановить его у входа и передать полиции, как потенциально важного свидетеля, рассказал ему об убийстве Софи. Гибсон вполне ожидаемо захотел увидеть тело, и Нелсон не придумал ничего умнее, как отправиться вместе с ним в квартиру 4-С. Натан забыл о своём намерении встретить полицию и в обществе студента поднялся на четвёртый этаж, где они присоединились к Глории Тодд и Энтони Рэйли.

К тому моменту, когда первый полицейский патруль прибыл на место совершения преступления, там уже всю хозяйничала компания из четырёх человек, безвозвратно искажившая обстановку и затоптавшая все возможные следы. Последнее надо понимать буквально — у американцев нет традиции снимать у входной двери уличную обувь и надевать мягкие тапочки, поэтому можно не сомневаться в том, что четыре человека в мокрой тяжёлой обуви — на улице шёл дождь со снегом! — полностью уничтожили следы ног убийцы. К этим уничтожителям улик можно прибавить и полицейских, но последние хотя бы обучаются правилам поведения на месте преступления и даже сдают тематические зачёты в полицейской академии, демонстрируя практические навыки осмотра помещений, выявления и обозначения улик.

Осмотр места совершения преступления дал результат интересный и до некоторой степени неожиданный. Выяснилось, что преступник, по-видимому, в комнату Глории Тодд не входил, во всяком случае, следов его пребывания там не обнаружили ни криминалисты, ни проживавшая там девушка. А вот в комнату Одри Адамс, третьей жительницы квартиры 4-С, он заглянул. Когда полицейские привезли Одри в квартиру и попросили осмотреть свою комнату, та сразу обратила внимание

на выдвинутый ящик бельевой тумбочки. Одри была уверена, что покидая комнату утром, закрыла тумбочку.

Карта Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения в 1962 г, которые связывались средствами массовой информации с таинственным «Фантомом». Эпизоды пронумерованы в хронологическом порядке. Красная цифра 8 обозначает место проживания и убийства 5 декабря 1962 г Софи Кларк.

Проверив бельё, хранившееся в ящике, Одри сооб-

щила об исчезновении одного из коричневых нейлоновых чулок. В том чулке, что был срезан Энтони Рэйли с шеи Софи Кларк, девушка опознала свою вещь.

В уборной был найден окурок сигареты «Салем» («Salem»), плававший в унитазе. Отвечая на вопросы детективов, Глория Тодд и Одри Адамс согласно заявили, что никто из проживавших или посещавших квартиру гостей не имел привычки бросать окурки в унитаз. На этом основании детективы предположили, что от выкуренной сигареты подобным образом избавился убийца. Правда, ценность этого открытия до некоторой степени нивелировалась тем, что все три девушки, проживавшие в квартире 4-С, курили. В квартире были найдены принадлежавшие им сигареты «Салем», «Ньюпорт», «Пэлл Мэлл» и «Мальборо». Это означало, что сигарету в унитаз, в принципе, могла выбросить Софи Кларк, хотя это и казалось маловероятным. Фильтр сигареты размок, поэтому ничего определенного о специфике прикуса курившего сказать не представлялось возможным. Технологии определения группы крови курильщика по его слюне в начале 1960-х гг. ещё не существовало. Впрочем, если бы таковая технология и была, то, скорее всего, помогла бы она мало ввиду пребывания окурка в воде. Вода, как известно, является прекрасным растворителем и замечательно уничтожает биологические следы, в т.ч. и слюну.

Окурок из уборной имел для следствия ценность лишь как источник ориентирующей информации. Основываясь на этой находке, можно было предположить, что убийца курит сигареты «Салем», но не более того. Причём предположение это следовало сопровождать множеством уточняющих оговорок.

Комната Софи Кларк обыскивалась преступником бегло и явно второпях. Осмотр помещения проводился убийцей уже после умерщвления девушки, и действовал преступник не очень внимательно. Так, он не заметил

под стопкой постельного белья в шкафу конверта с наличными деньгами, в котором находились 170\$ — а это довольно значительная по тем временам сумма! Также преступник не взял кое-какие ювелирные изделия, находившиеся на виду — золотые женские часики, серьги, два кольца. По-видимому, их сняла сама Софи, а убийца то ли проигнорировал украшения, то ли — что тоже вполне вероятно! — попросту второпях позабыл про них. При этом комната и вещи убитой девушки явно осматривались — два внутренних кармана пальто Софи оказались вывернуты, на диване и полу были разбросаны мелкие вещи, а содержимое сумочки горкой вывалено на кресло. Преступника заинтересовали — или он только сделал вид, что заинтересовали — виниловые диски с записями эстрадных музыкантов, принадлежавшие Софи. Он вытащил стопку дисков из подставки, на которой они хранились, и небрежно бросил на диван, но при этом ни один из дисков не пропал. Непонятно, для чего он их вообще перекладывал.

Однако кое-что в поведении преступника привлекло особое внимание детективов и заставило их насторожиться. Убийца нашёл фотоальбом Софи и, по-видимому, пролистал его. Его заинтересовал дурашливый фотоснимок, на котором Софи Кларк, Одри Адамс и Глория Тодд были запечатлены сидящими рядом в провокационно распахнутых ночных пижамах. Девушки на нём выглядели озорными шалуньями... Убийца раскрыл альбом на странице с фотоснимком и положил его на диван таким образом, чтобы фотография сразу же привлекла внимание. Действия убийцы можно было истолковать по-разному, но полицейские сочли, что Одри и Глории может грозить опасность. Своим демонстративным поступком неизвестный преступник словно бы давал понять, что соседки Софи привлекли его внимание, а стало быть, он может их навестить. В тот же вечер Одри и Гло-

рия были вывезены из города и размещены в отеле, там они прожили почти месяц, а затем разъехались к родственникам. Поскольку обе девушки не смогли той зимой нормально учиться, администрация института по личной просьбе начальника полиции Бостона скорректировала для них учебный график.

Входная дверь квартиры 4-С была оснащена двумя замками: старым, расположенным внизу, и новым, находившимся повыше. Последний был установлен в конце августа 1962 г. после того, как газеты стали тиражировать материалы о «Фантоме». На установке этого замка особенно настаивала Софи — она отчего-то сильно боялась Душителя, хотя все вокруг говорили ей, что тот не нападет на молоденьких девушек. Новый замок был исправен и не имел следов взлома. Со старым замком всё оказалось сложнее. На первый взгляд он казался исправным, однако после его извлечения и осмотра стало ясно, что его пытались открыть с использованием отмычек. Правда, это открытие сопровождалось интересными уточнениями, до некоторой степени сбивавшими с толку. Натан Нелсон сообщил, что примерно двумя месяцами ранее прежний нижний замок во входной двери вышел из строя и ему (т. е. Нелсону) пришлось заменить его. Правда, сноровистый дворник не стал покупать новый замок, а вытащил из сусеков аналогичный, провалявшийся в его кладовой чуть ли не десять лет. Другими словами, Нелсон заменил один старый замок на другой ещё более старый. Так что царапины, обнаруженные при его осмотре криминалистами, могли появиться задолго до декабря 1962 г.

Разумеется, у мастеровитого консьержа и дворника поинтересовались причиной поломки старого замка. Нелсон сообщил, что не поленился разобрать его и в результате обнаружил небольшой металлический фрагмент, попавший в подвижные части и заклинивший их, в результате чего замок пришлось при открывании сло-

мать. Вполне возможно, что заклинивание замка в октябре произошло при попытке его открытия воровским инструментом, но с абсолютной надёжностью это утверждать было невозможно по той простой причине, что замок был давно выброшен.

В целом картина случившегося, реконструированная детективами после осмотра места совершения преступления, выглядела следующим образом. Преступник проник в квартиру 4-С в середине дня, когда её обитательницы отсутствовали. Свой осмотр он начал с комнаты Одри Адамс, но далеко продвинуться не успел, возможно, лишь открыл несколько ящиков тумбочки, либо не успел сделать даже этого. Из института вернулась Софи Кларк, и преступнику пришлось затаиться, чтобы не выдать себя. Софи прошла в свою комнату, переоделась там, сняла украшения, выложила из своей холщовой сумки тетради с конспектами. Преступник некоторое время прислушивался к тому, что происходит в гостиной, затем вытащил из тумбочки чулок Одри, рассчитывая использовать в качестве удавки при нападении. Сложно было сказать, планировал ли этот человек совершить нападение изначально или же замысел родился экспромтом. То, что в качестве орудия убийства использовался предмет, взятый на месте преступления, указывает вроде бы на спонтанность принятого решения, но на самом деле это поверхностный вывод. Многие серийные убийцы для умерщвления жертв используют случайные предметы. Причиной тому является скорее неспособность планировать собственные действия и бессистемность поведения — это просто такой тип личности. Кроме того, использование преступником в качестве оружия случайных предметов может свидетельствовать о его уверенности в своих силах и криминальной опытности.

Как бы там ни было, неизвестный с чулком в руках

переместился в коридор и, по-видимому, получил возможность увидеть Софи Кларк. Последняя была очень мила, она родилась в смешанном браке и подобно многим полукровкам имела весьма выразительную внешность. Скорее всего, именно привлекательность девушки и подтолкнула злоумышленника к нападению. Так обычная квартирная кража превратилась в убийство.

Софи Кларк. Убийство 20-летней привлекательной девушки, рожденной в межрасовом браке и имевшей весьма выразительную внешность, выходило за рамки той схемы, которую журналисты связывали с «Фантомом». До этого преступник нападал на белых женщин в весьма почтенном возрасте, но 5 декабря 1962 г он словно изменил собственным правилам. Из извращенца-геронтофила он превратился в мужчину почти нормальной сексуальной ориентации. Возможно ли такое? Признают ли врачи-сексологи вероятной подобную перемену влечения? Или же полицейские правы и убийства Софи Кларк и пожилых белых женщин совершены разными лицами?

Очевидно, преступник рассчитывал совершить с Софи половой акт, однако, ответ на вопрос, подверглась ли Софи изнасилованию, могла дать только судебно-медицинская экспертиза. Скорее всего, именно после убийства преступник и выкурил в уборной сигарету «Салем», возможно, он это сделал для того, чтобы немного успокоиться и взять себя в руки. Вернувшись в гостиную, убийца торопливо осмотрел комнату, но сделал это скорее для проформы, нежели с целью действительно забрать что-то ценное. Правоохранительные органы так и не смогли установить, взял ли преступник что-либо с места убийства.

Когда девушка была убита? Судебно-медицинский эксперт Ричард Форд (Richard Ford), осматривавший тело на месте его обнаружения, а потом проводивший вскрытие, довольно уверенно ответил на этот вопрос. По его мнению, Софи Кларк была умерщвлена в интервале с 14:30 до 16:30, последующие опросы преподавателей и студентов института показали отличное совпадение этой оценки с фактами.

Детективы установили, что в день смерти Софи покинула институт в районе 12:30. Этот уход с занятий сам по себе выглядел довольно странно, поскольку погибшая сбежала с последней лекции, которая должна была закончиться в 14:30. Софи училась хорошо и занятия не прогуливала, поэтому её поведение в день смерти следовало признать нетипичным для неё. На Хантингтон авеню Софи появилась немногим позже 13 часов, однако, оставалась ли она всё время в квартире или же куда-то выходила, выяснить с абсолютной надёжностью не удалось.

Раннее появление Софи Кларк рождало ряд важных вопросов. Проник ли убийца в квартиру 4-С до того, как девушка вернулась из института? Если да, стало быть, преступник скрытно наблюдал за жертвой несколько ча-

сов. Если нет, значит, он сумел беззвучно войти в квартиру и приступил к обыску комнаты Одри Адамс, не догадываясь о присутствии в гостиной Софи. Если это было на самом деле так, то следовало признать, что его воровское мастерство было на очень высоком уровне!

Жертва, вернувшись из института, выложила из сумки тетради с конспектами и, по-видимому, некоторое время занималась уроками. Затем она села сочинять письмо своему другу Чарльзу Дрисдому (Charles Drisdome), проживавшему в штате Нью-Джерси. Неожиданный поворот, не так ли? Ведь в Бостоне у Софи Кларк уже был интимный друг! Доверительный характер отношений Софи и Чарльза Дрисдома сомнений не вызывал — это следовало из содержания письма. Софи ласково обращалась к нему «Чак», интересовалась, тепло ли он одевается и что хотел бы, чтобы она приготовила к его приезду на следующие выходные? Письмо получилось довольно трепетным, оставляющим однозначное впечатление о характере отношений автора и адресата. Из его содержания можно узнать, что текст был написан в 14:30 — это время прямо в нём приводилось. Обрывался текст на том, что Софи сообщала адресату о намерении заняться приготовлением ужина, дабы поесть самой и накормить соседок по квартире. Девушка даже описала предполагаемое меню... О том, что вместе с нею должен был поужинать и Джон Гибсон, Софи не стала сообщать «Чаку», видимо, не желая расстраивать последнего (ох уж эта девичья деликатность!). Письмо осталось не дописано и обрывалось посреди фразы, видимо, Софи что-то отвлекло.

Одри Адамс во время допроса на месте преступления сообщила, что в 16 часов позвонила по телефону и сообщила Софи, что появится примерно через полтора часа. Последняя сказала в ответ, что хочет сейчас заняться приготовлением ужина, что полностью соответствовало

тексту недописанного письма, найденного на столе.

Глория Тодд заявила детективам, что также звонила из института, произошло это примерно в 16:40 и трубку никто не поднял.

Эти сообщения прекрасно соответствовали выводам судебно-медицинской экспертизы о времени наступления смерти.

Нельзя не сказать о том, что интимный друг убитой привлёк к себе внимание детективов на первом этапе расследования и, скажем прямо, дал к тому серьёзные основания. Прежде всего, Джон Гибсон заявил на допросе, что утром 5 декабря виделся с Софии, и та ему якобы сказала, что «боится Душителя». Это звучало недостоверно! После череды летних убийств газеты утратили интерес к «Фантому» и даже убийство Модесты Фримен, описанное в предыдущей главе, с ним не связывалось. Почему Софи Кларк должна была бояться Душителя, ведь тот убивал пожилых белых женщин, а она была молодой и притом мулаткой?! Детективы вполне обоснованно заподозрили со стороны молодого человека нечестную игру, тот, похоже, навёл тень на плетень...

Помимо того, наличие у Софи другого воздыхателя наводило на мысль о её неудовлетворённости отношениями с Гибсоном. Может быть, с ним было что-то не так? Быть может, он подозревал неверность Софи? Возможно, между молодыми людьми созрел конфликт, разрешившийся таким вот трагическим образом?

Подозрения могли завести полицию очень далеко и доставить молодому человеку массу неприятностей, но на его счастье 5 декабря он не прогуливал занятий, и потому его alibi удалось проверить очень быстро. Во второй половине дня Гибсона видели многие десятки людей, он постоянно общался как со сверстниками, так и преподавателями, а потому молодого человека правоохранительным органам пришлось исключить из числа

подозреваемых.

Имелись и ещё кое-какие немаловажные соображения, заслуживающие упоминания. Все три девушки — Софи Кларк, Одри Адамс и Глория Тодд — обучались в т.н. медицинской школе Карнеги. Это было учебное заведение, относившееся к целой сети одноименных учреждений по всей территории США, пользовавшихся не очень хорошей славой. Во время описываемых событий в отношении 3 школ — в штатах Вашингтон и Массачусетс, а также в столичном округе Колумбия — велись судебные тяжбы о приостановке их деятельности. Они имели проблемы с аккредитацией, которые нам сейчас неинтересны, речь немного о другом. Подбор преподавательского персонала в школах Карнеги оставлял желать лучшего, туда попадали очень странные персонажи. Достаточно сказать, что в отношении двух преподавателей бостонской школы в 1961 г и в 1962 г возбуждались полицейские расследования по подозрению в оскорблении общественной нравственности. Речь шла о том, что одного из преподавателей подозревали в вуайеризме, а другого — в эксгибиционизме.

Ещё одного преподавателя администрация школы уволила до того, как полиция успела завести на него дело. Этот человек имел обыкновение входить в женские уборные, подобные выходки тоже грозили ему судебным преследованием, но, как сказано выше, от этого человека избавились раньше.

Почему об этом сейчас ведётся речь?

В ходе расследования убийства Софи Кларк полиция быстро установила любопытный факт: Одри Адамс и Глория Тодд весной 1962 г стали объектом сексуального преследования. Они получали большое количество писем и телефонных звонков самого оскорбительного содержания, неизвестный грозил явиться к ним и изнасиловать каждую, а также изощряться в оскорблениях.

Этого человека, по-видимому, сильно оскорблял тот факт, что чернокожая Глория проживала в одной квартире и обучалась в одном учебном заведении с белой Одри. Незвестный допускал множество высказываний, которые можно объяснить только крайней расовой нетерпимостью. Помимо телефонных звонков и подбрасывания писем, имели место и иные свидетельства угрожающей деятельности: над дверью квартиры появилась надпись «ККК», сделанная красной краской, а брезентовый складной верх автомашины Одри ночью был кем-то изрезан. Полиция была поставлена в известность о происходившем, но помочь студенткам ничем не смогла. После того, как в окно квартиры влетел кирпич, девушки поняли, что нечего ждать от полиции защиты и действовать надо самостоятельно.

Именно тогда, в апреле 1962 г, они в глубокой тайне арендовали квартиру в доме №315 на Хантингтон-авеню и переехали максимально быстро. Одри и Глория жили вдвоём до сентября, именно в том месяце к ним присоединилась Софи Кларк.

Но Одри и Глория являлись отнюдь не единственными студентками медицинской школы, подвергшиеся преследованиям в 1961 — 1962 гг. Предыдущая соседка Одри Адамс (не Глория Тодд!) получила осенью 1961 г ряд писем с угрозами изнасилования. Девушка была вынуждена вернуться в родительский дом и выходить из него и перемещаться по городу исключительно в сопровождении родственников. Об этих угрозах было сообщено правоохранительным органам. В ноябре 1961 г другая студентка школы Карнеги стала получать телефонные звонки угрожающего содержания, с набором всё тех обещаний убить и изнасиловать... Девушка также была вынуждена сменить место жительства. Полиция помочь ей ничем не смогла.

Вся эта активность в отношении студенток медицин-

ской школы наводила на мысль о причастности к травле кого-то, кто имел отношение к учебному заведению. Это не обязательно могли быть преподаватели или студенты, подобного рода выходками мог заниматься кто-то из обслуживающего персонала, но в любом случае, этот человек с большой долей вероятности должен был быть связан с медицинской школой.

Интересным представлялось то, что убитая студентка никогда не подвергалась преследованиям и не говорила знакомым, что чего-то боится. Показания же Гибсона о том, что во время последней встречи Софи Кларк неожиданно заявила об опасениях, связанных с «Бостонским Душителем», как уже было отмечено выше, следствие сочло недостоверными. Это утверждение полностью противоречило тому, что удалось выяснить в ходе расследования.

Что оставалось в сухом остатке? Полиции надлежало разыскивать человека, отиравшегося 5 декабря в районе дома №315 по Хантингтон авеню в довольно узком интервале времени — примерно с 13 часов (т.е. момента появления Софи возле дома) до 16:40 (времени звонка Глории Тодд, на который Софи не ответила). Нельзя было исключать того, что убийцей стал кто-то, с кем девушки из квартиры 4-С вели прежде дружбу. Этот человек мог бывать в квартире ранее, а кроме того, в глазах окружающих он имел благовидный предлог для появления в доме. Именно поэтому расследование надлежало начинать с проверки всех молодых людей, знакомых жильцам дома №315. Натан Нелсон в этой работе мало чем мог помочь правоохранительным органам, поскольку отсутствовал на рабочем месте до 17 часов и преступника, скорее всего, не видел.

Опрос жителей подъезда принёс кое-какие любопытные результаты. Независимо друг от друга два человека сообщили о том, что видели на лестнице незнакомца, яв-

но не проживавшего в доме. Полученные описания выглядели довольно схожими — в обоих случаях речь шла о brunete или тёмном шатене без усов и бороды в коротком чёрном пальто, на голове которого была надета тёмная шляпа. Правда, свидетели сильно разошлись в оценке роста неизвестного мужчины, но это можно было объяснить тем, что один из них смотрел на незнакомца снизу вверх во время спуска по лестнице. Подобное расположение наблюдателя влияло на оценку пропорций и могло сильно исказить восприятие роста. В обоих случаях возраст неизвестного был определен в 35—40 лет, в целом он производил впечатление аккуратного и интеллигентного человека, так обычно выглядят разного рода сектантские проповедники. Было очевидно, что свидетели видели мужчину гораздо старше студенческого возраста.

Другое интересное сообщение сделала проживавшая на 2 этаже 25-летняя Марселла Люлька (Marcella Lulka). По её словам, около 14 часов в дверь её квартиры постучал энергичный мужчина 25—30 лет, заявивший, что он прислан домовладельцем для осмотра помещений на предмет необходимости ремонта. Марселла попыталась было остановить мужчину и объяснить ему, что ремонт не нужен, но не успела этого сделать — мужчина прошёл мимо неё вглубь квартиры, осматривая стены и потолок, а затем направился в ванную комнату. Двигался он быстро и деловито, у Марселлы сложилось впечатление, что неизвестный уже бывал в её квартире прежде. Выйдя из ванной, мужчина заявил, что там «потолок не очень» и что «краску надо подновить». После этого неожиданно сделал комплимент Марселле, сказав, что у неё отличная фигура, и не думает ли она о подработке в качестве модели? Переход от предстоящего ремонта в квартире к теме подработки смутил до некоторой степени женщину. Но ещё больше её обеспокоило то, что слова незнакомца мог услышать муж, работник железной доро-

ги, отсыпавшийся в спальне после ночной смены. Марселла приложила палец к губам и прошептала что-то вроде: «тише, тише, разбудите мужа!»

Слова эти возымели магическое действие. Незнакомец резво подался к двери и, выходя на лестничную клетку, едва не сбил 5-летнего сына Марселлы, стоявшего на его пути. Пробормотав невнятно, что доложит о необходимости ремонта домовладельцу, мужчина быстро ушёл вниз по лестнице. В дверь соседней квартиры он не стучал.

Разумеется, рассказ Марселлы Люльки чрезвычайно заинтересовал детективов. Женщину попросили описать незнакомца, и приметы, сообщенные ею, совершенно не совпали с приметами неизвестного в пальто. Заявившийся к Люльке мужчина был одет в короткую коричневую куртку с трикотажным поясом и широкие черные брюки из толстой хлопковой ткани, в руках он держал шапку с козырьком на меховой подкладке, стрижка короткая, волосы — «цвета мёда», без усов и бороды.

Если кто-то подумал, что после получения этой информации в расследовании наступил настоящий прорыв, то поспешим внести ясность — ничего не наступило! Оказалось, что управляющая компания на протяжении последнего месяца действительно несколько раз направляла в дом №315 по Хантингтон авеню представителей подрядной организации, которой предстояло заняться косметическим ремонтом. Когда полицейские явились к подрядчикам, оказалось, что всякий раз на осмотр объекта приходили разные мастера, осмотрев один раз квартиру, они более в неё не стучались. Так что не было ничего особо подозрительного в том, что мужчина с волосами «цвета мёда» после общения с Марселлой Люлькой не стал звонить её соседям — просто с жильцами этой квартиры ранее разговаривал другой представитель строительной компании.

Детективы честно отработали эту зацепку, разыскали всех, ходивших в дом №315 строителей, но мужчину в короткой куртке с волосами «цвета мёда» найти не смогли.

С большой вероятностью можно предположить, что это действительно был будущий убийца, рыскавший по подъезду в поисках потенциальной жертвы, но полной уверенности в этом нет. Всё-таки убийца Софи Кларк действовал совсем иначе — он не звонил в двери и не пытался задурить голову открывшей ему женщине!

Судебно-медицинская экспертиза в качестве причины смерти Софи Кларк определила механическую асфиксию, удушение последовало в результате затягивания на шее нейлонового чулка. Защитные повреждения на теле отсутствовали, а значит, жертва не боролась с преступником. Не оказалось и травм, появление которых можно было бы объяснить побоями — переломов костей, осаднений кожи, гематом и пр. Всё это выглядело так, словно убийца подошёл к девушке, набросил ей на шею чулок и спокойно затянул его — довольно необычная картина для случая душения, т.е. такого убийства, при котором жертва обычно активно сопротивляется, если только она заблаговременно не обездвижена.

Девушка не была изнасилована. Ни на её коже, ни на белье спермы не оказалось. Также не было выявлено анальной или вагинальной травмы, которую можно было бы связать с грубыми сексуальными манипуляциями преступника. Это выглядело до некоторой степени странно, поскольку сексуальный мотив нападения выглядел довольно очевидным.

Ещё более интригующим выглядело отсутствие каких-либо следов менструального кровотечения, хотя по присутствию рядом с трупом гигиенической прокладки и наличию на поясе для чулок крепления для неё, можно было решить, что у Софи Кларк должен был начаться цикл.

Детективы, разумеется, попросили судмедэксперта разъяснить все те детали, что были выявлены в ходе вскрытия. По мнению доктора Форда, побывавшего на месте убийства и знакомого с деталями расследования, в квартире 4-С произошло следующее. Софи Кларк вернулась домой в то самое время, когда вор-«домушник» успел проникнуть внутрь и находился в комнате Одри Адамс. Преступник затаился, дожидаясь момента, удачного для бегства, и заодно пытаясь понять, насколько опасна для него появившаяся девушка. Софи Кларк, не подозревая присутствие постороннего мужчины, принялась переодеваться, ведь ей предстояла встреча с Джоном Гибсоном и совместный поход на сеанс в кино. Она сняла брюки, в которых ходила на занятия в институт, и тонкие трикотажные штаны, которые использовала в зимнее время в качестве кальсон. На штанах она увидела следы менструальной крови и, набросив халат, отправилась принимать душ. После этого она вернулась в комнату и стала облачаться в вечернюю одежду — надела пояс для чулок, прикрепила к нему бандаж для гигиенической прокладки и саму прокладку, затем одела чулки. Она приготовила юбку, в которой планировала отправиться в кино, возможно, стала её одевать, но не одела, поскольку именно в этот момент притаившийся преступник перешёл к активным действиям.

Нападение на Софи началось с того, что неизвестный набросил на её шею чулок, позаимствованный в спальне Одри Адамс. По-видимому, фаза вербального запугивания отсутствовала, Софи не успела ничего понять и не смогла оказать сопротивление. Судебно-медицинская экспертиза однозначно доказала полную пассивность жертвы. Преступник сначала задушил Софи чулком, а уже потом взял её юбку и завязал на шее наподобие шарфа. «Украсил», так сказать, бесчувственное

тело. И уже после этого принялся раздевать девушку. Для него неприятным открытием явилось то обстоятельство, что у жертвы наступили «критические дни», вид гигиенической прокладки, видимо, вызвал прилив ярости нападавшего — тот сорвал прокладку с клипсы и грубо рванул бюстгальтер жертвы, разорвав его. Преступник, скорее всего, испытывал отвращение к виду крови, и для него секс с женщиной во время менструального кровотечения относился к категории жёстко табуированных действий¹.

¹ Насчёт готовности мужчин заниматься сексом с женщиной во время менструального кровотечения существует множество легенд и предрассудков, в т.ч. и среди женщин. Кто-то усматривает в подобном половом акте особую перверсию и склонность к жестокости, кто-то не усматривает ничего. Статистика свидетельствует, что одни сексуальные преступники с готовностью соглашаются на половой акт с менструирующей женщиной, другие же — испытывают к нему отвращение. Известно, например, что английский серийный убийца Фредерик Уэст изводил свою жену Розмари требованиями заниматься с ним сексом в «критические дни», то же самое известно об американском серийном убийце Гэри Риджуэе и некоторых других преступниках. Вместе с тем, описаны и прямо противоположные случаи, когда жестокие садисты и убийцы демонстрировали безразличность и полнейшее отвращение к такого рода сексуальной активности. Никакой системы в этом вопросе не существует. Но система существует в другом: давно подмечено, что насильники-душители имеют хорошую потенцию, а сексуальные убийцы, использующие нож, демонстрируют половую слабость. Иногда криминологи даже говорят, что такому убийце нож заменяет хорошую эрекцию. Данное наблюдение имеет ценное практическое свойство, выражающееся в том, что тот сексуальный убийца, кто душит — не использует нож, а тот, кто режет — не душит. Если в одном преступном эпизоде присутствуют следы душения и ножевые раны, то, скорее всего, преступник действовал либо в состоянии сильно-

Первоначальное сексуальное возбуждение преступника сменилось раздражением и апатией. Он моментально потерял интерес к жертве, и ему потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки. Именно тогда он вышел в уборную и выкурил там сигарету, после чего осмотрел комнату Софи Кларк, но проделал это формально и невнимательно.

Видимо, он был сильно расстроен тем, что нападение его не достигло цели, и ему не удалось осуществить половой акт с жертвой. В скором времени после убийства, буквально через 15—20 минут, неизвестный покинул квартиру, так толком ничего и не похитив.

Реконструкцию, предложенную доктором Фордом, следовало считать довольно точной, во всяком случае, она хорошо объясняла все известные к тому времени детали. Однако, нарисованная доктором последовательность заставляла предполагать, что напавший на женщину преступник являлся некрофилом, ведь умерщвление Софи Кларк последовало до её раздевания! Некрофилия является столь специфической перверсией, что полностью скрыть её от окружающих мало кому удаётся. Довольно часто лица этой категории попадают в лечебницы психиатрического профиля, поскольку это отклонение комбинируется с иными элементами девиантного поведения и разного рода расстройствами личности. Поэтому предположение доктора Форда давало полицейским ценный ориентирующий признак: искать надо некрофила, возможно, имеющего за плечами определенную историю расстройств психиатрического профиля.

го наркотического или алкогольного опьянения, либо... преступников было больше одного. К стати, справедливость данного наблюдения прекрасно иллюстрирует та самая серия преступлений, которой посвящена эта книга.

Итак, что же имели детективы Отдела расследования убийств BPD, что называется, в «сухом остатке»?

Они обоснованно считали, что убийство Софи Кларк начиналось как тривиальная квартирная кража, которая превратилась в тяжкое преступление лишь по причине неблагоприятного стечения обстоятельств. Преступник проник в пустую квартиру, намереваясь похитить ценности и деньги, но внезапно явилась молодая симпатичная девушка, и планы злоумышленника изменились. Этот человек имел, судя по всему, некоторый криминальный опыт, вполне возможно, что он даже был судим за кражи из домов ранее, во всяком случае, с замками во входной двери он справился вполне профессионально. Кроме того, он продемонстрировал склонность к некрофилии и, учитывая его возраст, вряд ли это произошло с ним впервые. Таким образом, полиции надлежало искать вора-«домушника» 25—35 лет или даже старше, белой расы, возможно, судимого ранее, а также имеющего болезнь или расстройство психиатрического профиля. Этот человек демонстрировал некрофильские тенденции, которые вряд ли мог полностью скрыть от жены или иного постоянного полового партнёра.

Как видим, получался довольно неплохой набор поисковых признаков, способных хорошо помочь в опознании нужного человека из числа подозреваемых.

Можно ли было считать убийство Софи Кларк продолжением серии летних убийств пожилых женщин? В общем-то, нет... Различий имелось очень много. Прежде всего, бросались в глаза явные несоответствия расы и возраста жертв: летом 1962 г. были убиты пожилые белые женщины, а 5 декабря — совсем молодая девушка, родившаяся в смешанном браке. Другое серьёзное различие крылось в несовпадении способов проникновения убийцы в жилище жертв. Все женщины, убитые летом, находились в собственных квартирах и добро-

вольно впускали убийцу, в то время как в последнем случае преступник проник в пустое жильё, используя отмычки. Наконец, некоторым из жертв летних нападений убийца придавал непристойные позы, призванные шокировать тех, кто обнаружит тело. В случае же с Софи Кларк этого не произошло. Нельзя не отметить и того, что жертвам летних нападений причинялись анально-вагинальные травмы в т.ч. и путём использования инородных предметов, между тем, в декабре ничего подобного не было отмечено. Перечень этот можно продолжать, но даже изложенного выше достаточно, чтобы понять — никакой явной связи между преступлениями летом и в декабре 1962 г. не просматривалось.

Да, имелось, конечно, и кое-что общее, например, душение посредством затягивания чулка и повязывание поверх него другого предмета одежды. Преступник, убивавший летом пожилых женщин, также использовал в качестве орудия убийства чулок, поверх которого мог повязать другой чулок или бюстгалтер, но насколько такое совпадение можно было считать свидетельством «персонального почерка»? Иногда совпадения могут быть всего лишь совпадениями. Быть может, убийца Софи Кларк воспользовался чулком вынужденно, просто потому, что ничего более подходящего не увидел? Был бы в комнате Одри Адамс ремень, он бы взял ремень, но... в тумбочке Одри ремня не оказалось!

Поэтому логику подчинённых лейтенанта Джона Донована можно понять и разделить — они считали, что летние убийства никак не связаны с нападением на Софи Кларк. Так они доложили своему шефу, а тот — своему (т. е. Эдмунду МакНамаре).

Полиция Бостона не верила в существование «Фантома» до 5 декабря 1962 г. И не поверила в него после.

30 декабря 1962 г. Убийство Патрисии Биссетт

Последний день 1962 г. приходился на понедельник, и Бостон, как, впрочем, и вся Северная Америка, в этот день работал. Главным семейным праздником считалось католическое Рождество, отмечавшееся за неделю до Нового года, поэтому последний отмечался в «фоновом», так сказать, режиме. Патрисия Биссетт, 23-летняя секретарша исполнительного директора крупной бостонской компании «Engineering Systems Incorporated», должна была в 07:50 выйти из подъезда и сесть в автомашину шефа. С последним она состояла в интимных отношениях уже 4 месяца, и одним из приятных бонусов этой не очень обременительной связи являлась возможность приезжать на работу вместе с ним в его шикарной автомашине. Другим бонусом, не менее приятным, но куда более выгодным в материальном отношении являлась возможность бесплатно жить в апартаментах фирмы. Формально это жильё предназначалось для размещения иногородних гостей компании, но директор разрешил Патрисии занять просторную 3-комнатную квартиру в доме №515 по Парк-драйв (Park Drive), в районе Лонгвуд на западе Бостона.

Упомянутый директор, кстати, являлся семейным человеком, отцом двух детей, а потому его имя и фамилию, как и истинную роль во всей этой истории, правоохранительные органы постарались максимально заретушировать. Это важная деталь, о которой надлежит предупредить заблаговременно.

Накануне днём — 30 декабря, в воскресенье — директор уже встречался с Патрисией. Мужчина приехал после

полудня, улизнув из дома под благовидным предлогом, некоторое время он позанимался с любовницей сексом и покинул её около 14 часов. Они договорились, что следующим утром он как обычно подвезёт её на работу на своей автомашине.

В 07:50 мужчина был у подъезда. Патрисия не вышла... Продав её некоторое время, мужчина стал нервничать — он имел на утро большие планы и не должен был опаздывать. За несколько минут до 8 часов он выскочил из машины и поднялся к квартире... позвонил в звонок... постучал кулаком... дёрнул дверную ручку. Дверь не открывалась. Если кто и был в квартире, то он ни единым звуком не отозвался.

Поскольку разбираться со всеми этими странностями не было времени, мужчина ещё раз лихорадочно позвонил, постучал, покрутил ручку, да и сбежал вниз. Он был чрезвычайно раздражён из-за упущенных минут, хотя не особенно встревожился. Официально считалось, что Патрисия вместе с подругой снимала квартиру в городке Лоуренс в 30 км севернее Бостона, и она вполне могла накануне отправиться туда, а предупредить об отъезде не смогла, поскольку в целях конспирации ей было запрещено звонить по домашнему телефону любовника.

В общем-то, обижаться было не на что, ситуация при адюльтере типичная.

Прошёл час, другой... Директор из офиса несколько раз позвонил в квартиру, занятую Патрисией, а также по домашнему телефону её родителей. От них он услышал, что Пэтси накануне не приезжала... Телефонную трубку в квартире в доме №515 никто не поднимал. При этом сама Патрисия Биссетт не объявлялась, что следовало признать очень странным — это была очень дисциплинированная и организованная женщина. Забыть явиться на работу она никак не могла!

К 11 часам утра стало ясно, что ситуация совершенно

ненормальна, требовалось что-то предпринять, но непонятно было, что именно! Ключей от квартиры директор не имел — он великодушно отдал все три комплекта Патрисии, о чём сильно пожалел 31 декабря. И что надлежало теперь предпринять: подождать? или ломать дверь в квартиру? или вызывать полицию? А на каком, собственно, основании?

Скрепя сердце, шеф бросил офис и отправился к дому №515 по Парк-драйв, там отыскал привратника и как мог объяснил ситуацию, мол, в квартире оставлены документы, ключей нет, что можно сделать? Привратника он, конечно же, не обманул — тот прекрасно знал, что в квартире на 2-м этаже уже несколько месяцев проживает симпатичная кареглазая брюнетка, но и отказать почтенному джентльмену не мог, поскольку тот оплачивал квартиру. И неделей ранее поздравил его самого с Рождеством, вручив бутылку виски. Привратник подумал и принял соломоново решение, заявив, что у него имеется большая 15-футовая лестница, и стамеску он тоже найдёт, но вот в чужую квартиру ни за что не полезет.

Директору пришлось ознакомиться со спецификой работы квартирному вору лично. Ремесло оказалось непростым: по лестнице он поднялся к окну 2-го этажа, но вот раму при помощи стамески отжать не смог. Пришлось разбивать стекло и открывать стопор оконной рамы изнутри. Справившись в конце концов с рамой и подняв её вверх, почтенный руководитель крупной фирмы протолкнул себя внутрь. Осмотрев квартиру, он сделал пугающее, хотя и ожидаемое к тому времени, открытие — Патрисия Биссетт лежала в своей кровати в спальне без признаков жизни.

Тело было полностью скрыто одеялом, хотя руки лежали расслабленно поверх него, лоб на ощупь казался неестественно холодным, рот был широко открыт и закрыть его не получалось... мужчина понял, что его лю-

бовница мертва, и притом уже много часов. Он в ужасе выбежал из квартиры, дабы вызвать полицию.

Прибывший патруль догадался приподнять одеяло, и увиденное сразу подсказало причину смерти. На шее Патрисии оказался намотан ворох какого-то тряпья, впоследствии выяснилось, что это были белая блузка, чулок телесного цвета и два черных чулка, скрученных между собою в одну верёвку — всё это повязывалось по отдельности с узлами спереди. Так что всякие сомнения моментально отпали — отделу расследования убийств привалила работёнка!

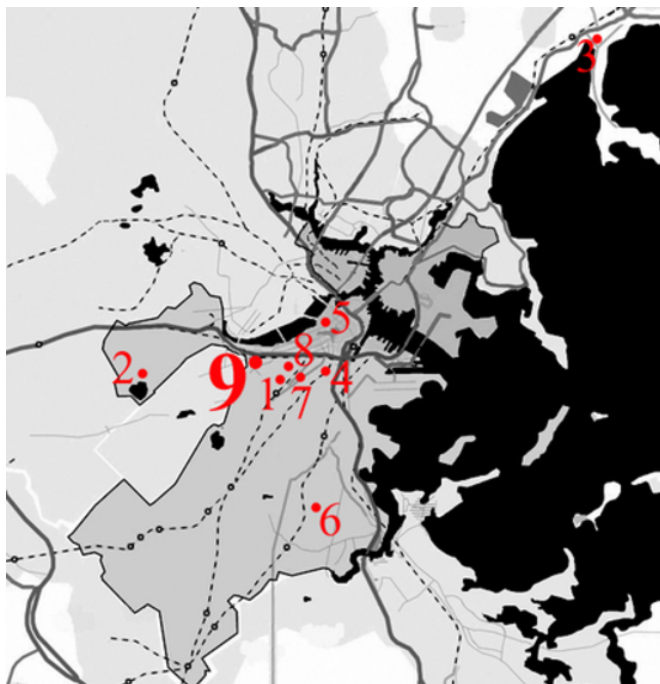
Первое, что бросалось в глаза при оценке места совершения преступления — очевидная аккуратность преступника. Следы борьбы отсутствовали, как, впрочем, и признаки обыска. Если убийца и осматривал квартиру, то проделал он это неторопливо и по-хозяйски: дверцы закрывал, взятые в руки предметы возвращал на место. Конечно, кое-что выдавало всё-таки действия чужака: содержимое сумочки, высыпанное в кресло, мелкие предметы на тумбочке, поваленные неловкой рукой и т.п., но этот беспорядок не выглядел чрезмерным, и уж точно его нельзя было назвать вандализмом.

В гостиной стояла украшенная ёлка, постель, в которой покоилось тело, была застелена чистым бельём, квартира в целом выглядела ухоженной и опрятной. Изучение замков и запоров криминалистами показало, что взлому они не подвергались.

Убитая была одета в пижамную рубашку, раскрашенную под шкуру леопарда. Штаны от пижамного комплекта оказались переброшены через спинку стула, стоявшего возле кровати. На трупе остался бюстгальтер, кроме него и пижамной рубашки другой одежды не было.

При осмотре тела на месте преступления стало ясно, что следы побоев и борьбы на трупе отсутствовали, их впоследствии не смогла обнаружить и тщательная судеб-

но-медицинская экспертиза. Стало быть, потерпевшая не сопротивлялась — это был очень важный для правильного понимания случившегося вывод.

Карта Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения в 1962 г, которые связывались средствами массовой информации с таинственным «Фантомом». Эпизоды пронумерованы в хронологическом порядке. Цифра 9 обозначает местоположение дома №515 по улице Парк-драйв, в котором 30 декабря 1962 г была задушена Патрисия Биссетт. Можно видеть, что точки 1, 7, 8, 9 расположены очень компактно. До места предшествующего убийства менее 2 км, до места проживания первой жертвы, Анны Слесерс, также. Все эти объек-

ты расположены в пешеходной доступности, чтобы обойти эти адреса даже велосипед не нужен. Это очень любопытная деталь для страны с поголовной автомобилизацией населения и слабо развитым общественным транспортом.

Другой вывод касался расположения тела. Понятно было, что именно убийца придал упорядоченность сцене в спальне — он аккуратно уложил тело на спину, подоткнул одеяло под самый подбородок, уложил руки поверх одеяла, привёл в порядок причёску, которая никак не могла не растрепаться во время агонии. Детективы, криминологи и психиатры прекрасно понимают, что означает подобная поведенческая модель — преступник раскаивается в содеянном и демонстрирует почтительное отношение к убитому человеку. Так обычно поступают либо близкие жертвы, либо малоопытные убийцы, находящиеся в начале своего криминального становления. Скорее первое, чем второе... Очень часто убийцы, заботливо уложившие и «украсившие» тело убитого ими человека, не выдерживают мук совести и обращаются к правоохранительным органам с чистосердечным признанием вины, причём в их случае можно верить искренности их раскаяния.

Один из детективов, наблюдавший за тем, как судмедэксперт Майкл Луонго осматривал тело Патрисии Биссетт в кровати, не выдержал и пошутил, высказавшись в том духе, что тот напрасно теряет время, дескать, убийца уже сидит в полицейском участке и даёт признательные показания. Логику детектива можно понять — она базируется на профессиональном опыте, хотя в данном случае офицер ошибся.

Судебно-медицинская экспертиза показала, что смерть Патрисии последовала 30 декабря в интервале

времени с 15 до 21 часа. Причиной смерти явилась механическая асфиксия, Патрисия была задушена петлёй, по расположению и характеру следа которой можно было сделать вывод, что убийца располагался лицом к лицу с жертвой. Патрисию не избивали и не связывали. На момент смерти она была трезва, препаратов, влияющих на активность, например, наркотических веществ или транквилизаторов в крови не оказалось. Это означало, что Патрисия до самой смерти оставалась в сознании и не оказывала сопротивления. Означала ли эта пассивность то, что она доверяла своему убийце, и его нападение явилось для неё полной неожиданностью? Или же странная пассивность явилась следствием испуга женщины, парализовавшего волю? В этом следствию обязательно требовалось разобраться.

Тело Патрисии Биссет выносят из дома, явившегося местом совершения преступления.

Доктор Луонго указал в своём акте на наличие следов сексуальной активности, имевшей место незадолго до смерти Патрисии Биссетт. По мнению эксперта, убитая женщина имела половой акт, как в традиционной форме, так и анальный, хотя следов спермы ни на теле, ни в полостях выявить не удалось. Это могло свидетельствовать об использовании мужчиной презерватива.

Самым большим открытием судебно-медицинской экспертизы явилось установление факта беременности Патрисии Биссетт. Срок беременности составлял 4—5 недель, его незначительность не позволяла классифицировать преступление как двойное убийство¹. Но сам по себе факт беременности убитой являлся для следствия исключительно ценным обстоятельством, поскольку нежелательная беременность — это серьёзный мотив для расправы. Роман Теодора Драйзера «Американская трагедия» как раз о такой вот жизненной ситуации.

Патрисия Джейн Биссетт родилась 27 февраля 1940 г., так что на момент смерти ей шёл 23-й год. Она была родом из небольшого городка Брендон в штате Вермонт, несмотря на довольно молодой возраст, успела уже пожить в Нью-Йорке и переехала в Бостон. Город ей поначалу не очень понравился, но после того, как возникла интрижка на работе, её оценки окружающего поменялись. Ещё бы, она зажила комфортно и красиво,

¹ Гибель плода на ранних сроках вынашивания — это обычно не более 12—16 недель — в большинстве правовых систем мира не считается убийством. По этой причине не признаётся убийством аборт. Следует отметить, что порог минимального возраста плода не являлся раньше и не является ныне повсеместно признанной величиной, он менялся в разное время в разных странах в зависимости от политической ситуации, религиозных представлений общества и пр. соображений.

при этом не особенно напрягаясь... Ну, а то, что роман закрутила с семейным мужчиной — так это для многих молодых секретарш пустяк! Сегодня он с одной женой, а завтра со мною — вот логика многих молодых и привлекательных дамочек такого сорта. Знакомо, не правда ли? Вот только этот красивый, хотя и весьма циничный жизненный план затрещал по швам после того, как респектабельный любовник, узнав о беременности предприимчивой секретарши, отказался разводиться с женой и потребовал сделать аборт. Патрисия вполне могла отказаться, ибо рожденный от богатого мужчины ребёнок — это отличный рычаг для психологического давления и шантажа, благодаря такому ребёнку можно будет всю жизнь прожить безбедно и не работая!

Так что беременность Патрисии являлась отличным поводом для конфликта с любовником и последующей расправы.

Другим серьёзным доводом в пользу виновности любовника являлись обстоятельства обнаружения тела. Если эту книгу читают следователи, криминологи или люди, хорошо знакомые с криминальной психологией, то они сразу поймут, что имеет в виду автор. Если убийца имел крепкую психологическую связь с жертвой, его будет очень беспокоить, когда именно и при каких обстоятельствах будет обнаружено тело, а также детали того, что последует сразу после этого. Убийца будет волноваться из-за того, как поведут себя с трупом посторонние люди, не станут ли они смеяться, не похитят ли они личные вещи жертвы, не обворуют ли жильё, не окажется ли среди них некрофил и т. п.

Патрисия Биссетт.

Речь идёт о совершенно неуправляемых нервных импульсах, убийца сам не свой и не находит себе места. Будучи не в силах выносить эту психологическую пытку, убийца начинает принимать меры, призванные ускорить обнаружение тела, и зачастую сам начинает поиски жертвы. Например, преступник начинает обзванивать знакомых убитого и расспрашивать о том, когда они в последний раз видели или слышали жертву и т. п. Нередко именно преступник начинает организовывать поиски и находится в их эпицентре. И очень часто труп находит либо сам убийца, либо кто-то, кого он попросил искать пропавшего в указанном месте.

Ещё раз подчеркнём, что написанное выше относится к случаям убийств, при которых жертва и убийца имели крепкую психологическую связь при жизни. В большинстве случаев умышленных убийств при отсутствии психологической связи между жертвой и убийцей первая

окажется для последнего всего лишь не представляющим интереса мусором.¹

В контексте всего, сказанного выше, нельзя не признать подозрительности поведения любовника Патрисии Биссетт. Именно он поднял тревогу по причине её отсутствия на рабочем месте, именно он обнаружил тело и, судя по всему, именно он являлся отцом ребёнка, которого носила убитая.

Подозрения в отношении этого человека ещё более окрепли после того, как в ходе допроса он признал встречу с Патрисией днём 30 декабря. По его словам, в тот день он провёл в обществе Пэтси чуть более 2 часов и покинул квартиру примерно в 14:15, т.е. буквально накануне убийства. Мог ли любовник немного задержаться? Или вернуться чуть позднее, чтобы расправиться со ставшей обременительной любовницей?

Мужчина отрицал свою осведомленность о беременности Патрисии, а также доказывал, что не имел возможности вернуться в квартиру в доме №515 вечером 30 декабря. По его словам, он имел *alibi*, которое могли подтвердить независимо друг от друга несколько человек. После возвращения домой он вместе с супругой отправился в гости, где провёл примерно 4 часа.

¹ Любопытным представляется, опираясь на данное наблюдение, проанализировать обстоятельства некоторых широко известных преступлений. Например, из рассмотрения деталей поведения Дмитрия Лошагина, обвиненного в убийстве жены Юлии Прокопьевой и осужденного за это российским судом, можно сделать вывод, что тот действительно ничего не знал об убийстве супруги вплоть до момента ареста. А вот поведение членов семьи Джон Беннет Рэмси, 6-летней американской девочки, похищенной и найденной убитой в родном доме, убеждает в том, что родители девочки были хорошо осведомлены о её судьбе ещё до момента обнаружения тела.

Одна из многих газетных заметок, посвященных убийству Патрисии Биссет. В начале 1963 г об этом преступлении писали все местные газеты и трубили все радиостанции.

Всё время в интервале с 15 до 21 часа он находился в обществе различных людей и не имел возможности отлучиться надолго.

Сложно сказать, как бы события стали развиваться дальше, но следствие получило серьёзное доказательство правдивости его слов. Был найден свидетель, некий Кристиан ван Олст (Christian van Olst), проживавший в соседнем доме №509, который заявил, что видел Патрисию Биссетт в 15:30 30 декабря. По его словам, молодая женщина пришла в прачечную, расположенную в цокольном этаже дома №509 с сумкой грязного белья. Патрисия была лучезарна и напевала какую-то песенку. В том, что это была она, свидетель не сомневался, поскольку неоднократно сталкивался с нею прежде. По словам Кристиана, спустя час, т.е. в 16:30, он вновь спустился в прачечную и обратил внимание, что машина, стиравшая бельё Пат-

рисии, пуста. Если считать, что один цикл обычной стирки занимает около 40 минут, и до его окончания бельё вытащить из машины невозможно, то получалось, что примерно в 16:00—16:15 Патрисия была всё ещё жива. Этот расчёт отлично соответствовал результатам судмедэкспертизы.

Стираное бельё было найдено в квартире Патрисии сложенным, но не выглаженным. Кроме того, убитая была найдена не в верхней одежде, а в пижаме. Принимая во внимание, что на манипуляции с бельём, принесённым из прачечной, и переодевание Патрисии следовало затратить некоторое время, время начала нападения следовало отнести к 16:30 или даже чуть позже. В это время её любовник находился в гостях в обществе жены и ещё 6 человек, где и оставался до 20 часов с минутами.

По всему получалось, что Патрисию он убить не мог.

Узнав это, полицейские, должно быть, заскрипели зубами! Ещё бы, в лице женатого любовника они теряли отличного подозреваемого!

С чем же оставалось следствие после того, как отводился самый перспективный подозреваемый? Имелись ли у детективов основания связывать убийство Патрисии Биссетт с летними преступлениями в отношении пожилых женщин и случаями убийств Модесты Фримен и Софи Кларк? Следует признать, что оснований для этого не существовало: летом погибали женщины, которые годились Патрисии Биссетт в матери и даже бабушки, последние же две жертвы являлись чернокожими. Модеста Фримен была жестоко избита, да так, что оказались выбиты зубы, нос и нижняя челюсть, а в отношении Софи Кларк и Патрисии Биссетт насилие было минимально.

Единственный значимый поведенческий признак, который действительно объединял некоторые убийства (не все!) — это использование убийцей в качестве гарро-

ты нескольких предметов. То есть в некоторые случаях преступник поверх чулка, которым осуществлял душевание, повязывал другой предмет женского туалета — второй чулок, бюстгальтер, юбку... Манера интересная, конечно, не то чтобы типичная. Но насколько уникальной она является? Могут ли разные преступники независимо друг от друга прийти к мысли действовать таким вот образом?

От ответа на данный вопрос в значительной степени зависел результат проводимых исследований.

8 января 1963 г. Защита МакНамары

Новый 1963 год начался в Бостоне нервно. И поспособствовали этому местные журналисты.

Убийства Модесты Фримен в октябре и Софи Кларк в начале декабря предшествующего года хотя и были отмечены прессой, но никакого ажиотажа не вызвали. Это были чернокожие женщины, и белое большинство Мас-сачусетса к сообщениям об их гибели отнеслось индиф-ферентно. Но вот с Патрисией Бисетт ситуация была принципиально иной — эта девушка была белой и при-том во всех отношениях положительной: не бродяжка, не алкоголичка, не проститутка.

В этой связи важно пояснить, что Бостон начала 1960-х гг. — это город с большой германо-ирландской диаспорой и выраженными католическими пристрастия-ми. Католическая религиозность довольно любопытна в том отношении, что общественная мораль грех допус-кает, вот только его не следует выставлять напоказ и по-том надо обязательно каяться. Может показаться удиви-тельным, но в Бостоне того времени невозможно было купить порнографию. То есть имелись во множестве про-ститутки, существовали места, где с ними можно было свести короткое знакомство, но вот магазинов, в которых свободно продавалась бы порнография, не существова-ло. И дело тут даже не в нарушении закона — тотализато-ры тоже были незаконны, но существовали во множе-стве! — а в нетерпимой реакции чопорного общества. Чтобы раздобыть фотоснимки или книги фривольного содержания, надо было выехать в Кембридж, город-спут-ник Бостона, в котором располагался известный универ-

ситет. В Кебридже с порнографией было попроще, чем в Бостоне, там она тоже была формально запрещена, но продавалась в больших количествах, и места её распространения были хорошо известны любителям такого сорта продукции.

Поэтому убийство чернокожих женщины, находившихся на периферии общества, воспринималось жителями Бостона без особых эмоций. Массовое сознание относилось к ним как представителям маргинализированной прослойки, считая их по умолчанию либо проститутками, либо алкоголичками, либо просто разведенными малопочтенными женщинами, ведущими неподобающий образ жизни. Другое дело милая, красивая, обаятельная Патрисия Биссетт! Правда, последняя тоже вела весьма неподобающий образ жизни, но об этом полиция никому не сообщала, история сексуальной связи предприимчивой белой секретарши с замужним боссом долгие годы оставалась в зоне тотального умолчания.

Неудивительно поэтому, что в первые дни нового 1963 г. бостонская пресса стала закипать.

Ситуация ещё более осложнилась после того, как вечером 5 января стало известно о новой жертве таинственного душителя. Теперь была задушена привлекательная и очень юная Даниела Мария Сондерс (Daniela Maria Saunders). Чернокожая 16-летняя школьница проживала в доме №17 по Элм-Хилл парк (17 Elm Hill park) в том самом районе Роксбари, что упоминался уже на страницах этой книги.

Одежда её была в беспорядке, на шее были хорошо различимы следы ногтей и пальцев, кроме того, для душения девушки был использован её шарф. Девушка отчаянно сопротивлялась, на что указывали обломанные ногти на её руках.

Даниела Сондерс была отнесена к жертвам «Фантома» по умолчанию. То, что обстоятельства убийства девушки сильно отличались от отмеченных в других эпизодах деталей, да и сама жертва не походила на потерпевших в других случаях женщин, журналистов ничуть не смутило. Они ничего не понимали в криминалистической аналитике и мыслили шаблонно — что ж, это хорошо узнаваемо и по сегодняшним реалиям!

На этот раз афроамериканская община отреагировала очень резко. Видимо, в цветном сообществе уже появился некоторый градус раздражения, логику которого можно свести к следующей формуле: «когда убивают чёрных, властям всё равно, но вот если убьют белую, то непременно поднимется истерика». Нельзя не согласиться, что определенная доля правды в такой оценке и впрямь существовала: бостонская пресса действительно была предвзята и реагировала на убийства белых куда острее, чем цветных. Вместе с тем, нельзя не отметить того, что убийство Даниелы Сондерс вряд ли могло

явиться делом рук таинственного «Фантома». Даже в тех нескольких строчках, что посвящены ему выше, несложно отметить радикальное несоответствие поведения убийцы Сондерс тем деталям, что видели мы в предыдущих преступлениях. Прежде всего, речь идёт об очень юном возрасте жертвы, которая оказалась намного моложе всех, задушенных ранее девушек и женщин.

Отто Сноуден, один из лидеров чернокожей общины Бостона, эмоционально и пафосно рассказывает явившимся на митинг активистам движения за равные гражданские права о безразличии городских властей к судьбам цветных горожан. Фотография сделана 7 февраля 1963 г.

Во-вторых, Сондерс была убита на улице, в то время как «Фантом» нападал в жилых помещениях (Напомним, что Модеста Фримен, чьё тело также было найдено на улице, жертвой «Фантома» — Душителя в то время не считалась!). Наконец, наличие защитных ран также указывало на нападение человека сравнительно неопытного и слабосильного. Ни одна из тех жертв, что пресса приписывала «Фантому», защитных повреждений не имела.

Но эти детали никого из обывателей не интересовали. Да строго говоря, они в тот момент ещё и не были известны.

6 и 7 января 1963 г. прошли митинги, устроенные лидерами афроамериканской общины Эдвардом Бруком (Edward Brook), Фрэнсисом Лалли (Francis Joseph Lally), супругами Отто и Мюриэл Сноуденами (Otto Phillip Snowden, Muriel Sutherland Snowden). Последние ещё в 1949 г. создали и с тех пор возглавляли бостонский «Фридом хаус», афроамериканскую организацию, ставившую перед собой задачу социализации цветных в американском обществе. Отто Сноуден, являвшийся ветераном Второй Мировой войны, был очень популярен среди всех слоёв в Роксбери, достаточно сказать, что в 1950-гг. он совместно с еврейской общиной умудрился создать общество по дошкольному воспитанию еврейских и негритянских детишек, что следовало признать беспримерной для Америки тех лет инициативой¹.

¹ * Автор не может пройти мимо любопытной детали, подмеченной во время сбора материала по данной теме. Лидеры бостонского движения «Фридом Хаус» оказались удивительными долгожителями. Эдвард Брук прожил 96 лет, Френсис Джозеф Лалли — 100 лет, а Мюриэл Сноуден — 102, причём на момент написания этой книги Лалли и Сноуден оставались живы. На их фоне Отто Сноуден, проживший

На упомянутых митингах открыто прозвучали утверждения о существовании в Бостоне убийцы-душителя, ведущего охоту на женщин. При этом городские власти обвинялись в бездействии, замалчивании проблемы и безразличии к безопасности цветного населения. Дескать, «белая» пресса бьёт в набат, когда убивают белых, но остаётся совершенно равнодушна в тех случаях, когда гибнут цветные.

Упомянутые митинги не могли не привлечь внимания городской администрации. Дело грозило массовыми протестами и всеми связанными с ними последствиями. Паника, охватившая город в начале осени минувшего года, грозила вернуться и на этот раз воцариться надолго. При этом аккомпанементом ей могли стать беспорядки на почве застарелых расовых конфликтов.

От властей требовалось сделать что-то, что успокоило бы горожан. Что можно было придумать? Самое очевидное и, наверное, разумное — дать слово главному полицейскому, чтобы тот развеял страхи и рассказал о неопровержимой победе сил охраны правопорядка над таинственным злом.

8 января Эдмунд МакНамара собрал большую пресс-конференцию, во время которой рассказал о ходе расследования убийств, приписываемых «Фантому». Рассказ получился ярким и даже, можно сказать, эмоциональным. Прежде всего, шеф полиции Бостона подчеркнул, что нет оснований считать убийства женщин, совершенные посредством удушения за период с лета 1962 г., свя-

81 год, кажется умершим безвременно рано. Чем объяснить столь необычное долголетие небольшой группы людей, проживавших компактно на небольшой территории и всю жизнь участвовавших в разного рода расовых конфликтах автор, право же, не знает!

занными между собой, и уточнил, что эти преступления расследуются отдельно.

Фотография митинга черной общины Бостона, проведенного вечером 6 февраля 1963 г для демонстрации озабоченности цветного населения пассивностью властей в борьбе с разгулом преступности против небелых жителей города.

Затем он привёл кое-какие цифры, призванные проиллюстрировать то напряжение, с которым ведётся работа по раскрытию упомянутых преступлений. Так, по словам Эдмунда МакНамары, общее число подозреваемых, проверенных в ходе расследований, превысило 400 человек, для каждого из них устанавливалось и дотошно изучалось *alibi* на время совершения каждого убийства. По-

мимо этого, поголовной проверке подверглись все лица, состоявшие на учёте в Центре лечения сексуально опасных лиц (Center for the of sexually dangerous persons) в городе Бриджуотер.¹ Детективы проверили на возможную причастность к убийствам лиц, осужденных ранее за преступления на сексуальной почве. Таковых в Массачусетсе в то время насчитывалось около 5 тыс. человек. Говоря о колоссальной работе по изобличению преступников, проводимой органами власти, шеф полиции сообщил о согласовании выделения бюджетных денег на выплату премии тому, кто сообщит информацию, способную привести к разоблачению преступника. Речь шла о 5 тыс.\$, которые планировалось выплатить из государственной казны.²

¹ * В то время в Бриджуотере находился комплекс учреждений, связанных с принудительным содержанием, обследованием и лечением лиц, демонстрирующих отклонения психиатрического характера. Таких учреждений было четыре, а именно: Больница штата для душевнобольных преступников, Центр лечения сексуально опасных лиц, Центр лечения алкоголиков и тюрьма с режимом содержания минимальной строгости. В последующие годы режим содержания в тюрьме был ужесточён до среднего. Все 4 учреждения находились тогда и находятся ныне в подчинении Департамента коррекции штата Массачусетс и иногда обозначаются общим названием «Больница штата в Бриджуотере». Помимо лечения лиц, признанных больными, в Бриджуотере проводятся психолого-психиатрические экспертизы обвиняемых и осужденных с неопределённым статусом

² * В те годы 1 г казначейского золота, т.е. чистотой «пять девяток», стоил 1,13\$, а на момент написания этих строк — около 41,6\$, т.о. читатель может самостоятельно сделать вывод о материальном выражении величины вознаграждения в современной шкале цен. В дальнейшем величина вознаграждения не раз будет пересматриваться в сторону увеличения, о чём в своём месте будет ещё сказано.

Продолжая свой рассказ о невидимой миру работе детективов, Эдмунд МакНамара сказал то, чего, наверное, в другой обстановке ни за какие коврижки не сообщил бы прессе. Он заявил, что правоохранительные органы располагают частичным отпечатком каблука, пальцев и ладони, которые, по-видимому, связаны с преступником. Эти улики были выявлены при обследовании места убийства Иды Ирги. МакНамара сообщил, что с целью поиска соответствия было проведено сравнение отпечатка руки с более чем 500 тыс. отпечатков, имеющимися в распоряжении правоохранительных органов штата Массачусетс. За миновавшие со времени совершения преступления 4,5 месяца соответствий не выявлено, но работа эта, по уверению МакНамары, прекращена не будет. Шеф бостонской полиции бодро заверил присутствовавших, что возглавляемое им полицейское управление является по численности восьмым среди городских управлений США, и такая крупная организация не допустит торжества криминала.

Сказанное прозвучало оптимистично. Пресс-конференция Эдмунда МакНамары попала в репортажи ТВ и на страницы газет, став главной новостью дня.

Вожди местного негритянского движения в тот же день — точнее, вечер — прислали МакНамаре приглашение принять участие в запланированном на следующий день митинге в Роксбари. Это мероприятие действительно состоялось и собрало более 500 человек, но шеф полиции там благоразумно не появился. В конце концов, он не клоун и не фигляр с театральных подмостков, чтобы талдычить одно и то же по много раз. Официальное заявление было сделано, кому интересно — читайте!

Афроамериканцы очень обиделись на невнимание главного городского полицейского к их мероприятию и игнорирование переданного ему приглашения. Сейчас, наверное, ни один начальник полицейского депар-

тамента на территории США не посмел бы быть столь нетолерантным и неучитывым в отношении цветного меньшинства. Но во времена оны Америка была другой, и её полицейские — тоже.

Кстати, чтобы закончить рассказ о буднях бостонской полиции в январе 1963 г., сообщим, что через 12 дней после убийства Даниелы Сондерс человек, лишивший её жизни, был изобличен. Преступником оказался некий Дональд Моррис (Donald Morris), 15-летний школьник, пытавшийся ухаживать за Даниелой. Юноша проживал на Фоулер-стрит, на удалении примерно 1,2 км от дома убитой им девушки, это был невротик, росший без отца и имевший фамилию, отличную от фамилии матери. Отчужденный от всего мира интраверт убедил сам себя в том, что Даниела его тайно любит, когда же встреча с объективной реальностью разрушила эту иллюзию, Дональд не перенёс стресса. Своим неадекватным поведением он фактически выдал сам себя. Полиция понимала, что убийцу следует искать среди сверстников Даниелы, а потому розыск свёлся к методичному просеиванию круга друзей и приятелей.

На пресс-конференции 17 января детектив сержант Майкл Ковальски (Michael Kowalski) и специальный офицер Фредерик МакЛин (Fred McLean) рассказали журналистам о раскрытии преступления и даже устроили маленькое представление, показав, как именно Дональд Моррис осуществил душение. Убийца признался в содеянном матери, так что каких-то сомнений в его виновности ни у кого не возникло.

Т.о. интрига, связанная с трагической гибелью юной школьницы Даниелы Сондерс, разрешилась во второй декаде января 1963 г. В этом случае, как видим, удалось обойтись без «Фантома».

Самый нетерпеливый читатель может задаться вопросом, к чему весь этот долгий рассказ про митинги негров,

неучтивость Эдмунда МакНамары и убийство Даниелы Сондерс, коли с самого начала было ясно, что последняя явно не может быть жертвой «Фантома»?

Вот тут мы подходим к самому главному.

Во второй и третьей декадах января 1963 г. в крупном бостонском таблоиде «The Boston Record American» стали публиковаться статьи, посвященные удушениям женщин, начавшимся летом предшествующего года. Газета, размещавшая на своих станицах эти материалы, являлась частью медиаимперии семьи Хёрст, задававшей тон американской журналистике с начала 20-го столетия. Ежедневно выходили 4—5 выпусков газеты, в которых материалы печатались с продолжениями и уточнениями, а репортёры в поисках свежей информации о происшествиях шныряли по всему городу и прилегающим округам. Это была «жёлтая пресса» в своём первородном естестве.

Заметки о Бостонском Душителе выходили за подписью двух женщин-журналисток — Лоретты МакЛохлин (Loretta McLaughlin) и Джин Коул (Jean Cole). Эти дамочки, первой из которых исполнилось на момент описываемых событий 34 года, а второй — 33, снискали себе известность тем, что несколькими годами ранее «расследовали» злоупотребления в домах престарелых на территории штата Массачусетс и для сбора информации устраивались сиделками в учреждения этого профиля. Сложно сказать, насколько компетентным было их расследование, но если считать, что работа журналиста заключается в том, чтобы вытаскивать на всеобщее обозрение грязное бельё и как можно дольше им трясти, то журналистами они являлись, видимо, неплохими.

Чем руководствовался редактор, давая им поручение подготовить цикл статей о «Фантоме», понять невозможно. Всё-таки, одно дело рассказывать читателям про жидкую манную кашу в богадельне и совсем другое —

об убийствах на сексуальной почве. Женщины вообще вряд ли должны писать о девиантной психологии мужчин-преступников по той просто причине, что ввиду физиологических ограничений у них не может быть представления о движущей последними похоти. Тем не менее, МакЛохлин и Коул с энтузиазмом взялись писать о Душителе.

Обе дамочки верили в существование одного-единственного Убийцы-Душителя, а нежелание властей разделить эту точку зрения объясняли соображениями политической целесообразности. Дескать, политики не хотят будоражить горожан, а потому и руководство полиции ломает комедию... Обе журналистки довольно смутно представляли то явление, о котором писали; они, например, искренне верили в то, что таинственный «Фантом» непременно пожелает разделаться с ними. Дамочки не понимали, что в интересах этого преступника было бы как раз этого не делать, ведь благодаря их графоманским потугам он получил не только утешение собственного эго, но и доступ к информации, прежде скрытой от окружающих.

И это самое главное!

В 9 статьях, опубликованных на страницах «The Boston Record American» в январе 1963 г., Лоретта МакЛохлин и Джин Коул разгласили данные судебно-медицинских экспертиз жертв летних и декабрьских убийств. До этого времени содержащаяся в этих документах информация оставалась сугубо секретной, а потому важнейшие детали преступлений оставались неизвестны общественности. Теперь же, благодаря неуёмному энтузиазму малоумных журналисток, обстоятельства убийств, известные только узкому кругу детективов, следователей прокуратуры и судебных медиков, стали всеобщим достоянием.

Журналистки сообщили о том, какие предметы одеж-

ды и в каком количестве использовались для душения, как располагались узлы, какие телесные повреждения причинялись жертвам и пр. Гласности была предана масса фактов, связанных с обстановкой на местах совершения преступлений, расположении тел жертв, поведении убийцы (или убийц) и т. д. Речь идёт о нюансах, имеющих огромное значение для правоохранительных органов. Благодаря осведомленности в этих мелочах полиция могла быстро и однозначно отличить настоящего убийцу от сумасшедшего, решившего оговорить себя.

Теперь все эти мелочи стали известны неограниченному кругу лиц. В том числе и тем, кто мог бы в силу самых разных причин решиться на самооговор.

Но самое скверное заключалось даже не в этом. В конце концов, самооговор можно разоблачить, пусть не сразу, пусть с затратами сил, времени и нервов, но опытные детективы обязательно смогут вывести мистификатора на чистую воду.

Главная беда крылась в том, что важные детали совершенных убийств стали известны тем, кто мог совершить убийство в будущем. А это значило, что могли появиться подражатели. Нет, не так: теперь они не могли не появиться. Журналистские экзерсисы Лоретты МакЛохлин и Джин Коул сделали их явление неизбежным...

18 февраля 1963 г. Нападение на Эрику Уилсинг

Работа официантки может быть по-настоящему неприятной и изнурительной — необходимо много двигаться, постоянно общаться с людьми нетрезвыми и неадекватными, быть внимательной и хладнокровной. И чаевые отнюдь не всегда являются должной компенсацией за испорченное настроение и усталость. В награду за добросовестный труд — мигрени от пребывания в табачном дыму и варикозное расширение вен от чрезмерной нагрузки на ноги.

Эрика Уилсинг (Erika Wilsing) в понедельник 18 февраля 1963 г. отправилась домой лишь поутру, после того как закрылся бар, в котором она работала, и таксист привёз её к дому в самом конце Мальборо-стрит. Там Эрика снимала небольшую квартиру на последнем этаже. Спать она легла в седьмом часу утра, но сразу после полудня её разбудил энергичный стук в дверь.

Эрика вскочила с кровати и, набросив халат, пошла открывать дверь. На лестничной площадке женщина увидела мужчину лет 30 с выражением раздраженной требовательности в глазах. «Мне надо осмотреть ваш водопровод, нет ли протечек!» — проговорил он и быстро придвинулся к двери, как бы отстраняя Эрику. Сказанное мужчиной звучало нелогично, поскольку профилактику следует проводить не в середине дня, когда жильцы на работе, а вечером, но женщина в ту минуту об этом не подумала. Всё происходило очень быстро, да и проснуться толком Эрика не успела.

Она посторонилась, пропуская мужчину в квартиру. Тот прошёл вперёд, открыл дверь в ванную комнату

и подался туда, словно намеревался войти в помещение. Эрика прикрыла входную дверь и на несколько секунд повернулась спиной к мужчине... а дальше произошло неожиданное.

Мужчина сзади резко схватил её одной рукой поперёк торса, прижав обе руки Эрики к телу, а вторую руку положил на горло. Через долю секунды он опустился вниз и под весом его тела опустилась и Эрика, фактически она оказалась на полу в сидячем положении. Мужчина при этом стоял на колене и находился сзади, он как бы нависал над Эрикой, принуждая её наклоняться вперёд. Женщина оказалась полностью обездвижена.

Всё это произошло стремительно, буквально за полсекунды. Пальцы другой руки мужчины оказались на шее Эрики и стали сдавливать её с обеих сторон адамова яблока (щитовидного хряща), там, где находятся точки разделений обеих общих сонных артерий (правой и левой). И ничего бы хорошего это не сулило женщине, если бы только она инстинктивно не прижала подбородок к горлу — это движение немного сместило руку мужчины и заставило его изменить хват.

В это мгновение Эрика закричала и попыталась встать. Ноги скользили по полу, упереться она не могла, но её энергичные толчки и раскачивание тела явно мешали преступнику. Тот попытался вновь наложить пальцы на горло, подсовывая их под нижнюю челюсть, но Эрика продолжала вопить что было сил и дёргаться всем телом в разные стороны... Так продолжалось какое-то время, секунд 5, может, чуть более, но никак не больше 10 секунд, после чего неизвестный вдруг оставил жертву и стремительно выбежал за дверь.

Всё произошло очень быстро — весь инцидент от первого стука в дверь до бегства неизвестного уложился менее чем в минуту. Эрика, не до конца пришедшая в себя, захлопнула входную дверь и бросилась звонить

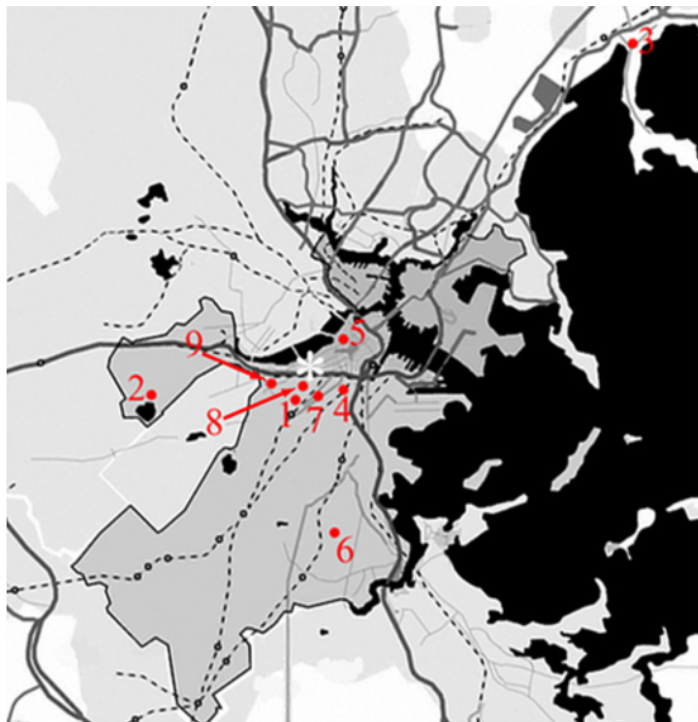
в полицию. Более всего она боялась, что неизвестный решит вернуться, чтобы добить её, ведь она видела его и слышала его голос! Ход мысли, кстати, следует признать исключительно верным, видимо молодая официантка уже успела получить некоторый жизненный опыт.

Случившееся с Уилсинг вызвало большой интерес полиции Бостона. Надо отдать должное руководству городской полиции — на инцидент было обращено самое серьёзное внимание. Рассказ Эрики отвечал на несколько принципиальных вопросов, мучивших детективов, занятых расследованием случаев удушений в Бостоне и пригородах, а именно: как злоумышленник проникал в квартиры? и как ему удавалось действовать бесшумно, либо с минимальным шумом? Заодно находили объяснение и иные странности, связанные с этими преступлениями, например, отсутствие у жертв защитных травм и т. п.

Человек, напавший на Уилсинг, продемонстрировал опытность и устрашающую эффективность. Эрику спасли, пожалуй, лишь её молодость, сила и в какой-то степени род занятий. При росте 177 см она была очень крепка физически, что называется, широкой кости, сильнее иного мужчины, а специфика профессии официантки приучила её действовать быстро, энергично и инициативно. Окажись на её месте какая-нибудь рафинированная барышня — и 18 февраля в Бостоне стало бы одним женским трюпом больше.

С большой вероятностью можно было считать, что явившийся в квартиру Уилсинг мужчина совершал нападения на женщин и ранее, причём из числа описанных в этой книге. Поэтому важно было получить его описание, возможно, в нём крылся ключ к разгадке тайны, будоражившей Бостон последние месяцы. Сразу скажем, что Эрика давала показания несколько раз, в т.ч. её допрашивали и под гипнозом. В целом её показания звуча-

ли непротиворечиво, что повышало доверие к ним.

Карта Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения в 1962—1963 гг, которые связывались средствами массовой информации с таинственным «Фантомом». Эпизоды пронумерованы в хронологическом порядке. Белая звёздочка обозначает место проживания Эрики Уилсинг, подвергшейся нападению 18 февраля 1963 г и выжившей благодаря удачному стечению обстоятельств. Нетрудно заметить, что место преступления находится в самом эпицентре активности «Бостонского Душителя». Правда, с парой оговорок: а) если таковой действительно в то время существовал и б) если

приписываемые ему преступления были корректно отображены (т.е. выборка из криминальной статистики точна).

По словам Эрики, постучавший в её дверь имел примерно тот же рост, что и она сама, если и был выше, то ненамного. Он был одет в короткую — до пояса — тёплую куртку, на ногах — широкие зелёные штаны из толстой хлопчатобумажной ткани, в таких штанах в то время часто ходили разного рода рабочие — это была прочная, удобная и легко стиравшаяся одежда. Обувь потерпевшая не запомнила, но под гипнозом сообщила, что это были большие грубые ботинки с рифлёной подошвой из блестящей чёрной кожи. Возраст мужчины потерпевшая определила в 30 лет, это был брюнет без усов и бороды, спортивного телосложения¹. По общему впечатлению он казался очень сильным, возможно, это было следствие подобранной определенным образом одежды. Говоря о причёске, Эрика отметила, что по её мнению нападавший имел довольно длинную чёлку, зачесанную слева направо, а вот виски и затылок были подстрижены очень коротко. В целом, одежда неизвестного казалась ухоженной и чистой, а сам он производил довольно приятное и даже располагающее впечатление.

Это описание, разумеется, заставило всех, знакомых

¹ Американская криминальная психология того времени для описания телосложения использовала термины «экто-», «эндо-» и «полиморфный». Экторморф — это человек субтильный, сутулый, тонкой кости, как правило, холерического темперамента; эндоморф — крепко сбитый, с животиком, ширококостный сангвиник; полиморф — переходный между первым и вторым. Употребленный термин «мужчина спортивного телосложения» взят из отечественных реалий и соответствует американскому полиморфу.

с ходом расследований убийств, приписываемых «Фантому», припомнить показания Марселлы Люльки, женщины, возможно видевшей убийцу Софи Кларк. Напомним, что 5 декабря 1962 г., в день убийства последней, некий подозрительный мужчина вошёл в квартиру Люльки под предлогом осмотра её состояния ввиду предстоящего ремонта. После того, как Марселла сообщила ему, что в спальне находится муж, отдыхающий после ночной смены, неизвестный моментально ретировался. Причём заторопился так, что толкнул малолетнего сына Марселлы, стоявшего у входной двери. Описание, сообщенное Марселлой, совпадало с рассказом Эрики Уилсинг практически во всех деталях за исключением цвета волос. Люлька сказала, что у подозрительного мужчины волосы были «цвета мёда», а Уилсинг сообщила о брюнете.

Но это противоречие не выглядело принципиальным, поскольку цвет волос можно менять в широком диапазоне, перекрашивая их. Опытные преступники знают об этом и нередко сильно трансформируют собственный «имидж», изменяя причёски и цвет волос.

Всё это было, конечно же, очень интересно, но что именно надлежало предпринять, имея на руках такую информацию? Детектив Фил ДиНатале (Phil DiNatale), расследовавший нападение на Эрику Уилсинг, решился на шаг довольно необычный для лиц его профессии. Руководствуясь правилом «если всё плохо, то хуже не станет», он решил обратиться за консультацией к экстрасенсу, дабы тот задал следствию нужный вектор движения. Вряд ли ДиНатале сильно верил в сверхчувственное восприятие, но почему бы не попробовать?

Следует уточнить, что 43-летний полицейский додумался до столь неординарного шага отнюдь не самостоятельно — он последовал совету пожилой тёти. Последняя подсказала также к кому именно надлежит обратиться — к некоему ясновидящему Полу Гордону (Paul Gordon).

Сейчас сложно сказать, являлся ли Гордон мошенником или же действительно верил в свой дар, независимо от объективного наличия или отсутствия оного. Видимо, это был человек, который за словом в карман не лез, но — главное! — умел производить на окружающих нужное впечатление. Тётушка ДиНатале узнала о существовании удивительного прозорливца от знакомого врача-психиатра и, оставшись под сильным впечатлением от рассказа последнего, надумала дать племяннику хороший совет. Детектив решил собрать справки о ясновидящем и выяснил, что несколькими месяцами ранее Гордон уже попытался вступить в контакт с бостонской полицией, но интереса к себе не вызвал и в Отделе расследования убийств от него довольно невежливо отмахнулись. А потому экстрасенс оказался настроен к полиции враждебно и поначалу уклонился от личной встречи с ДиНатале.

Детективу пришлось пойти окольным путём. Сначала он отыскал адвоката Гордона и провёл переговоры с ним. Адвокат решил откликнуться на просьбу о помощи и пообещал уговорить своего клиента подключиться к расследованию. После долгого согласования разного рода нюансов, встреча детектива ДиНатале и Гордона произошла в помещении 16-го полицейского участка в последний день зимы, 28 февраля, в четверг, в обстановке полной конспирации. Гордон заверил своего *vis-a-vis* в том, что не допустит утечки конфиденциальной информации ни под каким видом.

Сложно сказать, на какой результат рассчитывал детектив, но получил он явно иное. Экстрасенс отложил в сторону все предъявленные ему фотографии, кроме двух, заявив, что может рассказать о случившемся только с этими женщинами. Привлёкшие его внимания фотокарточки изображали Анну Слесерс, убитую в июне 1962 г., и Софи Кларк, погибшую в декабре.

Глядя на первый снимок, Гордон сообщил детективу

детали преступления. По его словам, убийца проник в закрытый подъезд, воспользовавшись появлением на улице фургона торговца мороженым. К машине побежали дети из окрестных домов, выскочил мальчик и из того подъезда, в котором проживала Анна Слесерс. Преступник не дал двери захлопнуться и вошёл в подъезд, не пользуясь переговорным устройством. Согласно сообщению ясновидящего, убийца принял Анну Слесерс за собственную мать, к которой испытывал сильное сексуальное влечение. Преступник пытался ранее изнасиловать собственную мать и эта попытка в конечном итоге привела его в психиатрическую лечебницу.

Экстрасенс дал описание внешности того человека, которого надлежит искать полиции: он высок, ростом около 190 см, очень худ, сутул, имеет редкие рыжие волосы, конопат, сравнительно молод, до 30 лет. Во время убийства Слесерс на нём был коричневый свитер с белой и оранжевой каймой, штаны зелёного цвета, белые кеды или теннисные туфли. Он неухожен, очень неряшлив, ночует вне дома, слоняется по городу без определенной цели.

Рассказ Гордона поразил ДиНатале. В том числе и потому, что детектив узнал человека, описанного ясновидящим. ДиНатале в ночь на 19 августа 1962 г задерживал этого парня. В ту ночь он проник в магазин, торговавший чаем, и улёгся там спать. Задержанный действительно производил впечатление ненормального и полиция после первого же допроса направила его в психиатрическую клинику в Бриджуотере. Звали этого мужчину Артур Барроу (Arthur W. Barrow)¹, на момент задержания ему ис-

¹ Имя и фамилия этого человека правоохрнительными органами скрывались на протяжении многих десятилетий. В большинстве материалов, посвященных истории «Бостонского Душителя», его обычно

полнилось 26 лет. Уже в Бриджуотере выяснилось, что в прошлом Бэрроу имеется множество подозрительных лакун, в частности, его подозревали в попытке изнасилования родной матери, попытке её убийства путём удушения, а также неоднократных побоях матери и двух сестёр. Думя годами ранее, в апреле 1961 г, Артур столкнул мать с лестницы, в результате чего женщину пришлось госпитализировать. Она умерла 14 апреля 1961 г, находясь в больнице после операции. По странному стечению обстоятельств, за час до смерти к ней заходил сын. Женщина почему-то упала с кровати, имевшей высокие бортики, на пол и оказалась неспособна воспользоваться кнопкой вызова медсестры. История эта выглядела довольно подозрительно, соседи прямо заявили полиции, что сын расправился с матерью, но никаких обвинений в этой связи полиция Арнольду так никогда и не предъявила.

ДиНатале предъявил экстрасенсу фотографию Бэрроу в ряду пяти других фотоснимков молодых людей, задержанных полицией. Пол Гордон безошибочно выбрал Бэрроуа и заявил, что убийство Анны Слесерс совершил либо этот человек, либо его брат-близнец.

Удивлённый этим результатом, детектив поинтересовался, кто же убивал другую женщину, т. е. Софи Кларк? Во втором случае, если верить Гордону, убийца также был известен полиции — это чернокожий молодой мужчина, пытавшийся ухаживать за своей жертвой и отвергнутый ею.

Таким образом, детектив ДиНатале, хотя и не достиг своей главной цели — т.е. не узнал ничего нового о нападении на Эрику Уилсинг, — получил кое-что другое

называют «Арнольдом Уоллесом», но это вымышленные имя и фамилия.

и притом куда более сенсационное. Не зная, как лучше распорядиться этой информацией, он доложил о результате общения с экстрасенсом по команде. Полицейское руководство решило не пренебрегать неожиданно свалившейся на голову «наводкой» и попыталось выжать из общения максимум возможного.

Выше отмечалось, что в Бриджуотере, небольшом городке, расположенном примерно в 30 км южнее бостонской агломерации, в начале 1960-х гг. располагался комплекс пенитенциарных учреждений, в число которых входили больница штата тюремного типа для преступников с душевными заболеваниями, центр лечения сексуально опасных лиц, центр лечения алкоголиков и тюрьма с режимом содержания минимальной строгости. Артур Бэрроу содержался в больнице тюремного типа, это был неряшливый, молчаливый и туповатый молодой мужчина белой расы. Определение «туповатый» не является в данном случае оскорблением — это констатация факта, поскольку все тесты по проверке IQ демонстрировали его величину в диапазоне 60—70, а потому с медицинской точки зрения Артур являлся дебилом. Молодой человек с начала полового созревания стал проявлять необыкновенный интерес к противоположному полу, что, вообще-то, довольно характерно для лиц этой категории, причём рост интереса сопровождался и ростом агрессивности и неуправляемости. Артур неоднократно нападал на сестёр и в конце концов напал на собственную мать, попытавшись задушить её чулками, временно извлеченными из шкафа с нижним бельём. Неизвестно, чем бы закончилось нападение, но спасло женщину появление соседей, спугнувших инициативного дебила. Тот бежал из дома — он вообще был склонен к дроромании и нередко надолго уходил из дома без всякой видимой цели — несколько дней не показывал носа, но в конце концов вернулся обратно и продолжал чудить.

Сия печальная бытовая эпопея продолжалась вплоть до смерти матери в апреле 1961 г. После вторжения в августе 1962 г в чайный магазин Бэрроу заехал в Бриджуотер, где и оставался до конца зимы следующего года.

Попытка детективов поговорить с Бэрроу «по душам» ожидаемо провалилась — обычному человеку, не имеющему опыта общения с такого сорта лицами, вообще сложно с ними контактировать — но полицейские не отступили. Им удалось согласовать проведение допроса Арнольда с использованием аминала натрия (барбамилла), классического барбитурата, который надлежало использовать в качестве «сыворотки правды». Задача эта облегчалась тем, что в Бриджуотере находились врачи, хорошо знавшие терапевтические особенности этого вещества, поскольку барбамил широко использовался ими по своему прямому назначению, т.е. в качестве снотворного.

Допрос с использованием «сыворотки правды» заключается в том, что допрашиваемого вводят в состояние измененного сознания, при котором резко снижается возможность самоконтроля, но сохраняется активность центров мозга, связанных с речью и воспоминаниями. В каком-то смысле состояние человека напоминает гипнотический транс, с той только разницей, что вводится он в это состояние не особыми психотехническими приёмами, а усыпляющими или наркотическими препаратами. Человек остаётся контактен, он понимает обращенные к нему вопросы и способен отвечать на них, но ввиду резкого ослабления волевых центров плохо управляет содержанием речи. В таком состоянии допрашиваемый может сказать такое, что постарался бы скрыть, пребывая в ясном сознании. Человек, ставший объектом такого допроса, обычно не помнит его содержание, он пребывает в состоянии полудрёмы и задача присутствующего при допросе врача заключается в том,

чтобы не дать ему уснуть. Это реализуется посредством воздействия на допрашиваемого стимулирующими препаратами.

Артур Бэрроу был допрошен с использованием «сыворотки правды» и признал своё участие в убийстве Анны Слесерс. Он заявил, что зашёл в дом, чей номер состоял из двух одинаковых цифр (убитая проживала в доме №77). Далее упомянул, что дверь ему открыла женщина, похожая на его мать, а когда его попросили объяснить, чем же она была похожа, ответил, что у неё были тёмные волосы. Допрашиваемый описал как сцену убийства, так и детали окружавшей его обстановки; сообщил о небольшой площади квартиры, о том, что кухня была налево от входной двери, что имелся небольшой узкий коридор, куда он уложил тело убитой женщины. В принципе, все эти детали можно было узнать из публикаций в прессе и передач по местному радио, однако, имелось кое-что такое, чего Бэрроу не мог знать в принципе. Он рассказал, что в гостиной висел фотопортрет, изображавший гимнастку — об этой детали никогда не сообщалось журналистам. О наличии фотографии в рамке знали только те, кто бывал в квартире, ставшей местом преступления.

На многие месяцы Артур Бэрроу попал в число самых перспективных подозреваемых в расследованиях, связанных с удушениями женщин в Бостоне и его окрестностях. Много сил и времени было затрачено на восстановление хронологии его жизни во второй половине 1962 г. Однако никакой ясности работа эта не приносила, напротив, по мере сбора информации всё только запутывалось. С одной стороны, Бэрроу не имел *alibi* практически по всем эпизодам, но с другой — та ловкость, каковую демонстрировал убийца до, во время и после совершения преступления противоречила модели поведения дебила. Можно сказать, что последние являются заложниками стереотипов, принципы социализации таких людей по-

строены на выработке устойчивых привычек, не зря же врачи, работающие с ними, говорят: «дебил не думает — он следует привычке». Такой человек не способен на экспромт, он моментально и бесповоротно теряется в непривычной обстановке. Не укладывалось в голове, как Артур Бэрроу мог входить в незнакомые подъезды, подниматься на 3 или 4 этаж, заговаривать с незнакомыми женщинами, убеждать их впустить в квартиру, убивать быстро и беззвучно, а потом уходить, не привлекая к себе внимания...

Тем не менее, факт оставался фактом — умственно неполноценный человек во время допроса с использованием «сыворотки правды» дал описание убийства, соответствовавшее во многих деталях известным обстоятельствам произошедшего, и это на многие месяцы превратило его в одного из самых предпочтительных в глазах полицейских подозреваемого.

Одновременно проводилась проверка и другого сообщения Пола Гордона, согласно которому убийцей Софи Кларк явился её бывший друг, уже допрошенный полицией ранее. Человек, соответствовавший описанию экстрасенса, действительно нашёлся, звали его Льюис Барнетт (Lewis Barnett). Он некоторое время пытался ухаживать за Софи и на определенном интервале времени даже пользовался её расположением, но продолжалось это недолго. В октябре молодые люди расстались и отнюдь не по инициативе Льюиса, скажем прямо, он был отвергнут Софи. В принципе, история эта была полиции известна, Барнетт допрашивался ещё в декабре 1962 г., тогда же выяснилось, что твёрдого alibi тот не имеет.

Сообщение экстрасенса побудило детективов внимательнее присмотреться к молодому человеку, в частности, были опрошены девушки, хорошо его знавшие. В конце предыдущего года подобным сбором информа-

ции никто не озаботился, а в начале марта руки до этого дошли. Оказалось, что Барнетт не сдержан на язык и склонен к запугиванию своих подружек. Одна из его прежних знакомых сообщила, что была обворована Барнеттом, другая рассказала историю более занятную. По её словам, Льюис без её ведома сделал копию ключей от её квартиры и тайно пробрался туда в отсутствие хозяйки. Сложно сказать, что им двигало, даже если он просто хотел пошутить, шутка эта была весьма дурного свойства.

Проделка Барнетта с ключами вообще выглядела очень подозрительной, учитывая, что, по мнению детективов, убийца Софи Кларк проник в квартиру до появления жертвы и некоторое время оставался незамеченным ею.

Казалось довольно очевидным, что это человек малосимпатичный, но ведь такого рода оценки к делу не пришьёшь, верно? Подобно Арнольду Уоллесу на долгое время он сделался одним из самых перспективных подозреваемых. Полицейские буквально вывернули жизнь Барнетта наизнанку, восстанавливая его времяпрепровождение во второй половине 1962 г.

Сразу скажем, что это направление расследования завело правоохранные органы в дремучие дебри. Обнаружив в жизни Льюиса массу деталей разной степени подозрительности и непристойности, следствие так и не смогло ответить на главный вопрос: «кто убил Софи Кларк?»

Но как выяснилось в марте 1963 г., кто бы это ни сделал, останавливаться он явно не намеревался.

6 марта 1963 г. Убийство Мэри Браун

Вопрос об источнике странной информированности двух журналисток «The Boston Record American» сделался для полиции Бостона не менее важным, чем розыск убийц, совершивших приписанные «Фантому» преступления. В самом деле, как можно было иначе относиться к публикациям Лоретты МакЛохлин и Джин Коул? Сегодня они вытащили на свет Божий одни секреты, завтра вывалят другие... Чего стоит тайна следствия, да и существует ли она вообще, если конфиденциальная информация полиции становится достоянием не только дилетантов, но и самих преступников?!

На розыск осведомителя или осведомителей журналисток были брошены самые надежные детективы, работавшие в глубокой тайне по личному приказу шефа полиции МакНамары. Прямо спросить у журналисток, от кого и как они получили секретные сведения, не представлялось возможным — американское законодательство защищало в этой части интересы работников масс-медиа. Существовали некоторые нюансы, позволявшие при определенных условиях потребовать от журналистов раскрытия тайных источников информирования, но делалось это только по результатам судебного рассмотрения и в очень ограниченном числе случаев (угроза национальной безопасности, предотвращение эпидемий и пр.). Очевидно было, что на подобную возню Департамент полиции Бостона не имел времени — источник информирования следовало перекрыть до того, как последует новое резонансное убийство.

Изучая содержание статей Лоретты МакЛохлан

и Джин Коул, полицейские обратили внимание на то, что их авторы не знали некоторых нюансов, которые очень интересовали детективов в декабре 1962 г. и январе 1963 г. Причём, нюансы эти обсуждались с врачами, производившими вскрытия тел — т. е. Майклом Луонго и Ричардом Фордом — что могло означать только одно: утечка информации не была связана непосредственно с врачами. Упомянутые детали касались вопроса о возможности причинения жертвам вагинально-анальных травм гинекологическим инструментом. Чуть ниже мы поясним, откуда родился этот вопрос, пока же речь немного о другом. И Луонго, и Форд сходились в том, что разрывы слизистых оболочек влагалища и прямой кишки некоторых жертв вполне могли быть причинены гинекологическими инструментами. Это был важный для следствия вывод, появившийся лишь в конце 1962 г., и журналистки о нём ничего не знали.

Судмедэксперты между собой практически не пересекались — они работали в различных моргах, жили на удалении более 10 км друг от друга, играли в гольф на разных площадках и вообще имели мало общего. За исключением одного — оба читали лекции в Гарвардском университете, точнее, в Гарвардской медицинской школе. Оба зачастую приезжали на лекции, имея при себе черновики документов, с которыми работали в моргах. Нельзя было исключать того, что во время лекций кто-то копировал эти документы и впоследствии передавал Лоретте МакЛохлан и Джин Коул.

Другим, также весьма вероятным, каналом получения журналистками конфиденциальной информации могли стать чиновники из службы коронера, имевшие доступ к письменным материалам судебно-медицинских экспертиз, но при этом не имевшие понятия о содержании устных консультаций Луонго и Форда. Как было отмечено в предыдущей главе, журналистки прежде уже разра-

батывали в своих статьях медицинскую тему и у них, несомненно, имелись контакты с чиновниками на уровне округов и штата. Вполне возможно, что в январе 1964 г. старые связи вновь заработали.

Сразу следует подчеркнуть, что автору неизвестно, была ли названа в конце концов фамилия информатора. Вполне возможно, что ничего из этой затеи не вышло. Полиция, по-видимому, пришла к выводу, что утечка конфиденциальных сведений не связана с работниками следствия — и это была, пожалуй, единственная хорошая новость для МакНамары. Чтобы исключить появление в печати новых ненужных подробностей, опытный «ФБР-вец в отпуске за свой счёт»¹ решил вступить в прямой контакт с издателем «Бостон глоб» и попросил последнего остановить публикации о «Фантоме». Сложно сказать, действовал ли МакНамара кнутом или же пряником — никто никаких воспоминаний на сей счёт не оставил, — но своей цели шеф BPD в конечном итоге добился. С 1 февраля 1963 г. публикация цикла статей Лоретты МакЛохлан и Джин Коул была остановлена без объяснения причин. Всего вышли 9 статей, по смыслу, должны были последовать и другие, но... не последовали.

Много было инсинуаций насчёт того, что газете «заткнули рот», но, говоря по совести, Власти поступили правильно. Фонтан журналистского красноречия в той обстановке требовало заткнуть.

Февраль прошёл относительно спокойно, никаких преступлений или подозрительных эксцессов, которые можно было бы связать с таинственным Душителем, ни в Бостоне, ни в его окрестностях не произошло. В янва-

¹ Напомним, что Эдмунд МакНамара на время руководства бостонской полицией по штатному расписанию Бюро числился находящимся в отпуске без содержания.

ре, кстати, тоже, ведь убийство Даниелы Сондерс, как показало успешное расследование окружной прокуратуры, явилось преступлением во многом случайным и никак не связанным с «Фантомом».

Страсти, вскипевшие было в начале года, постепенно улеглись. Пережитые страхи казались теперь преувеличенными и необоснованными.

Но всё моментально вернулось на круги своя, когда стало известно об убийстве Мэри Браун, 68-летней белой женщины, проживавшей в городе Лоуренс, в 30 км севернее Бостона, у самой границы штатов Массачусетс и Нью-Гэмпшир.

Мэри проживала в одиночестве в доме №319 по Парк-стрит (Park street), в начале 1960-х гг. это был тихий, зелёный район, застроенный небольшими — в 2—3 этажа — домами на несколько квартир. До пруда Стивенс и зелёной зоны вокруг него несколько сот метров. Место это считалось спокойным, комфортным и безопасным.

В тот день Мэри договорилась встретиться с подругой, но когда та явилась, дверь не открыла. Подруга встревожилась и подняла переполох, когда же управляющий открыл своими ключами дверь в квартиру, стало ясно, что Мэри стала жертвой преступления. Обстановка в квартире была такова, что никаких сомнений на сей счёт быть попросту не могло. Тело Мэри, накрытое с головою окровавленной простынёй, находилось на полу в гостиной. Ноги убитой женщины были вытянуты, а руки воздеты к голове. Когда простыню убрали, стало ясно, что платье Мэри поднято вверх и полностью закрывало голову. Преступник, видимо, пытался снять с женщины трикотажный пояс, но у него это не получилось — тот запутался вокруг левой лодыжки; резинки, к которым крепились чулки, оказались грубо оборваны, сами чулки были частично спущены. Женские трусы лежали на полу

на удалении трёх метров от тела, видимо, отброшенные нетерпеливой рукой.

Женщина подверглась жестокому истязанию. В области груди и подмышек имелись следы многочисленных уколов вилкой, сама вилка, согнувшаяся в форме буквы S от сильного удара, торчала с левой стороны груди. Имелись и ножевые порезы. Лицо было обезображено многочисленными гематомами, свидетельствовавшими о прижизненном избиении. Женщину душили, на что с очевидностью указывали специфические следы пальцев и ногтей на шее.

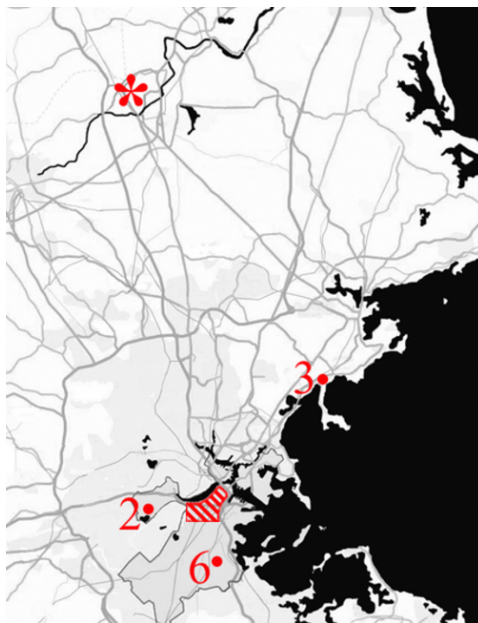

Схема Большого Бостона и территории к северу от него с указанием мест совершения убийств женщин в 1962-1963 гг, приписываемых «Фантому». Числа соответствуют преступлениям в их хронологической последова-

тельности. Штриховка красным показывает центральную часть Бостона и район Бэк-Бэй, где были совершены по меньшей мере 6 убийств посредством удушения. Площадь этой территории менее 7 км², т.е. убийства эти локализованы в сравнительно небольшой части города. Красная звёздочка обозначает место проживания и убийства 6 марта 1963 г Мэри Браун, расстояние от дома потерпевшей в городе Лоуренс до центральной части Бостона составляет примерно 35 км. За исключением убийства в Линне (точка 3) «Фантом» ранее за пределы городской границы не выходил, очевидно, пригороды Бостона не входили в его «зону комфорта». В силу этого нападение в Лоуренсе казалось для него нетипичным. Ощущение странности ещё более возросло при ознакомлении с деталями преступления, сильно отличавшимися от того, что можно было видеть в большинстве других эпизодов. Совокупность такого рода сообщений вызвала у полицейских обоснованные сомнения в том, что убийство Мэри Браун действительно находится в какой-то связи со случаями удушения в Бостоне.

Квартира подверглась грубому обыску — мебельные дверцы раскрыты, вещи в тумбочках и шкафах грубо перевернуты или выброшены на пол. Непонятно, что такого ценного мог искать нападавший в вещах небогатой пожилой женщины, казалось, что этот человек сеял хаос только потому, что это ему нравилось. В спальне внимание полицейских привлекла пустая рамка для фотопортрета, стоявшая на прикроватной тумбочке. На кровати лежала фотография, очевидно вынутая из неё, изображавшая одну из дочерей Мэри Браун. Вид молодой женщины, очевидно, заинтересовал убийцу.

Денег в квартире найти не удалось, хотя по уверению близких Мэри, женщина была очень экономна, и у неё всегда были под рукой кое-какие наличные деньги, долларов 40—50 точно. Очевидно, эти деньги стали добычей преступника.

Осмотр окон, входной двери и замков выявил их полную сохранность. Убийца, очевидно, вошёл через дверь и через дверь же вышел. Мэри Браун, по-видимому, впустила его добровольно.

Судебно-медицинская экспертиза констатировала наступление смерти по двоякой причине: присутствовала как симптоматика острого кислородного голодания, обусловленная механической асфиксией, так и тяжёлые поражения, явившиеся следствием ударов ножом. Последние достигали перикарда и левого лёгкого, в результате чего отмечалось обширное внутреннее кровотечение. Если бы Мэри Браун не была задушена, то очень быстро умерла бы от полученных ран. Преступник нанёс в левую сторону груди не менее 6 ранений, достигавших глубины 10 см, и 10 поверхностных ран и царапин. Помимо ножа, убийца колот жертву вилкой. Подсчитать число таких уколов было довольно проблематично, но казалось, что их около десятка или более.

Время наступления смерти определялось как интервал с 15 до 18 часов 6 марта, т.е. за несколько часов до обнаружения тела.

Состояние половых органов свидетельствовало о половом акте, имевшем место незадолго до смерти. Это предположение полностью было подтверждено тем фактом, что во влагалище убитой женщины была обнаружена сперма. Таким образом, преступник не только ограбил и убил жертву, но и изнасиловал.

Полицейские ещё работали на месте совершения преступления, когда стало известно об угоне автомашины «бьюик», припаркованной в непосредственной бли-

зости от дома №319. Угон последовал после 17 часов, т.е. примерно в то время, когда была убита Мэри. Непонятно было, существовала ли связь между этими двумя преступлениями.

Через двое суток автомашина была обнаружена на пустынной просёлочной дороге почти в 30 км юго-западнее места угона. Она съехала в кювет и была брошена водителем. Номера автомашины оказались сменены. Как показала проверка, на угнанном «бьюике» были укреплены номерные знаки, снятые с автомашины, выпущенной 19 лет назад и не эксплуатировавшейся с 1958 г. по причине смерти хозяина. Предполагая связь угонщика с убийством, криминалисты тщательно осмотрели «бьюик», рассчитывая обнаружить улики, способные пролить свет на случившееся в квартире Мэри Браун. Однако ни следов крови, ни орудия преступления, ни предметов, похищенных у убитой женщины, найти не удалось. Зато в салоне обнаружилась светлая собачья шерсть.

Ещё более интересным оказалось изучение пробега. По чистой случайности хозяин забрал машину из автосервиса 5 марта, т.е. накануне угона, и по привычке записал показания одометра. Благодаря этому удалось довольно точно высчитать, сколько километров проехал на угнанной автомашине преступник. Получалось 80 или даже чуть более. Зная расстояние от места угона до точки обнаружения, несложно было понять, что преступник накрутил порядка полусотни лишних километров.

Эта информация, может быть, что-то и дала бы расследованию, если б только удалось выяснить связь между убийством и угоном «бьюика». К сожалению, никакой ясности в этом вопросе достичь не удалось, оба преступления остались нераскрытыми.

Кроме того, как быстро установила полицейская проверка, у Мэри Браун имелись довольно подозрительные родственники, которые могли явиться источником раз-

ного рода проблем. Племянник убитой женщины был четырежды судим, а кроме него имел судимость и внучатый племянник Мэри. Перефразируя известную русскую поговорку можно сказать, что с такими родственниками и врагов не надо!

Разумеется, *alibi* обоих подозрительных родственников было надлежащим образом проверено. Не вызывало сомнений, что они не могли убить Мэри по той простой причине, что во время совершения преступления находились очень далеко от Лоуренса. Это, однако, не исключало возможность косвенного вовлечения в преступление кого-то из мужчин, ведь каждый из них мог выступить в качестве «наводчика» убийцы. Не зря говорится, что очень хорошо — это тоже не хорошо! В данном случае наличие *alibi* не сняло с родственников убитой всех подозрений.

Проверка родственников с дурной репутацией шла полным ходом, когда из Белмонта (Belmont), северо-западного пригорода Бостона, пришло очередное сообщение об убийстве пожилой женщины посредством удушения.

11 марта 1963 г. Убийство Бесси Голдберг и моментальное торжество правосудия. «Бостонский Душитель» разоблачён...

Чета Голдберг — Бесси и Израэль — проживали в милом 2-этажном доме под №14 по Скотт-роад (Scott Road) в Белмонте, западном пригороде Бостона. Это была тихая, утопавшая в зелени уединенная улица в районе, в котором на протяжении последнего столетия традиционно селились представители среднего класса: банковские работники средней руки, предприниматели, преподаватели высших учебных заведений и пр. Американский писатель Себастиан Юнгер (Sebastian Junger), родившийся в Белтоне в 1962 г., очень выразительно описал этот город, сказав, что в нём не было бедных и бездомных, баров и ресторанов, не было опасных районов и не было убийств. Запомним сейчас и эти слова, и самого Юнгера, в своём месте нам придётся подробно остановиться на его рассказе о событиях в Белтоне, точнее, даже не рассказе самого Себастиана, а его матери Эллен Синклер Юнгер (Ellen Sinclair Junger)...

Голдберги переехали в 10-комнатный кирпичный дом под №14 по Скотт-роад в 1951 г. Супругов с полным основанием можно было причислить к среднему классу: 68-летний Израэль являлся владельцем доходной коммерческой недвижимости, унаследованного от родителей большого дома, сдававшегося под офисы. По своему образованию Израэль являлся юристом и оформил лицензию адвоката ещё в марте 1917 г., т.е. за 46 лет до описываемых событий.

ваемых событий. Его супруга — 62-летняя Бесси — была домохозяйкой, хранительница домашнего очага. В браке они состояли 34 года. Их дочь Леа (Leah), 24 лет, получила высшее образование и на момент описываемых событий работала с 5-летними детьми, сейчас бы мы назвали её педагогом дошкольного обучения.

В понедельник 11 марта Израэль Голдберг должен был до вечера оставаться на работе, но изменил планы и решил возвратиться домой ранее обычного. Мужчина позвонил домой в 14:30, поговорил с супругой, записал список продуктов, за которыми следовало заехать на пути домой. Сделав покупки в универмаге «O'Brien's Market», он около 16 часов завёл машину в гараж и через внутреннюю дверь прошёл в дом. Переступив порог, Израэль был очень удивлён тем, что его никто не встречает. Он знал, что Бесси никуда не собиралась уходить, поскольку наметила на понедельник обширную программу — генеральную уборку всего дома. В такие дни вся мебель отодвигалась от стен, и Бесси лично проходила с пылесосом все углы. Для помощи в передвижении мебели приглашались один или два грузчика.

Поскольку на первом этаже было тихо, Израэль сразу поднялся на второй и прошёл по комнатам. Он осмотрел все три спальни наверху, в т.ч. и спальню дочери, куда обычно они в отсутствие Леи не входили. Мужчина увидел, что тяжёлая мебель в некоторых комнатах отодвинута от стен — это означало, что Бесси начала уборку, как и планировала. Но тишина в доме настораживала... Израэль несколько раз выкрикнул имя жены, но ответом служила полнейшая тишина. Тревожное предчувствие охватило мужчину, он сбежал вниз и сбросил на пол у входной двери пальто — впоследствии он так и не смог рационально объяснить этот поступок, видимо, в ту минуту он уже запаниковал... Вбежав в гостиную, он увидел лежавшее на полу тело Бесси, точнее, нижнюю часть её

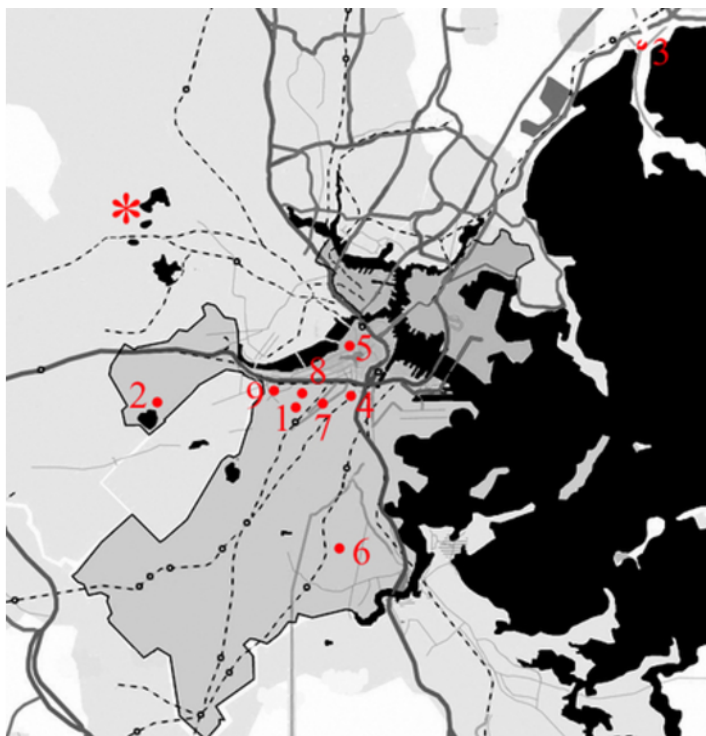
ног, само тело скрывал диван, отодвинутый от стены. Юбка женщины была поднята в область талии, ноги непристойно раздвинуты, чулок с левой ноги снят и завязан вокруг шеи наподобие шарфа. Белая блузка была поднята вверх, но разорвана, поэтому лицо с запёкшейся в правом углу рта кровью можно было хорошо видеть. Пуговица от блузки, видимо, вырванная с большим усилием, была впоследствии найдена в противоположном конце большой комнаты. На некотором удалении от тела лежали разорванные трусы. Глаза Бесси были открыты, очки остались на лице, изо рта вилась струйка крови. Женщина была мертва — в этом не могло быть никаких сомнений.

Израэль с криком выбежал на улицу и бросился к компании ребятишек, игравших на лужайке соседнего домовладения. «Кто входил в мой дом?» — это был единственный вопрос, заданный детям.

Детишки оказались важнейшими свидетелями, их показания прибывшей полиции во многом определили ход расследования. Прежде всего, дети обеспечили несокрушимое *alibi* самому Израэлю Голдбергу. Они видели, когда тот подъехал на автомашине и когда выбежал с криком из дома — интервал между этими событиями не превышал 2 минут. Понятно было, что мужчина никак не успевал за такое время совершить убийство, сопряженное с грубым насилием и довольно сложными постмортальными манипуляциями. Поэтому Израэля сразу исключили из числа подозреваемых в совершении убийства.

Кроме того, мальчик Даги Дрейер (Dougie Dreyer) заявил, что видел высокого худощавого чернокожего мужчину, вышедшего из дома №14 по Скотт-роад. На мужчине были широкие брюки в зелёную клетку и тёмно-коричневое или чёрное пальто. Пальто было длинным, ниже колен, похожим на мешок. Рост неиз-

вестного мальчик определил в 1,8—1,85 м. Дрейер указал, куда именно пошёл неизвестный чернокожий, и патрульные, что называется, взяли след.

Карта Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения в 1962—1963 гг., которые связывались средствами массовой информации с таинственным «Фантомом». Эпизоды пронумерованы в хронологическом порядке. Красная звёздочка схематично обозначает место проживания Бесси Голдберг в доме №14 по Скотт-роад в г. Белмонт северо-западнее Бостона. Бесси была убита во второй половине дня 11 марта 1963 г.

Первоначально это преступление, как и другие случаи убийств женщин посредством удушения, связывалось с «Фантомом», хотя оно, как легко заметить, было совершено вне границ города.

Со времени убийства прошло очень небольшое время, тело Бесси Голдберг было ещё тёплым, а это означало, что убийцу можно просто-напросто догнать. Надо только двигаться в правильном направлении и не пропускать всех, чья внешность соответствует известным приметам предполагаемого преступника!

Полицейским невероятно повезло — они взяли след и долго по нему шли. Оказалось, что высокого худосочного негра видели многие, что само по себе удивительно, учитывая безлюдность улиц в американских районах проживания среднего класса. Выяснилось, что негр в штанах в зелёную клетку и тёмном пальто прошёл по Скотт-роад и сел в первый попавшийся автобус, в результате чего уехал в направлении, противоположном тому, которое следовало. Он доехал до конечной остановки, известной как «Парк-сёркл» (Park Circle) в Арлингтоне — это примерно в 2 км северо-западнее места убийства. Там чернокожий мужчина выкурил сигарету с водителем автобуса во время 5-минутного перерыва между рейсами, после чего отправился на том же самом автобусе в противоположном направлении и проехал мимо той самой остановки, на которой садился четвертью часа ранее. Он сошёл на Центральной площади в городе Кембридж на удалении немногим более 6,5 км от места убийства Бесси Голдберг. Обо всех этих деталях полицейским сообщил водитель автобуса.

Полицейские наряды выдвинулись в район Центральной площади и обнаружили след таинственного

чернокожего там. Оказалось, что он зашёл в один из баров и попросил пива за 10 центов. Бармен точно запомнил время появления мужчины — в 15:19 — а также содержание разговора с ним. Негр посетовал на то, что расстался несколько дней назад со своей подружкой и теперь хочет её отыскать. Он примерно знает, где её можно найти и сейчас этим займётся. Мужчина посмеивался и отпускал двусмысленные шуточки, в общем-то, это был вполне заурядный разговор для такого места.

Далее след таинственного чернокожего мужчины терялся, но и добытую информацию следовало признать весьма ценной. Ясно было, что чернокожий до такой степени спешил покинуть район Скотт-стрит, что перепутал автобусы и отправился не в ту сторону. Это, кстати, косвенно свидетельствовало о том, что он не очень хорошо ориентируется в западных пригородах Бостона. Выяснилась и другая ценная деталь — чернокожий, покинув Скотт-роад, нацепил шляпу и большие солнцезащитные очки. Он на самом деле боялся простудиться или менять свою внешность?

Пока полицейские патрули в поисках свидетелей метались по Белтону, Арлингтону и Кембриджу, интересные события развивались в доме, явившемся местом преступления. Израэль Голдберг по просьбе полицейских стал детально осматривать обстановку, дабы выяснить, пропало ли что-либо из дома. На кухне он обнаружил лист бумаги с номером телефона, записанным рукой Бесси. Номер был ему незнаком. Детективы, предполагая, что данный номер может иметь какую-то связь с убийцей, принялись устанавливать его принадлежность, но тут ситуация неожиданно упростилась.

Затрещал телефонный аппарат и оказалось, что звонит оператор компании, предоставляющей услуги по бытовому обслуживанию. Именно его телефонный номер и был записан на листке, найденном в кухне! Оператор

осведомился у поднявшего трубку Израэля Голдберга, доволен ли тот работой присланного к ним грузчика? Израэль в ярости закричал в трубку: «Ваш грузчик убил мою жену!» Далее в разговор вступили полицейские. Они выяснили, что в дом №14 по Скотт-стрит был направлен чернокожий мужчина, только что устроившийся на работу. При оформлении на работу документы, из которых следовало, что зовут его Рой Смит (Roy Smith), родом он из города Оксфорд (Oxford), штат Миссисипи. На вопрос, известно ли что-либо о его судимостях, оператор ответила, что Смит, оформляясь на работу, признал наличие судимости за распитие спиртного в общественном месте.

Итак, начало розыску было положено, и начало неплохое! Был известен документ, которым пользовался предполагаемый преступник, и можно было довольно уверенно считать, что этот человек плохо ориентируется в Белтоне и Арлингтоне. Скорее всего, он как-то был связан с Кембриджем, во всяком случае, именно оттуда надлежало начинать его поиск.

Поручение найти Роя Смита вечером 11 марта получил детектив полиции Кембриджа Майк Джакоппо (Mike Giacoppo). Детектив подумал-подумал и решил начать с изучения платёжных документов компании, поставляющей электроэнергию в жилые дома. Паспортного режима, подобного советскому, в США никогда не существовало, а потому самыми полными базами данных о населении обладали дорожные полиции штатов, пенсионные фонды и компании, собирающие плату за коммунальные услуги. Так что логика в принятом Джакоппо решении, безусловно, имелась!

Изучая платёжные документы на протяжении всего 12 марта, детектив обратил внимание на то, что по всем адресам проживания Роя Смита в Кембридже значилась и «Дороти Хант» (Dorothy Hunt). Причём, Смит и Хант

одновременно покидали квартиру, не оплатив последний счёт за электроэнергию. На этом основании Джакоппо сделал предположение, что эта парочка действовала скоординировано, и Дороти Хант является той самой сожительницей подозреваемого, о которой Смит упоминал в баре. Это был очень важный вывод, поскольку по состоянию на 12 марта Рой Смит среди проживающих в Кембридже не числился, а вот Дороти Хант продолжала оставаться в городе. Она была зарегистрирована в доме №93 по Бруклин-стрит (Brookline Street).

В конце рабочего дня Джакоппо решил навестись по этому адресу, дабы навести справки о Рое Смите. Поездка обещала быть совершенно рутинной, детектив был уверен, что подозреваемого в городе нет, но, соблюдая правила работы, он взял в поездку молодого полицейского Билли Кохлина (Billy Coughlin). Ни тот, ни другой не знали, как выглядит Дороти Хант, работает ли она и с кем сейчас живёт, так что действовать приходилось наобум. Полицейские пешком дошли до нужного адреса, Билли зашёл в парикмахерскую, дабы навести там справки, а Майк обратился к маленькой девочке, сидевшей возле подъезда: «Девочка, ты знаешь мисс Дороти Хант?» Ответ оказался неожиданным: «Это моя мама!» Услыхав такое, Джакоппо спросил наугад, известно ли девочке, где сейчас находится Рой? Простодушный ребёнок ответил, что тот сейчас находится вместе с мамой в квартире на третьем этаже.

Поворот оказался во всех отношениях неожиданным, точно в детективном кино. У Джакоппо и Кохлина имелись при себе пистолеты, но не было даже наручников! Не было у них и автомашины и, разумеется, не имелось ордера для входа в жилое помещение. Однако уходить было никак нельзя, ведь подозреваемый мог скрыться за пределы штата и тогда его розыск и экстрадиция могли растянуться на долгие годы!

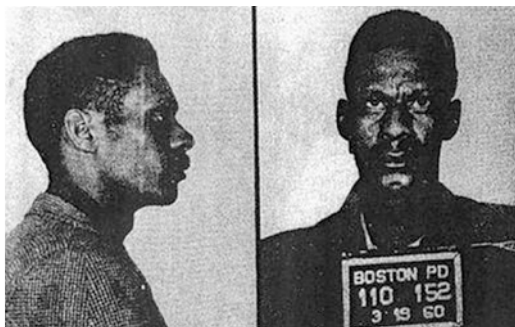
Полицейские решили действовать безотлагательно. Разделившись, они поднялись к квартире на 3 этаже по главной и черной лестницам. Джакоппо вошёл через черный ход, направил на сидевшего в кресле худого чернокожего мужчину пистолет и объявил, что тот задерживается по подозрению в совершении убийства.

Дальнейшее походило более на анекдот, нежели драму. Детективы, сжимая пистолеты в руках, вывели Смита на улицу и повели его в сторону полицейского участка. Кто-то, видимо, позвонил в полицию и сообщил, что белые мужчины в штатском с пистолетами наголо ведут по улице чёрного парня, потому что через считанные минуты на Бруклин-стрит запиликала сирена и появился первый полицейский патруль. Детективы предъявили патрульным свои значки, застегнули, наконец, на запястьях Смита наручники и погрузили задержанного на заднее сиденье полицейского автомобиля.

Все эти детали описываются здесь неслучайно. Рой Смит во время задержания вёл себя довольно необычно — он ни слова не сказал в свою защиту или оправдание! И даже не спросил, кого именно и когда, по мнению полиции, он убил? Рой, безусловно, был шокирован и напуган, но даже в таком состоянии невинные пытаются настаивать на своей невинности... Смит же тупо молчал.

Что показал осмотр места совершения преступления? Про лист бумаги с телефонным номером компании, предоставляющей услуги грузчиков, уже упоминалось. Кроме того, Израэль Голдберг сообщил, что уходя утром на работу, оставил супруге 15\$ наличными для того, чтобы Бесси рассчиталась с грузчиком. Сумма это была составлена из одной банкноты 10\$ и пяти — по 1\$. Деньги эти исчезли — их не нашли ни в доме, ни в карманах одежды убитой женщины. Пропал также кошелёк Бесси, предмет довольно массивный и для переноски в кармане

неудобный.

Рой Смит. В этой книге мы вынуждены будем довольно подробно остановиться на судьбе этого человека, но не только потому, что она интересна сама по себе. Мы вернёмся к этому злобному чернокожему парню во второй части книги, когда будем рассказывать о сравнительно недавних событиях, произошедших уже в 21 столетии. И мы увидим, как старый детективный сюжет заиграет новыми красками в точном соответствии с канонической пословицей:

«у старых грехов длинные тени».

Деталь эта представлялась немаловажной! Более ничего из дома не пропало, хотя на месте преступления имелись и ювелирные украшения, и разного рода ценные мелкие предметы, которые не представляло труда положить в карман. Очевидно, что преступник не ставил перед собой цель завладеть имуществом жертвы.

Судебно-медицинское вскрытие тела Бесси Голдберг проводил доктор Эдвин Хилл (Edwin Hill), преподававший судебную медицину в Гарвардской медицинской школе. Вместе с ним в этой процедуре участвовал Дэвид Доу (David Dow), судмедэксперт округа Мидлсекс,

на территории которого находится Белтон. Согласно их заключению, Бесси Голдберг практически не сопротивлялась нападению. На теле убитой отсутствовали защитные повреждения, а на лице остались очки, чего не могло бы быть в случае активного сопротивления. Женщина подверглась анальному и вагинальному изнасилованию, что подтвердило обнаружение спермы. Причиной смерти явилось удушение руками и чулком, снятым с левой ноги жертвы. Асфиксия как причина смерти сомнений не вызывала — на это недвусмысленно указывали ярко выраженные точечные кровоизлияния на слизистых оболочках. Убийца затянул на шее чулок, но узел не завязал — это была интересная деталь, которую следует здесь отметить.

Имелась и другая интересная особенность, привлёкшая внимание судебных медиков. Подъязычная кость Бесси Голдберг оказалась целой, что выглядело нетипично. Подъязычная кость находится под мышцами языка и довольно подвижна в молодые годы, тем не менее, она часто ломается при повешении в петле, сдавлении горла пальцами или ударах по горлу. Повреждение подъязычной кости является верным индикатором приложения силы к шее человека. С возрастом риск повреждения подъязычной кости при грубых манипуляциях в верхней части горла только увеличивается, что связано с общими процессами роста хрупкости костей, снижения эластичности мышц и связок. Оба судмедэксперта сделали акцент на том, что подъязычная кость Бесси Голдберг, погибшей явно от удушения, осталась цела. Это означало, что к горлу убитой не прикладывалась большая физическая сила, что, казалось бы, явно противоречит картине преступления. Это противоречие требовалось как-то разрешить, и мы в своём месте ещё вернёмся к этому вопросу.

Время наступления смерти судмедэкспертизой опре-

делялось как 15—16 часов 11 марта, фактически врачи «скорой помощи», прибывшие к дому №14 по Скотт-роад одновременно с полицией, наблюдали первые по- смертные изменения.

Всё, вроде бы, сходилось, и схема, которая складывалась в головах следственных работников, представлялась логичной и правдоподобной. Не очень умный преступник — к тому же чернокожий расист с опытом тюремной отсидки! — польстился на доступность беззащитной белой женщины. Его либидо подстёгивалось ссорой с сожительницей и воздержанием, в условиях которого он прожил несколько предшествующих дней. Он увидел на тумбочке 15\$ и посчитал, что это будет неплохим дополнением к сексу с белой женщиной. То, что жертва на 26 лет старше, преступника не смутило — данная деталь его, видимо, мало волновала. Изнасилования пожилых женщин сравнительно молодыми мужчинами не являются чем-то исключительным — такое происходит довольно часто. Рой Смит был нетрезв с самого утра 11 марта — это подтвердила при допросе женщина из фирмы по оказанию услуг, сообщившая обвиняемому адрес заказчика — так что безразличие к возрасту жертвы вполне могло быть объяснено его опьянением.

Полицейский департамент Белмонта никогда не расследовал убийства, поэтому для помощи в расследовании полиция штата экстренно направила на место преступления трёх детективов. Возглавил эту группу капитан-детектив Джон Кахалейн. Именно они приняли на себя основную работу — допросы и анализ улик.

Прежде всего, был проверен на возможную причастность к преступлению Израэль Голдберг. Как отмечалось выше, подозрения в его адрес были сняты довольно быстро — определенность в этом вопросе помогли вне- сти показания детей, игравших неподалёку от дома №14 по Скотт-роад. Правда, между их утверждениями

и показаниями самого Израэля имелось небольшое расхождение во времени: Голдберг утверждал, будто вернулся в 15:50, а дети — в 16 часов. Но эта разница не выглядела принципиальной.

К тому моменту, когда задержанный был доставлен в Белмонт, в здании тамошнего полицейского департамента тусовался журналист Джин Пелл (Gene Pell), фрилансер, как мы назвали бы его сейчас. Находился он там не потому, что был особенно хорошо осведомлён о происходящих событиях, а как раз наоборот — не зная ничего, он старался быть поближе к источнику информации, чтобы уловить первые крохи сенсации, если таковая вдруг возникнет. Именно Пелл в числе первых услышал об убийстве Бесси Голдберг и высказал сопутствующий комментарий: «Женщина однозначно убита Душителем!» Не следует забывать, что после публикаций Лоретты МакЛохлин и Джин Коул всяк в Бостоне брался выносить суждения о характере совершенного преступления, и коли на шее жертвы был завязан чулок, то даже последний полоумный знал, что это дело не обошлось без того самого «Фантома». Поэтому когда задержанный Рой Смит был доставлен в здание полицейского департамента, его встретили не только правоохранители, но и репортёры местной прессы, подтянувшиеся поближе к источнику свежих новостей.

Никто не ожидал такой скорой развязки, но можно не сомневаться, что вид закованного в наручники чернокожего мужчины с большим шрамом на лице произвёл на представителей средств массовой информации немалое впечатление. Полицейские приковали Смита к батарее в холле и дали ему выкурить сигарету. За ту минуту или две, что он курил, его сфотографировали и хорошенько рассмотрели все, кто желал. После этого журналисты наперегонки помчались к телефонам. Ещё бы, им посчастливилось вытащить «джокер», ведь на их глазах

рождалась главная сенсация года: «Фантом» пойман!

Эта фееричная новость никого не могла оставить равнодушным! Тем более, что информация об убийце несла весьма значимый для Америки тех лет расовый подтекст: чернокожий Душитель охотился именно на белых женщин! Это ведь стократ ужаснее того, если бы преступником оказался белый...

«Бостонский Душитель пойман!» — провозгласили в прямом эфире на всю Америку Чет Хантли и Дэвид Бринкли, не забыв охарактеризовать работу полиции штата как «блестящую».

Возбуждение достигло пика на следующий день. В вечерней программе новостей телеканала NBC «The

Huntley — Brinkley report» её ведущие Чет Хантли (Chet Huntley) и Дэвид Бринкли (David Brinkley) поздравили жителей Бостона и штата Массачусетс с окончанием растянувшегося на долгие месяцы кошмара. «Бостонский Душитель пойман!» — провозгласили журналисты на всю Америку, не забыв охарактеризовать работу полиции штата как «блестящую».

Передачу Хантли и Бринкли смотрели миллионы телезрителей по всей территории страны, это был один из самых рейтинговых выпусков новостей. Время на просмотр программы выделяли президенты Эйзенхауэр и Кеннеди, так что невозможно ставить под сомнение её авторитет.

Услышав о поимке «Фантома» от Хантли и Бринкли, жители Бостона могли вздохнуть с облегчением. Кошмар, стало быть, и впрямь закончился! Наверное, немало людей вечером 13 марта облегченно выдохнули: Боже, храни Америку и слава полиции!

21 марта 1963 г. Убийца остаётся на свободе

Рой Смит был доставлен на допрос вечером 12 марта. В допросе принимала участие целая группа представителей правоохранительных органов. Среди них можно назвать Пола Робинсона (Paul Robinson), начальник Департамента полиции Белтона, лейтенанта Магвайра (Maguire), возглавлявшего уголовный розыск полиции Белтона, лейтенанта-детектива Джона Кахалейна (John Cahalane), руководителя группы детективов полиции штата, откомандированных в помощь полиции Белтона, присутствовали, по крайней мере эпизодически, и другие офицеры. Во второй части допроса принял участие Джон Дрони (John Droney), окружной прокурор округ Миддлсекс. Общение с правоохранителями растянулось почти на 12 часов и закончилось только в седьмом часу утра следующего дня. Допрос стенографировался секретарём полиции Белтона Бертой Шер (Berta Shear). Документ этот сохранился и ныне известен, так что обстановку допроса и его конкретные повороты мы можем представить себе довольно хорошо. Хотя... необходимо небольшое уточнение.

Во время допроса был сделан «технический» перерыв, во время которого окружной прокурор Дрони попросил всех полицейских удалиться из комнаты. Вместе с полицейскими вышла, разумеется, и Берта Шер, поэтому никто не знает, о чём же именно разговаривали Дрони и Смит. Пусть читатель самостоятельно поразмыслит над тем, каким мог быть разговор прокурора и предполагаемого убийцы и почему этот разговор состоялся без свидетелей...

Прежде чем разобрать важнейшие детали допроса, имеет смысл уделить некоторое внимание деталям внешности подозреваемого. После задержания Рой Смит подвергся тщательному осмотру. В ходе этой процедуры выяснилось, что с левой стороны лица имеется шрам длиной 5 см, заходящий на нижнее веко. Другой обширный шрам от явно глубокого ранения был у Смита на левом предплечье. По словам задержанного, из-за этой раны он владел рукой лишь частично. Хотя шрамы выглядели как старые ножевые ранения, Рой заявил, что они имеют некриминальную природу и связаны с неудачными падениями на разбившиеся бутылки. Объяснение по своей достоверности соответствовало реплике героя кинофильма «Бриллиантовая рука»: «Шёл, упал, очнулся — гипс!» Кроме шрамов обращал на себя внимание и сильно деформированный нос Смита — его явно ломали, и не один раз!

А вот повреждений на руках подозреваемого не оказалось, что выглядело довольно странно, поскольку при душении нападающему очень сложно избежать травмирования кистей, запястий и предплечий. Даже слабая жертва, хватаясь за руки душителя, обычно оставляет на его коже царапины.

Осмотр одежды Смита также не принёс заслуживающего внимания результата. На брюках Смита был найден след спермы, но из этого, важного на первый взгляд, открытия ничего значимого для обвинения не следовало. Причина крылась в том, что пятно оказалось старым, сильно загрязненным и явно не могло быть оставлено накануне задержания.

Теперь перейдём к допросу. Сначала Роя попросили рассказать о событиях 11 марта, что тот и сделал. По его словам, утром того дня он не пил спиртного, но крепко выпил накануне. Вообще же, как можно понять из имеющейся ныне информации, Рой являлся алкоголиком

и пил не то чтобы почасту и помногу, а вообще постоянно. Так что перегар «со вчера» хорошо объяснял тот запах алкоголя, о котором сообщила полиции работница компании, вручившей Смиту адрес дома Бесси Голдберг. Смит подчеркивал, что не в первый раз обращался для разовой подработки и всегда выполнял порученную ему работу в полном объёме и без нареканий.

В дом госпожи Голдберг подозреваемый явился в двенадцатом часу дня. Хозяйка его накормила и дала чаю, только после этого Рой приступил к работе. Он описал, где и как именно убирался — в трёх больших комнатах отодвигал мебель, мыл окна.

Если начало работы мужчина запомнил хорошо, то со временем окончания здорово напортачил. Он ошибочно заявил — и несколько раз повторил позднее — будто закончил работу в доме Голдбергов в 15:40, т.е. буквально за 10 минут до приезда Израэля Голдберга. На самом деле это было не так, и следствие к тому моменту уже знало, что Смит закончил работу до 15 часов — об этом заявили независимо друг от друга водитель автобуса, завезший подозреваемого в «Парк-сёркл», и клерк в аптеке, продавший Смиту пачку «Pall Mall» ценою 28 центов сразу после 15 часов. Да и показания бармена, налившего Рою пива в баре около Центральной площади Кембриджа в 15:40, отлично соответствовали показаниям первых двух свидетелей. В общем, Рой сильно напутал, а полицейские его, разумеется, поправлять не стали. Ибо эта ошибка фактически обнуляла вероятность того, что в доме №14 по Скотт-роад после ухода Роя Смита появился неизвестный полиции мужчина...

Подозреваемый допустил и другую ошибку. Отвечая на вопрос о заработанных в доме Голдбергов деньгах, он заявил, что за 4 часа работы ему было заплачено из расчёта 1,5 \$/час, т.е. 6 \$, а кроме того, ещё 30 центов он

получил в качестве компенсации за проезд. Своими пояснениями Смит дал полиции хороший аргумент в пользу того, что уходил он из дома именно в 15:40, а не часом ранее. Ведь заплатили-то ему за 4 часа работы, а если рабочее время началось около полудня, то, стало быть, и уходил он около 16 часов! Другими словами, Смит лишил себя возможности изменить свои явно ошибочные показания в будущем, о чём ему предстояло не раз ещё пожалеть...

Помимо непродуманных фраз, обвиняемый допустил и куда более значимые огрехи. Его несколько раз поймали на лжи, хотя, разумеется, не сказали об этом сразу.

О чём идёт речь? Рой Смит попался в очень простую логическую ловушку, подстроенную лейтенантом Кахалейном. Последний спросил подозреваемого, видел ли тот трёх детей, возвращавшихся домой после школы? Причём, вопрос был задан в полуутвердительной форме, дескать, если ты уходил из дома около 16 часов, то должен был видеть трёх школьников, возвращавшихся домой по тротуару... И Рой Смит с готовностью согласился: да, конечно, видел! Дети действительно находились неподалёку от дома Голдбергов, но они не возвращались из школы, а играли с мячом, и было их отнюдь не три человека, а больше. Рой Смит, согласившись неосторожно с ложным утверждением лейтенанта, продемонстрировал готовность лгать, что, разумеется, определенным образом настроило допрашивавших.

Другая ложь оказалась куда более опасной. Официально Рой Смит проживал один в 4-комнатной квартире доме №175 по Нортхэмптон-стрит в Бостоне, именно по этой причине его не смог отыскать в Кембридже детектив Джакоппо. При обыске квартиры полицейские обратили внимание на почтовый ящик, в котором лежали конверты, адресованные некоей «Кэрол Б». Во время допроса у Смита поинтересовались, что это за почтовые

отправления и кто такая «Кэрол Б»? И обвиняемый не придумал ничего умнее, заявив, что ему ничего неизвестно об этой женщине, а почту кладут в ящик, видимо, потому, что адресована она предыдущему жильцу. Формально Смит был прав, почта действительно адресовалась предыдущему жильцу, молодой женщине Кэрол Бэлл (Carol Bell), но она отнюдь не была незнакома Роя. Напротив, они очень даже хорошо знали друг друга! Настолько хорошо, что Кэрол родила от Роя сына по имени Скутер, а после того, как Рой оставил её и прекратил выплачивать назначенные алименты, подала на него в суд. В результате чего Рой Смит отправился в местную тюрьму... Любопытная история, да? Для чего Смит пытался на допросе скрыть факт своего знакомства с Кэрол Бэлл, понять совершенно невозможно, но факт остаётся фактом — Рой Смит принялся наводить тень на плетень и в итоге оказался злобным Буратино самому же себе.

Но даже и не это бессмысленное враньё оказалось самым пагубным! В процессе допроса имел место очень любопытный обмен репликами, который, пожалуй, следует воспроизвести дословно и на языке оригинала, дабы избежать упрёков в неверном пересказе или переводе.

Итак, без всякой связи с предыдущим разговором, Рой Смит неожиданно заявил лейтенанту Магвайру: «Не я здесь Душитель, ты шутишь, что ли? Вот же дерьмо!» («I'm not no Strangler here, are you kidding? Shit.»)

Пауза. Лейтенант Магвайр: «Разве кто-то сказал, что ты Душитель?» («Who said anything about being the Strangler?»)

Рой Смит: «Это то, что вы пытаетесь связать со мной. Я видел этого парня из газеты (очевидно, речь о репортёре Джине Пелле — прим. А.Р.), людей, которые фотографировали меня (в холле полицейского департамента) и всё такое, я видел по телевидению (репортажи о Душителе), и вы пытаетесь связать меня с этим, что ж, продол-

жайте...» («That's what ya'll are trying to put on me. I seen that guy from the paper up there, people taking all the pictures and stuff out there, putting me on TV — you go ahead on and try to prove that stuff, go ahead on...»)

Лейтенант Марвайр (перебивая): «Мы докажем это». («We will prove it.»).

Случившееся следует признать недопустимым «проколом»! Что же произошло, если попытаться проанализировать этот момент допроса с противоположных сторон? Нервы Роя Смита не выдержали и он, понимая, что его подозревают в убийстве белой женщины — собственно, об этих подозрениях ему сказали в момент ареста! — решил заявить, что подозрения эти необоснованны, и он никого не убивал. Поскольку весь Бостон на протяжении многих предшествующих месяцев полнился слухами о Душителе, косноязычный бедолага Смит попытался сказать, что он — не Душител.

Но с точки зрения допрашивавших его полицейских произошло совсем иное. Подозреваемый заявил, что он не Душител, стало быть, он не душил Бесси Голдберг. Но до этого никто ни единым словом не обмолвился о способе её умерщвления! В принципе, её могли застрелить из пистолета, зарезать ножом, столкнуть с крутой лестницы, в конце концов! Но Рой Смит заговорил именно о душении, стало быть, ему известен способ умерщвления Бесси! Вот что произошло на самом деле... И именно эта точка зрения имела значение, поскольку мнение подозреваемого не интересовало должностных лиц, способных влиять на его судьбу.

Таким образом, полицейские, участвовавшие в допросе арестованного, посчитали, что тот склонен ко лжи, запирается и при этом осведомлён о деталях убийства Бесси Голдберг. После этой нелепой эмоциональной оговорки шансов отделаться малой кровью у Роя Смита практически не осталось.

Правоохранители уже не сомневались, что взяли того, кого надо. Более того, детективы полиции штата незамедлительно обратили внимание на адрес, по которому проживал в Бостоне арестованный. Дом №175 по Нортхэмптон-стрит находился на удалении 500 м от дома №394, в котором проживала Модеста Фримен! Та самая чернокожая 37-летняя женщина, что была найдена ранним утром 13 октября 1962 г. за мусорными баками позади дома №791 по Тремонт-стрит. Кстати, расстояние от дома Роя Смита до места обнаружения трупа Модесты Фримен было ещё меньше — примерно 300 м.!

Как видим, от убийства Бесси Голдберг в явном виде мостик перебрасывался к убийству, случившемуся полугодом ранее. Ещё чуть-чуть и найдутся новые интересные совпадения!

На первом допросе Рою Смиту, разумеется, полицейские ничего не стали говорить о возникших в его отношении далеко идущих подозрениях. Впереди была большая работа и большой успех — в этом мало кто сомневался в те мартовские дни.

В конце допроса в здании Департамента полиции появилась Берил Коэн (Beryl Cohen), адвокат по уголовным и семейным делам. Это была молодая женщина, ей не исполнилось ещё и 30 лет, практиковавшая с 1959 г. Она взялась защищать Роя Смита бесплатно. Интересна история её подключения к этому делу. В начале допроса никто не предложил Рою Смиту вызвать адвоката и даже не поинтересовался, нуждается ли он в адвокате? В начале 1960-х гг. на формальные нарушения «правила Миранды» в США смотрели сквозь пальцы, строго говоря, даже такого словосочетания ещё не существовало¹. Об адвокате подозреваемого подумал упоминавшийся выше журналист Джин Пелл. Он дожидался окончания допроса Роя Смита, но убедившись, что тот затягивается, заволновался. Опасаясь, что nepřисут-

ствие адвоката на допросе скажется на судьбе Роя Смита самым неблагоприятным образом, Пелл позвонил своей знакомой адвокатессе Берил Коэн и объяснил складывавшуюся ситуацию. Несмотря на позднее время — а дело шло уже к полуночи! — Берил решилась взяться за это дело, причём бесплатно. Она здраво рассудила, что сенсационный процесс окажется отличной рекламой. Берил немедленно отправилась на розыск Дороти Хант, той самой женщины, в квартире которой был арестован Рой Смит. Получив у Дороти формальную доверенность на представление интересов как её самой, так и Смита, адвокат приехала в здание Департамента полиции и приняла участие в финальной части допроса. К сожалению, к тому времени Рой Смит наговорил уже достаточно глупостей...

В общем, по итогам первого допроса стало ясно, что Рой Смит отличный кандидат не только в убийцы Бесси Голдберг, но и на роль «Бостонского Душителя». Правда, кололи глаза мелкие несуразности. Про явную ошибку Роя Смита в определении времени ухода из дома Голдбергов выше было упомянуто. Не вызывало сомнений, что подозреваемый покинул место преступления

¹ «Правило Миранды» гласит, что каждый подвергаемый аресту должен быть уведомлен о своих конституционных правах и подтвердить должностному лицу, что он понимает сказанное. Инцидент, в результате которого возникло «Правило Миранды» произошёл в июле 1963 г., а решение Верховного суда США, фактически превратившее «Правило Миранды» в жёстко детерминированную и безусловную норму американского правосудия, было вынесено в 1966 г. До этого времени уведомление арестуемого о его конституционных правах имело характер произвольный и не обязательный, хотя Пятая поправка к Конституции США, на которой основывается «Правило Миранды», действует с 1789 г.

не за 10 минут до появления мужа убитой женщины, а примерно за час или даже 1 час 10 минут. А это означает, что в этот интервал можно «вписать» появление в доме №14 по Скотт-роад другого мужчины.

Имелись и другие нестыковки. Из дома пропал кошелёк Бесси. Это был довольно массивный и притом хорошо узнаваемый предмет, который преступник вряд ли понёс в руках открыто. Он должен был его либо быстро обыскать и выбросить, либо во что-то спрятать, скажем, завернуть в газету, засунуть в карман или сумку. Но Смит уходил из дома, не имея ничего в руках. В принципе, он мог держать украденный кошелёк в кармане пальто, однако он несколько раз вынимал из карманов деньги в присутствии нескольких свидетелей, и никто из них не заметил никакого женского кошелька.

В аптеке Рой Смит купил пачку сигарет за 28 центов, и свидетелями этой покупки стал не только продавец, но и следующий покупатель, дожидавшийся, пока Смит рассчитается. Смит оплатил проезд водителю автобуса и разговаривал с ним на конечной остановке. Шофёр видел, как Рой доставал из карманов мелочь и сигареты, и никакого кошелька не заметил! Наконец, бармен в пустом баре потратил некоторое время на разговор со Смитом и тоже не увидел у последнего ничего похожего на кошелёк.

Надо сказать, что следствие быстро поняло, что отсутствие у обвиняемого кошелька является хорошим аргументом в пользу его невиновности. Чтобы объяснить исчезновение улики, было выдвинуто предположение, согласно которому Смит выбросил опасный для него предмет ещё до того, как сел в автобус.

Отлично! Осталось только отыскать улику, что не должно было составить труда, поскольку путь отхода был известен с точностью до метра. На Роя Смита обратили внимание и запомнили его даже те люди, которые

не вступали с ним в непосредственный контакт. Чернокожий мужчина выглядел слишком уж инородно на улицах сугубо «белого» Белмонта, поэтому задача восстановить его путь никаких сложностей не представляла. На протяжении трёх дней — 14, 15 и 16 марта — полицейские Белмонта обыскивали газоны и стоки вдоль маршрута движения Роя Смита после выхода из дома №14 по Скотт-роад.

Ничего, связанного с убийством Бесси Голдберг, отыскать не удалось. Полиция эту неудачу скрyla как от адвоката, так и от суда, о чём мы скажем чуть ниже.

Постепенно вылезали и другие неприятные «косяки». Если Рой Смит убил Бесси Голдберг, то ему волей-неволей пришлось самому открывать дверь на улицу или во двор. Обвиняемый заявил категорически, что к дверям не прикасался вообще — дверь перед ним открывала и закрывала за ним хозяйка дома. Если бы отпечаток пальца или ладони удалось обнаружить на любой из двух входных дверей или воротах гаража, то это послужило бы отличным свидетельством того, что Смит покидал дом без помощи женщины, убитой им к тому времени.

Неудивительно, что адвокат обвиняемого поинтересовался, обнаружены ли отпечатки пальцев Роя Смита на дверях? Вопрос этот оказался очень неприятен для следствия. Не желая давать отрицательный ответ, работник прокуратуры заявил, что... криминалист, якобы, забыл осмотреть двери. Это объяснение следует признать совершенно недостоверным. Дверь при осмотре места преступления является той отправной точкой, с которой осмотр начинается и ею же заканчивается. Сотрудники правоохранительных органов не мечутся по помещению, хватая то, что привлекло их внимание — вернее, не должны метаться!, — а проводят последовательный осмотр предметов обстановки и стен в выбранном направлении обхода¹. При этом дверь осматривается в са-

мом начале, поскольку важно определиться изначально, подвергалась ли дверь взлому или нет. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что детективы и криминалисты пляшут не от печки, а от двери.

Поэтому утверждение, будто криминалист забыл осмотреть обе входных двери и гаражные ворота, выглядит по-настоящему анекдотично. Конечно же, они были осмотрены, но их исследование не позволило обнаружить скрытых отпечатков пальцев обвиняемого. Чтобы не сознаваться в этом, была придумана версия про небрежность криминалиста, позволившая делать хорошую мину при плохой игре, дескать, Рой Смит, конечно же, открывал дверь самостоятельно, и «пальчики» его остались на ручке, и мы бы это безусловно доказали бы, да только криминалист сплеховал!

При этом был найден отпечаток большого пальца правой руки Смита на зеркале в гостиной, на полу которой лежало тело убитой женщины. Данный факт с пафосом неоднократно повторялся как свидетельство того, что мужчина был на месте преступления. Этот довод звучал очень странно, поскольку факт пребывания Роя Смита в доме №14 по Скотт-роад никогда им не оспаривался!

Были в арсенале следствия и другие «открытия» подобного же рода. Так, например, продавец винного магазина, в который Рой Смит трижды заходил во второй половине дня 12 марта, заявил, будто видел в руках обвиняемого банкноты в 5\$ и 10\$, при этом расплачивался он всякий раз банкнотами по 1\$ — из этого прокуратура делала вывод, что Рой забрал деньги Бесси Голдберг,

¹ Обычно справа налево, со стороны выключателя освещения, но направление обхода можно и изменить на противоположное, если это покажется в силу каких-то причин более удобным.

ибо наличности на руках у него оказывалось слишком много. Вывод, конечно же, довольно странный! У Бесси Голдберг не было банкноты в 5\$, а если таковая была у Смита, стало быть, её происхождение никак не могло быть связано с убитой женщиной! Причём, при аресте Роя этих денег при нём не оказалось. Независимо от того, прав ли был продавец магазина или ошибался, совершенно непонятно, что доказывало его свидетельство. Тем не менее, прокуратура считала, что заявления кассира доказывают факт ограбления Смитом убитой женщины, и на этом основании работника винного магазина вызывали в суд, где он давал показания в качестве свидетеля обвинения. Честно говоря, такого рода детали вызывают ощущение некоторой оторопи и заставляют усомниться в адекватной самооценке представителей прокуратуры.

В общем, работа следствия вызывала определенные вопросы. Нельзя не отметить и того, что по окончании следствия был явно нарушен один из азов уголовного процесса, предполагающий безусловное ознакомление обвиняемого со всеми материалами предварительного расследования. Сейчас может показаться удивительным, но ни Рою Смигу, ни его адвокату не была предоставлена такая возможность. Фактически обвиняемому было вручено лишь обвинительное заключение, хотя следует подчеркнуть, что для того времени сие являлось повсеместной практикой, т.е. перед нами не какой-то заговор против именно Роя Смита, а всего лишь процессуальный обычай. Адвокат потребовал доступа ко всем следственным материалам и подготовил список из 8 пунктов, которые ему необходимо прояснить при подготовке к процессу.

Удовлетворен были только 2 из них: адвокату разрешили в сопровождении полицейского осмотреть дом, явившийся местом преступления, а также позволили

прочитать заключение судебно-медицинской экспертизы, запретив, правда, делать из неё выписки. Согласитесь, выглядят подобные ограничения по нынешним меркам довольно странно и даже неожиданно, но таковы были реалии того времени.

Впрочем, рассуждая о суде над Роем Смитом, мы забежали далеко вперёд, поэтому вернёмся во вторую декаду марта 1963 г.

Следствие приложило немало сил к тому, чтобы восстановить историю жизни обвиняемого. Сделать это оказалось довольно непросто, поскольку тот много ездил по стране и жизнь прожил весьма насыщенную.

Родился Рой Смит 4 июля 1927 г.¹ в городе Оксфорд, штат Миссисипи. Семья была большой — у Роя были 2 брата и 3 сестры, а кроме них имелся ещё и сводный брат, которого мать родила в возрасте 14 лет до бракосочетания. Отец Роя работал уборщиком в университете, а мать — официанткой в университетском кафетерии. Рой был единственным из всех детей, не закончившим школу, учёбу он забросил в 14 лет и пошёл работать в продуктовый магазин. Летом 1945 г. Рой был призван в вооруженные силы и прослужил до лета 1947 г.

В феврале 1949 г. Рой Смит первый раз попал в поле зрения недреманного ока Закона. Вместе со старшим сводным братом и ещё одним чернокожим мужчиной он был задержан полицией за употребление спиртного в общественном месте и допущенную публично обценную лексику. Рой проспался, заплатил штраф 20\$ и вышел на свободу, но отметочка о нарушении закона осталась

¹ В документах встречалась дата 4 июля 1928 г., поэтому в обвинительном заключении, подготовленном окружной прокуратурой, указывались обе даты. Точно так же обе даты фигурировали в судебном приговоре.

навечно. В марте 1949 г., т.е. буквально через месяц со времени предыдущего эксцесса, молодой мужчина вторично столкнулся с американским правосудием. В компании двух братьев, в т.ч. и старшего сводного, он совершил кражу со взломом, был быстро разоблачен и препровожден в тюрьму округа. Оттуда он вышел под залог размером 1 тыс.\$, который, кстати, заплатил за него адвокат, взявшийся защищать чернокожих воров от произвола «белого» правосудия из идейных соображений. Кража, совершенная Смитом и его братишками, была на редкость идиотична. Сумрачный негритянский гений надоумил тугую умом тройцу совершить кражу хлопка, собранного на полях вокруг Оксфорда минувшей осенью. У одного фермера они хлопок украли, другому попытались продать количество, равное похищенному, но тот не купил, а сообщил полиции. Так что раскрытие кражи уложилось в одни сутки. Формальное следствие тянулось целый год, и лишь в марте 1950 г. Рой Смит дождался, наконец-таки, окончания этой истории. Его приговорили к 6 месяцам тюремного заключения. Отбывать оное ему надлежало работая на хлопковой плантации, принадлежавшей штату Миссисипи¹.

¹ В США формально не было ГУЛАГа, но заключенные массово горбатились в разного рода каменоломнях, шахтах, на полях и мастерских. Для тех, кто думает, будто заключенные в Миссисипи целыми днями тягали железо в тюремном дворе, можем сообщить, что т.н. лагере «Пэчмен» (Parchman), в котором Рой Смит отбывал наказание в 1950 г., работали кирпичный и лесопильный заводы, скотобойня, швейное производство, механический и обувной цеха, столярное производство; имелось большое подсобное хозяйство, позволявшее минимизировать расходы на покупку питания. Кроме того, заключенные возделывали большие хлопковые плантации, их площадь превышала 20 кв. миль, а общая площадь «лагеря Пэмен» достигала

Все эти детали стали известны полиции Белмонта после получения справки от коллег из Оксфорда, с «малой Родины» подозреваемого. Однако информация из Миссисипи обрывалась на рубеже начала 1950-х гг., что было связано с тем, что Рой вторично поступил на службу в вооруженные силы. Реконструкция его жизненного пути показала, что обвиняемый шёл по жизни весьма прихотливыми зигзагами, но всегда балансировал на грани соблюдения законов. При вербовке в армию в 1950 г. Рой Смит скрыл наличие судимости, что легко понять — в то время бывшие уголовники военное ведомство не интересовали. Прошёл год, прежде чем военная полиция установила факт судимости Смита, после чего его моментально выбросили со службы. После этого для Роя Смита наступила пора странствий — он отправился в Мичиган, где пожил в Чикаго и Детройте, потом перебрался во Флориду... Смит никогда не был женат, но женский пол очень любил и постоянно пребывал в поиске новых отношений. Очень романтичный был мужчина, рассматривал все варианты, не отказывался ни от чего! Для него не имело значения, была ли женщина замужем, и сколько ей было лет. Помимо этого увлечения в жизни Роя было место и другим — бары, выпивка, драки. Сам себя Рой скромно величал «уличным котом», драться был готов всегда и с кем угодно. По-видимому, к 25 годам это был уже законченный алкоголик — его день с выпивки начинался и выпивкой же заканчивался. Понятно, что при таком образе жизни найти нормальную работу довольно

46 кв. миль (~ 120 кв. км). Тюрьма приносила в казну штата более 1 млн.\$ в год, что было огромными деньгами для того времени. Порки заключенных практиковались там до 1971 г. Так что ГУЛАГа в Штатах никогда не было, но каторжный труд вполне легально практиковался до начала 1970-х гг.

проблематично. Рой её и не искал — он перебивался случайными заработками вроде курьера, грузчика и пр. И, по-видимому, постоянно воровал.

С точки зрения виктимологического анализа Роя Смита однозначно следует отнести к лицам высокой виктимности, для которых попадание в криминальную ситуацию является лишь вопросом времени. Рой Смит постоянно ходил по краю. В Мичигане он закрутил роман с замужней девицей 19 лет. Когда муж узнал об этом, произошла памятная встреча с Роем, после которой тот остался с красивым шрамом на скуле и едва не лишился глаза. Из Мичигана пришлось срочно уехать... Во Флориде ситуация повторилась, правда на этот раз Рой заехал в больничку со сломанной челюстью. Свиная грязь найдёт — это воистину сказано про Роя Смита!

После того, как челюсть зажила, Смит перебрался сначала в Нью-Джерси, а потом в Нью-Йорк. Там он 29 января 1955 г. попал в серьёзную передраку. Сначала поссорился с собутыльниками, которые вытолкали его из квартиры, после чего Смит вытащил из кармана револьвер 32-го калибра и трижды выстрелил в дверь. По счастью, пули никого не задели... Разъяренный случившимся, Смит вышел на улицу и решил отправиться домой, но вместо этого почему-то зашёл в обувной магазин. Там находилась только продавщица, посетителей не было. Смит вытащил пистолет, спросил у женщины, знает ли она, что это такое, и принялся стрелять. Точнее, он принялся нажимать на спусковой крючок, но выстрелов так и не последовало. Смит попытался выстрелить не менее 4 раз, в конце концов ему это надоело и он принялся избивать женщину. Та сумела вырваться и убежать в дальнюю часть магазина, после чего Смит потерял к ней интерес и отправился домой. Впрочем, до дома он так и не дошёл — его догнал полицейский патруль, нацепил наручники и доставил в участок.

Во время следствия Смит вёл себя очень глупо и врал напрапалую. Он категорически отрицал факт нападения на женщину в магазине, хотя жертва его опознала, да и пистолет, найденный при Смите, действительно оказался неисправен, что полностью подтверждало слова потерпевшей. Рой заявил в суде, будто непрерывно служил в вооруженных силах с 1947 г., является примерным семьянином и отцом двоих детей — всё это враньё было призвано вызвать расположение судьи, но после раскрытия лжи лишь усугубило положение обвиняемого. В итоге его приговорили к тюремному заключению сроком от 1 до 6 лет.

Рой Смит отсидел в знаменитой тюрьме «Синг-Синг» 2 года и после условно-досрочного освобождения некоторое время пожил в Нью-Йорке. Оттуда он подался в Бостон, по своему обыкновению не оплатив последний коммунальный счёт. Некоторое время Смит вёл себя в Бостоне прилично, но в конце 1957 г. его отправили под арест на 10 суток за угрозы в общественном месте. В 1958 г. его арестовали за интимные отношения с замужней женщиной — не забываем, что в Бостоне были очень сильны католические пристрастия, а в уголовном законодательстве Массачусетса того времени имелась статья, каравшая за участие в адюльтере. Правда, свободы его, в конечном счёте, не лишили, ограничившись штрафом в 25\$ в казну штата, но сам по себе факт очередного судебного преследования надлежащим образом оказался зафиксирован. Кроме того, после 1958 г. следовала целая череда правонарушений, связанных с несоблюдением правил вождения транспортных средств. По меньшей мере, 8 раз Смита наказывали за вождение в состоянии алкогольного опьянения, езду с просроченным удостоверением, оставление места ДТП и пр.

Рассказывая о жизни Роя Смита, мы не зря входим во все эти детали, поскольку именно в них и кроется са-

мая суть истории. Дотошно изучая прошлое арестанта, детективы полиции штата к немалому своему изумлению поняли, что Рой Смит никак не может быть «Бостонским Душителем», поскольку с марта по сентябрь 1962 г. находился в тюрьме штата. Отправила его туда Кэрол Белл по причине весьма прозаичной — Рой не платил деньги на содержание Скутера, которого официально усыновил. Это пребывание в тюрьме означало, что все летние убийства в Бостоне и окрестностях не могли иметь к Рою Смицу ни малейшего отношения. О лучшем alibi и мечтать было трудно!

Правда, оставались серьёзные подозрения, связанные с убийством Модесты Фримен в октябре 1962 г. Напомним, что жертва была чернокожей, проживала неподалёку от Смита, да и труп её был найден в нескольких сотнях метрах от арендованной им квартиры, но убийства белых пожилых женщин явно не имели к Рою отношения.

Именно поэтому никаких заявлений о разоблачении «Бостонского Душителя» никто никогда более не делал. Жители Бостона, должно быть, остались немало удивлены той тишиной в средствах массовой информации, что воцарилась после памятного заявления Чета Хантли и Дэвида Бринкли. Репортёры явно поспешили с подачей непроверенной информации, сенсация так и не родилась!

В принципе, мы можем остановить на этом своё повествование о судьбе Роя Смита, поскольку человек этот явно не тот, кто должен интересовать нас в рамках истории «Бостонского Душителя». Однако для полноты картины скажем несколько слов о дальнейшей перипетиях его жизни. 21 марта 1963 г. состоялось заседание Большого жюри округа Миддлсекс, особого суда, призванного оценить достаточность улик, собранных окружной прокуратурой, для дальнейшего содержания арестованного под стражей. По результатам заседания Рой Смит был

направлен в Бриджуотер для проведения психиатрического освидетельствования, а после его окончания остался в окружной тюрьме без права выхода на свободу под залог.

Следствие растянулось на полгода. Суд проходил в период с 7 по 23 ноября 1963 г., на него прибыли мать и одна из сестёр обвиняемого. Рою Смиту грозил смертный приговор, который в те годы на территории Массачусетса не только выносили часто, но и приводили в исполнение быстро. В общем, ставки были очень высоки.

Присяжные были подобраны из белых мужчин, что, вообще-то, позволяет усомниться в непредвзятости жюри. Нельзя не отметить того, что для белых американцев той поры были характерны не просто расовые предрассудки, а расовые предрассудки именно с сексуальным подтекстом. Ещё в последней четверти XIX столетия, например, в США активно насаждались мифы о том, что мигрирующие в страну китайцы похищают белых женщин с целью продажи их в сексуальное рабство. О борделях с белыми рабынями в китайских кварталах газеты писали как о доказанных фактах, хотя действительности эта болтовня ничуть не соответствовала. В отношении чернокожих предрассудки белых были куда более изощренными. Огромное число линчеваний по всей территории страны было связано с подозрениями в виновности негров в изнасилованиях белых девушек и женщин, причём подозрениями совершенно бездоказательными. Очень часто обвинения в адрес чернокожих выдвигали настоящие преступники, которые принадлежали к белой расе и ложными заявлениями отводили подозрения от самих себя. Все рассуждения на тему секса белой женщины и чёрного мужчины воспринимались белыми мужчинами чрезвычайно болезненно. Понятно, что в судебном процессе, связанном с обвинением негра в изнасиловании и убийстве белой домохозяйки, белые присяжные в нача-

ле 1960-х гг. не могли быть действительно объективны.

Рой Смит в суде не свидетельствовал, хотя в начале суда заявил о своей невиновности. То же самое он повторил и в своём последнем слове. Тактику отказа от дачи показаний следовало признать разумной — она давала законную возможность избежать прямых вопросов обвинения подсудимому и тем самым не позволяла обсудить прежние судимости Смита и его антиобщественное поведение до момента убийства Бесси Голдберг. Обвинение пригласило для дачи показаний 54 свидетеля, защита — ни одного. Почему так случилось, понять легко — у Роя Смита попросту не было друзей, которых можно было показать в суде. То есть какие-то собутыльники, безусловно, могли бы поручиться за него, но обвинение попросту раздавило бы их вопросами о прежних судимостях, источнике доходов, числе разводов и брошенных детях. Это были те друзья, про которых говорят, что с ними и врагов не надо. Свидетельские показания друзей Смита могли повредить ему больше, чем помочь.

Присяжные, находившиеся во время процесса в полной изоляции от средств массовой информации, не знали об убийстве президента Джона Кеннеди. Лишь после окончания процесса и последнего слова подсудимого судья сообщил им о гибели государственного руководителя. Присяжные ушли в совещательную комнату вечером 22 ноября, а вернулись с готовым вердиктом в 11:25 на следующий день. Своим решением они признали доказанной виновность Смита в ограблении и убийстве Бесси Голдберг, однако факт изнасилования посчитали недоказанным. Кроме того, они сочли, что обвиняемый достоин того, чтобы к нему не применялась смертная казнь. Этот вердикт, конечно же, нельзя не признать очень странным, но тайна совещательной комнаты не подлежит оглашению ни при каких обстоятельствах, а потому сейчас нет никакой возможности ре-

конструировать обсуждение этого двусмысленного решения.

Обвиняемый был приговорён судьёй Чарльзом Болстером (Charles Bolster) к пожизненному заключению. На этом Рой Смит бесповоротно исчезает из нашего повествования, а вот история убийства Бесси Голдберг в нём остаётся. И по причине весьма веской — как мы увидим из последующего хода событий, имеются серьёзные основания сомневаться в том, что именно Рой Смит убил Бесси.

Но... тут мы вынуждены остановиться и вернуться к жёсткому соблюдению хронологии событий. До ноября 1963 г., когда Рой Смит оказался признан виновным в преступлении, по-видимому, совершенным не им, произошло много важных событий, мимо которых пройти никак нельзя.

6 мая 1963 г. Убийство Беверли Саманс

Около 22 часов 9 апреля 1963 г. с интервалом в полчаса неизвестный мужчина напал на двух студенток Северо-Восточного университета (Northeastern University), возвращавшихся с занятий. В обоих случаях преступник действовал в схожей манере — быстро приближался к жертве сзади, с силой затягивал шарф на её шею, начал душить, после чего бросал девушку на землю и убегал. Описания нападавшего оказались в обоих случаях схожи — высокий, худощавый, неряшливо одетый молодой человек, от которого исходил отвратительный запах. Одна из потерпевших сообщила об отсутствии у преступника зуба на верхней челюсти слева. Другая девушка увидела, что у неизвестного во время нападения были растёгнуты джинсы и выглядывал пенис. Одна из девушек сумела дважды ударить неизвестного ногой и закричать, её крик привлёк внимание проходившего неподалёку мужчины, тот приблизился к месту происшествия, заставив тем самым нападавшего бежать. Другая сообщила полиции, что мужчина, перед тем как напасть, произнёс угрожающую фразу, что-то вроде: «Ты причина моих проблем!»

Никаких сексуальных действий преступник не осуществлял, ничего связанного, кроме единственной упомянутой выше фразы, не произносил. Нападения выглядели совершенно глупыми и безмотивными.

Казалось довольно очевидным, что нападавший не мог быть «Бостонским Душителем», если последний, конечно, вообще существовал... Скорее всего, это был вуайерист, испытывавший приступ ярости из-за отсутствия

эрекции и выплеснувший свои эмоции таким вот агрессивным способом.

Однако представлялось важным и кое-что ещё. Оба инцидента произошли на удалении 100—150 м от дома, в котором проживала Анна Слесерс, первая пожилая женщина, которая, как считали журналисты и общественное мнение, погибла от рук неведомого «Фантома». Вуайерист, напавший на девушек, появился в этом районе не случайно — если бы это место не являлось для него значимым, он бы сразу покинул его после первого нападения. Но он не ушёл, а стало быть, фантазии, связанные с этим районом, подогревали его половое чувство. Кроме того, нападавший пытался душить девушек, тем самым повторяя действия «Фантома».

Чем дольше будут оставаться нераскрытыми зловещие убийства, тем больше была вероятность появления новых подражателей. Неразоблаченные преступники часто становятся легендами преступного мира, уголовники и люди с неустойчивой психикой стремятся им подражать, полагая, что такое копирование принесёт удачу. По этой причине бостонской полиции важно было отыскать напавшего на студенток 9 апреля. Хотя данные деяния не имели серьёзных последствий для жертв и не квалифицировались как тяжкие преступления, шербатого парня в дурно пахнущей одежде следовало остановить!

Начальник бостонской полиции Эдмунд МакНамара поручил «разобраться» с этой историей. Созданный ещё летом 1962 г. по его инициативе «отряд по расследованию сексуальных нападений» в составе 50 полицейских из разных подразделений городской полиции был срочно ориентирован на расследование описанных выше инцидентов.

Детективы быстро обратили внимание на то, что приметы преступника хорошо соответствуют внешности Артура Эрроу, того самого дебила, о котором ранее сооб-

щал ясновидящий Пол Гордон. Его фотографии были предъявлены потерпевшим — и вуаля! — девушки опознали энергичного дебила. Детективы бросились проверять, где тот находился 8,9 и 10 апреля и с удивлением узнали, что Артура из Бриджуотера выпустили! Учреждение было переполнено, тяжких преступлений за большим не значилось, время действия судебного приказа истекло, и потому оснований держать молодого мужчину в изоляции не имелось. То, что полиция подозревала его в убийствах, не могло служить причиной лишения свободы, поскольку формальных обвинений в отношении него не выдвигалось. Получалось, что Бэрроу свободно гулял по городу более месяца...

В общем, случилось в точности по пословице — не было бы счастья, да несчастье помогло. Вплоть до апрельских инцидентов у правоохранительных органов не было формальных оснований связывать Артура Бэрроу с насильственными действиями в отношении женщин, хотя информация такого рода и поступала полиции. Всё, что можно было вменить Бэрроу, выглядело не очень серьёзно — бродяжничество, вторжение в чужую собственность, хищения... За такое признанного дебила не отправят за решётку надолго. А вот после 9 апреля ситуация изменилась радикально, теперь Бэрроу можно было отправить под замок на многие годы и за это время как следует изучить его возможную причастность к убийствам 1962 г.

Артура быстро нашли, арестовали за апрельские нападения и, получив необходимый судебный приказ, определили в Бриджуотер. После этого плотно взялись за проверку обстоятельств его жизни до 19 августа 1962 г., т.е. до момента ареста. И чем больше работали детективы, тем больше в прошлом Артура обнаруживалось странных деталей и совпадений.

Выяснилось, например, что одна из сестёр арестован-

ного проживала в том же доме, что и Маргарет Дэвис, женщина, убитая в отеле в ночь на 10 июля 1962 г. Артур несколько раз приходил к сестре по ночам и наобум нажимал кнопки домофона, требуя, чтобы его пустили в подъезд. Его полночные звонки несколько раз будили Маргарет Дэвис, и та в конце концов пожаловалась на его поведение сестре Артура, пригрозив, что сдаст его полиции.

Один из психиатров, работавший с Бэрроу в сентябре 1962 г., сообщил, что тот однажды захотел поговорить об удушениях женщин в Бостоне. Разговору помешало то, что врача отвлек телефонный звонок, и в результате разговор не состоялся. Вернуться к этой теме у врача в дальнейшем не получилось — он уволился буквально на следующей неделе и забыл думать о Бэрроу, пока в конце апреля 1963 г. не узнал случайно от бывших коллег, что того подозревают в убийствах пожилых женщин. После этого психиатр обратился в полицию.

Были получены и иные интересные свидетельства. Одна из сестёр Артура заявила во время допроса, будто тот летом 1962 г. признался ей в совершении убийств, приписываемых «Фантому». Разговор происходил, если верить женщине, в присутствии второй сестры. Это свидетельство могло бы быть очень важным, если бы не неприятная заковыка — вторая сестра не подтвердила данное заявление. Полиция не имела оснований доверять сестре, утверждавшей, будто брат сознавался в убийствах, по одной очень простой причине — она могла его оговаривать, желая добиться помещения Артура в спецлечебницу. Другими словами, женщина могла сводить с ним счёты руками правосудия. Не следовало забывать, что Бэрроу тиранил сестёр и не раз серьёзно избивал их, женщины явно были запуганы братом, и поэтому возможность оговора нельзя было исключать.

Выяснилось, что Бэрроу регулярно получал талоны

на питание в различных церковных приходах, в т.ч. и в той церкви, куда ходила Анна Слесерс. Имелись и иные совпадения такого же рода, но все они упирались в неразрешимую загадку, ответ на которую имел принципиальное значение: мог ли умственно отсталый человек совершать сложные преступления, подобные тем, что приписывались «Бостонскому Душителю»? Если нет, то все совпадения являлись всего лишь совпадениями...

Полицейские ставили под сомнение диагноз психиатров. По их мнению, хотя IQ Бэрроу был формально ниже 70, и тот официально признавался дебилом, сие вовсе не означало его функциональной неспособности лгать, перспективно мыслить и действовать злонамеренно. Детективы считали, что Артур совсем не так глуп, как кажется, он искусно играет роль тупого и водит научных светил за нос. По требованию детективов судебные психиатры несколько раз различными методиками проверяли его уровень интеллекта. Всякий раз IQ Бэрроу оказывался стабильно ниже 70, что не позволяло считать его нормально развитым человеком.

Артур на несколько лет застрял в Бриджуотере и, хотя подозрения с него так и не были сняты полностью, все события, произошедшие после апреля 1962 г., с ним связать уже было невозможно.

6 мая 1963 г. произошло новое преступление, хотя по воле случая, известно о нём стало гораздо позже.

Последний день жизни Беверли Саманс (Beverly Samans), 23-летней аспирантки Бостонского университета, оказался наполнен всевозможными событиями. Многие люди пытались восстановить поступки Бев в те часы, рассчитывая отыскать в них подсказку к пониманию того, что произошло с нею. Поэтому мы довольно уверенно можем судить о том, чем занималась Беверли и чего она не делала точно.

Около 8 часов утра 5 мая, в воскресенье, её голос

услышала студентка, проживавшая в квартире по соседству. Беверли занималась распевкой, исполняя оперные арии под аккомпанемент кухонного комбайна, взбивавшего яйца для омлета. Саманс проживала в доме №4 по Юнивёсити-роад (University Road) — в этом здании на протяжении многих десятилетий арендовали жильё лица, так или иначе связанные с Кембриджским университетом, поэтому местных обитателей трудно было удивить экстравагантным поведением. Соседка Бев знала, что та закончила консерваторию по классу вокала и планировала театральную карьеру, поэтому утренние распевки никому никаких проблем не создавали.

Затем Бев направилась во Второй унитариянский храм, находившийся в небольшом городке Бруклин, северо-западном пригороде Бостона. Там она приняла участие в репетиции хора, после чего умчалась на другую репетицию, которую проводила группа студентов, решившая своими силами поставить оперу. На это Бев потратила остаток дня и вечер. Лишь к 20:30 она добралась-таки до своей квартиры, но, не имея желания готовить самостоятельно ужин, отправилась в ресторан, расположенный рядом с домом. Там она в 21 час встретила со знакомой аспиранткой, в обществе которой провела почти два часа. Они вместе поели, живо обсуждая университетские новости, и разошлись около 23 часов.

Беверли пребывала в прекрасном расположении духа. Её ничто не тревожило, и она была полна планов на будущее, в частности, рассказывала, что после предстоящей в июне защиты магистерской диссертации намерена отправиться в Нью-Йорк на прослушивание в «Метрополитен-опера». Беверли исследовала вопрос использования музыки в реабилитации тяжёлых пациентов и работала дважды в неделю консультантом в больнице штата в Медфилде («Medfield State Hospital»), а кроме того, му-

зыкальным терапевтом в школе для детей с задержкой умственного развития имени Уолтера Ферналда. Хотя Саманс считала музыкальную терапию очень перспективным направлением медицины, но своё будущее с медициной не связывала и намеревалась профессионально заняться музыкой. Об этом она и говорила в последние часы своей жизни.

После того, как Беверли Саманс покинула ресторан, никто более её не видел. 6 мая Бев нигде не появлялась. 7 числа — то же самое. 7 мая был днём рождения матери Беверли и та её не поздравила, не послав открытки и не позвонив — такого ранее никогда не происходило. Это обстоятельство очень встревожило близких Беверли, но в тот день они никаких действий не предприняли. 8 мая забили тревогу знакомые Саманс: утром Бев не явилась на репетицию церковного хора, а во второй половине дня не появилась на повторной репетиции. Её отсутствие показалось подозрительным. Мэри Вивьен, подруга Саманс, приехала к ней домой, но поскольку дверь никто не открыл, направилась к другу Бев, дабы навести справки у него. Друга звали Оливер Чемберлин (Oliver Chamberlin), он был на 10 лет старше Беверли. Их сблизила увлеченность музыкой — они вместе учились в консерватории, закончили её в один год, их дружеские отношения продолжались уже более 3-х лет, никогда не перерастая, впрочем, во что-то большее.

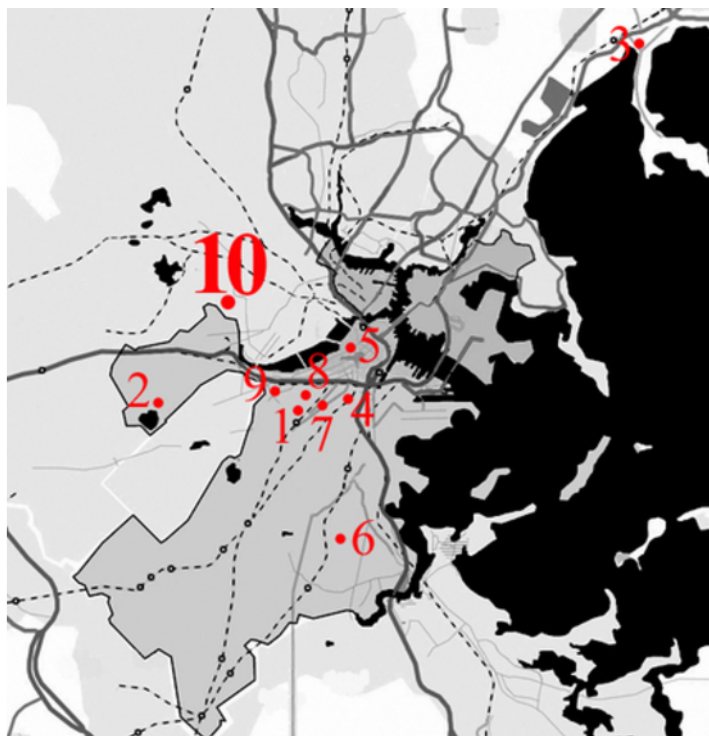
Мэри Вивьен не застала Оливера дома и написала ему записку, в которой сообщила, что тревожится за Беверли, и просила мужчину выяснить, что происходит. Оливер появился дома примерно в 19:30, прочитав записку Мэри, он немедленно отправился на 4-ю Юнивёрсити-роад. Хорошо знакомую ему дверь на втором этаже никто не открыл, но мужчину это не остановило — он имел свой ключ и воспользовался им. Квартирка Беверли была совсем небольшой — прихожая, кухня и две

комнаты, одна из которых являлась гостиной и спальней, а вторая служила складом для вещей и одежды. Долго искать Беверли не пришлось — её обнаженное тело, залитое кровью, находилось в гостиной на раздвинутом диване, служившем кроватью.

Убитая лежала на спине с раздвинутыми ногами, левая нога не поместилась на диване и свешивалась, достигая пола. То, что молодая женщина именно убита, а не умерла естественным образом, сомнений не вызывало — на шее Беверли были завязаны какие-то перепутанные тряпки, а рот закрывал тонкий платок... невозможно было представить, чтобы человек умер с таким вот аккуратно лежащим на лице платком. Левая сторона груди была вся в крови, в глаза бросалось большое количество порезов, не один, не два и даже не десять — намного более десятка. Оливер убрал с лица убитой платок и увидел, что в раскрытый рот Беверли засунута какая-то тряпица — мужчина принялся вытаскивать её изо рта. Это, конечно же, очень странные и труднообъяснимые манипуляции, строго говоря, сам же Оливер впоследствии так и не нашёл какого-то рационального объяснения тому, что он делал в первые минуты после обнаружения трупа. Его действия не только исказили место преступления, оставленное убийцей, но и до некоторой степени обесценили улики, которых касался преступник. Оливер Чемберлин оставил собственную ДНК на уликах, тем самым значительно понизив вероятность выделения с их поверхности генетического материала убийцы.

Очень жаль...

Оливер, потрясенный увиденным, провёл на месте совершения преступления минуту или даже более, не понимая, что именно следует предпринять. Когда прострация миновала, и способность мыслить рационально вернулась, мужчина бросился к телефону, чтобы вызвать полицию.

Карта Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения в 1962—1963 гг, которые связывались средствами массовой информации с таинственным «Фантомом». Эпизоды пронумерованы в хронологическом порядке. Красная точка под номером 10 обозначает место убийства Беверли Саманс 6 мая 1963 г в Западном Кембридже.

Департамент полиции Кембриджа принял дело к расследованию, но немедленно оповестил о произошедшем полицию штата, поскольку с самого начала преступление

выглядело очень необычным.

Ощущение необычности случившегося на 4-й Юни-вёсити-роад по мере сбора информации только возрастало. Про засунутый в рот убитой девушки платок было упомянуто выше, но кроме этого, оказалось, что руки Беверли связаны за спиной разноцветным шерстяным шарфом. Причём узла на шарфе не было, один его конец оказался 5 раз обёрнут вокруг левого запястья, а другой — 6 раз вокруг правого. В принципе, от подобного связывания освободиться совсем не сложно даже без посторонней помощи, для этого надо лишь на минуту остаться в одиночестве, но преступник, по-видимому, не предоставил жертве этой минуты...

Ещё при осмотре тела на месте его обнаружения стало ясно, что завязанные на шее трупа белый шарф и два нейлоновых чулка не использовались для душения. Они не врезались в кожу и скорее походили на элемент украшения, нежели орудие убийства. Хотя при первом взгляде казалось, будто Беверли Саманс душили, на самом деле она не была задушена, и strangulationного следа на её шее не оказалось!

Это выглядело очень необычно, поскольку все женщины, чьё убийство приписывалось «Фантому», умирали от удушения.

На краю умывальника в кухне был найден испачканный кровью нож с длиной лезвия 12,5 см, принадлежавший Бев. Судебно-медицинская экспертиза показала, что раны Саманс наносились именно этим ножом.

Для записей Бев использовала большую рабочую тетрадь, скрепленную пружиной. Она была найдена в холщовой сумке, с которой девушка имела обыкновение ходить на занятия. Изучение тетради показало, что последняя запись в ней датируется 4 мая.

На небольшом столике, стоявшем у разложенного дивана, находилась портативная пишущая машинка.

Преступник положил окровавленный нож на край кухонной мойки, очевидно, намереваясь смыть кровь, но забыв это по какой-то причине сделать. Нож принадлежал Беверли, а группа крови на его лезвии совпала с группой крови потерпевшей. Это означало, что убийца не принёс оружие с собой, а воспользовался тем, что обнаружил в квартире. Интерпретировать подобную неподготовленность можно было по-разному, например, тем, что преступник не планировал нападение. Либо его криминальной опытностью и опасением быть задержанным с оружием в кармане. Для досрочно освобожденного подобное задержание означало возвращение в тюрьму.

В неё был заправлен лист бумаги, в верхней части которого было напечатано число «18» и заголовок «Факторы, предопределяющие мужскую гомосексуальность» («Factors Pertaining to the Etiology of Male Homosexuality.») Это была страница магистерской диссертации, которую Беверли Саманс предстояло защищать в июне. Никаких книг, записей или черновиков рядом не было, что выглядело довольно странно, ведь формат научной работы предполагал использование каких-то источников. Озна-

чало ли это, что убийца забрал их с собою? Если да, то для чего он это сделал: потому ли, что его заинтересовала тема диссертации или потому, что на бумаге остались его отпечатки пальцев? Исчезновение текста диссертации привело к появлению версии, согласно которой убийца являлся гомосексуалистом, опрошенным ранее Беверли. Испугавшись того, что его тайный порок станет известен из-за упоминания в тексте научной работы, этот человек решился устранить самым радикальным образом как автора, так и сам труд.

Судебно-медицинское вскрытие, проведенная судебным экспертом округа Миддлсекс (Middlesex) Питером Дельмонико (Peter Delmonico), показало, что Беверли Саманс погибла из-за сердечной недостаточности, обусловленной быстрой кровопотерей. Ей было нанесено в общей сложности 21 ранение: удары ножом и поверхностные порезы, из которых 4 располагались на боковых поверхностях шеи — по 2 справа и слева — а остальные 17 оказались сконцентрированы на левой стороне груди. Из их числа 5 ударов проникали в грудную клетку на глубину 10 см, они повредили левое лёгкое и плевральную полость, вызвав гемопневмоторакс (заполнение кровью плевральной полости). Ножевые раны и порезы образовывали на груди жертвы круг, очевидно, процесс их нанесения был растянут во времени. Преступник, по-видимому, сначала связал жертве руки за спиной и заткнул рот кляпом, и только после этого принялся работать ножом.

Хотя Беверли была полностью обнажена, преступник не совершал с нею полового акта. На это явственно указывало отсутствие специфических следов и повреждений, а также спермы на теле и в его полостях. Не оказалось спермы и на предметах окружающей обстановки. С точки зрения тогдашних представлений о девиантном поведении это выглядело довольно необычно.

Время наступления смерти было отнесено экспертизой к первой половине дня 6 мая 1963 г. Данный вывод хорошо коррелировался с информацией, ставшей известной в ходе расследования: Бев видели на протяжении всего 5 мая разные люди в разных местах, и её перемещения в тот день были восстановлены с высокой точностью.

Фотография дома, в котором была убита Беверли Саманс, в одной из газет тех дней. Чёрная стрелка указывает на окно комнаты, в которой находилось тело.

А вот уже 6 числа молодая женщина выпала из поля зрения друзей и знакомых. 7 мая у матери жертвы —

Минни Саманс — был день рождения, и Беверли в тот день не позвонила и не прислала телеграмму, что выглядело крайне нехарактерно для неё. Так что можно было не сомневаться, что 7 мая Беверли уже не было в живых.

Что происходило в день убийства в доме и на прилегающей к нему территории? Появлялся ли кто-то подозрительный? Как преступник нашёл свою жертву? Полиция Кембриджа приложила большие усилия для реконструкции событий того дня и выявления свидетелей подозрительной активности. Прорабатывались сразу несколько версий, которые как допускали связь убийства Беверли Саманс со случаями удушений в Бостоне, так и рассматривали его вне этого криминального подтекста.

Строго говоря, Саманс не была задушена, поэтому вряд ли обоснованно было приписывать её гибель делу рук таинственного «Фантома», сам факт существования которого относился всецело к области гипотез. Вместе с тем, сама обстановка места преступления сильно напоминала места проживания жертв «Бостонского Душителя»: небольшая квартира в старом доме, не первый этаж, жертва проживает одна... Убитая была связана с медициной — она работала в больнице и готовилась получить диплом врача. С больницами были связаны некоторые из предшествующих жертв: Джейн Салливан и Хелен Блэйк до выхода на пенсию работали медсёстрами, Нина Николс была врачом, Анна Слесерс на момент убийства лечилась амбулаторно и ходила в больницу для получения внутривенных инъекций. И точно так же амбулаторно лечилась Ида Ирга, правда не там, где лечилась Слесерс. Если преступник действительно был связан с медицинскими учреждениями и знал о наличии такой связи у жертв, то эта осведомленность хорошо объясняла ту лёгкость, с какой убийца проникал в квартиры одиноких женщин.

Связь некоторых из убитых с лечебными учреждения-

ми показалась кембриджским детективам очень подозрительной. При поддержке полиции штата была начата обширная и длительная проверка медицинского персонала больниц Бостона и пригородов. Детективы искали мужчину-женоненавистника средних лет, не имеющего уголовного прошлого и сменившего за последние год-полтора несколько мест работы. Проверке подвергались как врачи, так и средний медперсонал, работа эта растянулась надолго, и интерес к ней с течением времени не только не ослабевал, но напротив — возрастал. Во второй половине 1963 г. версия «сумасшедшего врача», назовём её условно так, стала рассматриваться руководством правоохранительных органов как одна из самых обоснованных.

Одновременно с этим полиция Кембриджа двинулась в другом направлении, точнее даже, нескольких направлениях.

Прежде всего, детективы заинтересовались личной жизнью одинокой 26-летней женщины. И тут ждала масса довольно неожиданных открытий. Прежде всего, выяснилось, что в 1954 г. совсем юная тогда Бев вышла замуж за парня старше её на год. Брак продлился буквально несколько дней. Когда юноша привёл молодую жену в свой дом, чтобы представить родителям, разразился грандиозный скандал: дело заключалось в том, что молодой человек являлся католиком, а Беверли происходила из семьи ортодоксальных иудеев. Напуганные яростной реакцией родителей мужа на известие о бракосочетании, молодые люди поспешили развестись. Об этом замужестве, продлившемся всего 3 дня, Беверли никогда не рассказывала своим родителям — они узнали об этом эпизоде жизни дочери только после её смерти от полицейских и долго не могли поверить в реальность подобной истории.

Но не это самое интересное! Свидетельница, расска-

завшая детективам о событиях 1954 г., сделала интересное дополнение. Со ссылкой на слова Беверли, её муж, как она выяснила через некоторое время, оказался гомосексуалистом.

Беверли Саманс.

История повторилась уже в 1960-х гг., когда в жизни Беверли появился мужчина, имевший настолько серьёзные намерения, что она осенью 1962 г. даже ездила знакомиться с его родителями, но... в конечном итоге оказалось, что мужчина этот гомосексуалист, и отношения с Бев нужны ему лишь для маскировки нетрадиционной ориентации. В Бостоне жил его любовник, и мужчину приезжал к нему на выходные, при этом всем заявлял, что едет к невесте. Этот человек находился в Бостоне в последние дни жизни Бев и уехал из города в первой половине 5 мая, т.е. менее чем за сутки до убийства.

Беверли была крайне утомлена этими отношениями и жаловалась подругам на эмоциональное опустошение.

Её унижала та роль, которая отводилась ей «женихом», и в особенности то обстоятельство, что последний познакомил её со своим любовником. В общем, это были очень странные отношения, не имевшие, с одной стороны, никакой перспективы, а с другой — совершенно не доставлявшие радости. Казалось бы, для чего Беверли их поддерживать, почему бы не найти нормального мужчину?

Бев рассудила точно также и, согласно показаниям её подруг, с начала 1963 г. предприняла в этом направлении активные действия. В её жизни появился некий молодой мужчина, заявивший через неделю знакомства, что хочет на ней жениться. Такая прыть насторожила Бев, она была женщиной неглупой и заподозрила в поведении нового друга некую корысть.

Помимо этого энергичного молодого человека, Беверли попыталась завязать отношения с другим, более солидным и старше возрастом. Это был преподаватель университета, мужчина женатый и успешный, он, по-видимому, очень нравился Беверли. Однако, он даже не понял её заигрываний и как-то раз довольно небрежно высказался о её женских достоинствах, сильно задев самолюбие. Никаких отношений между ними так и не возникло...

В общем, личную жизнь убитой женщины сложно было назвать упорядоченной. В жизни Беверли были мужчины, но это были «не те» мужчины, которые действительно были ей нужны. К весне 1963 г. она была эмоционально опустошена и глубоко не удовлетворена личной жизнью. Бев сетовала подругам, что чувствует себя какой-то ненормальной, поскольку притягивает мужчин слабых и неинтересных, а те мужчины, которые интересны ей, остаются совершенно к ней равнодушны. Это довольно типичная жизненная ситуация, которая встречается сплошь и рядом, но полицейских Кембриджа она

интересовала не сама по себе, а лишь как фон, способный объяснить поведение жертвы преступления.

Мог ли с Бев расправиться кто-то из её знакомых? Могла ли она в последние дни жизни неосторожно завязать знакомство с таким человеком, от которого следовало бы держаться подальше? Разумеется, детективам надлежало увидеться со всеми мужчинами, возникавшими в жизни Беверли Саманс в последние месяцы её жизни, а также буквально по минутам восстановить события последних дней, дабы выяснить, не было ли в это время опасных встреч и знакомств, оставшихся неизвестными для подруг и родственников.

Как видим, работа предстояла большая. Но этим исследование не ограничилось.

В частности, выяснилось, что в январе 1963 г в квартире Бев обвалилась штукатурка с потолка. Причина оказалась тривиальной — этажом выше имела место протечка воды, которая через межэтажное перекрытие пошла вниз, в результате чего отсыревшая штукатурка отвалилась на площади около 8 м². Друзья советовали Беверли съехать, но та отказалась, поскольку домовладелец за свой счёт сделал ремонт и заменил поврежденную мебель и полы. Ремонт в квартире Саманс занимались двое рабочих. После убийства Беверли они попали под подозрение, поскольку знали жертву и могли под благовидным предлогом войти в её жилище. У обоих оказались проблемы с доказательством *alibi*, а потому оба надолго оказались в эпицентре пристрастного интереса правоохранительных органов.

Отрабатывалась и совсем иная версия, согласно которой убийство Беверли Саманс явилось делом рук местного жителя, незнакомого жертве или малознакомого ей. Этот человек не имел отношения к удушениям женщин в 1962 — 1963 гг. в Бостоне и пригородах, при этом не исключалось, что он быть связан с медицинскими учрежде-

ниями, но не работой, а лечением. Всё-таки странности поведения преступника, раздевшего жертву, но не совершившего с нею половой акт, выглядели слишком уж ненормальными. В рамках отработки этой версии детективы приступили к изучению жителей Кембриджа, признанных душевнобольными, причём проверялись как те, кто совершал ранее противоправные действия на сексуальной почве, так и не замеченные прежде ни в чём подобном.

Нива оказалась весьма щедрой, она подарила следствию целый букет ярких персонажей, поведение которых было способно поставить в тупик даже самых опытных детективов. Их особое внимание некий Бредли Уоринг Щерещевский (Bradley Waring Schereschewsky), предпочитавший, чтобы его называли «Барри».

Родился «Барри» в 1935 г. в семье школьного инспектора, получил образование в одном из самых престижных колледжей Новой Англии и имел, казалось бы, неплохие жизненные перспективы, однако, проблемы психиатрического профиля поставили крест на любых вариантах карьеры, связанной с работой с людьми. Поначалу «Барри» производил на людей хорошее впечатление, однако буквально со второй или третьей встречи начинали бросаться в глаза разного рода странности в разговоре, одежде и поведении. Молодой мужчина перебивался случайными или сезонными заработками, либо устраивался на работу, мало соответствовавшую статусу представителя среднего класса. То он подвизался могильщиком на кладбище, то продавцом в бакалейном магазине, то грузчиком на складе. В летние месяцы ему удавалось устроиться в какой-нибудь скаутский лагерь для мальчиков, «Барри» вообще тяготел к преподавательской деятельности, но его обычно выгоняли через месяц работы с подростками или даже ранее.

Первый раз Барри заехал в психиатрический стаци-

онар осенью 1959 г., и привели к тому обстоятельства довольно необычные. 22 сентября того года Барри попытался изнасиловать собственную мать, а когда отец попытался остановить его, Барри избил последнего. Отец не оказывал сопротивления и прибывшему наряду полиции жалоб не заявил. При опросе детективами Барри простодушно брякнул, что иметь половые отношения с собственной матерью — это нормально и ему непонятно, почему отец с ним не соглашается... В общем, Барри наговорил столько неожиданного, что полицейские отвезли его в психиатрическую лечебницу в Дэнверсе (Danvers), в учреждение с весьма дурной славой и мрачной аббревиатурой SLH (State Lunatic Hospital) на фасаде. В эту скорбную юдоль мужчина с тех пор попадал с завидной регулярностью.

Его не направляли в Бриджуотер, поскольку он, строго говоря, преступником не считался, хотя, безусловно, был подвержен приступам гнева, во время которых представлял угрозу для окружающих.

Щерещевский проживал на Гарвард-стрит примерно в 1,5 км от дома Беверли Саманс. Он хорошо знал тот район, поскольку мимо дома №4 по Юнивёсити-роад летом 1962 г. ходил на кладбище Маунт-Оберн, где работал могильщиком. Барри не имел водительских прав и, соответственно, не водил машину, поэтому 3 км до кладбища и обратно преодолевал пешком. Он вполне мог неоднократно встречаться с Бев и выяснить место её проживания, причём, вовсе не обязательно, что он изначально вынашивал некие злокозненные планы. На протяжении многих месяцев Барри мог фантазировать на тему романтического знакомства с девушкой, которая однажды ему улыбнулась, в воображении тяжёлого шизофреника эта мимолётная улыбка могла разрастись до признания в любви глобального масштаба. Щерещевский никогда не ухаживал за девушками и, судя по всему, оставался

девственником, его представления об отношении полов начинались и заканчивались рассматриванием порнографических картинок, приобретаемых полулегально в книжных магазинах. Отсутствие всякого интимного опыта прекрасно объясняло тот факт, что убийца Беверли Саманс не осуществил с нею полового акта — пока он связывал и гладил обнажённую жертву, у него из-за перевозбуждения произошла непроизвольная эякуляция, после которой всякая сексуальная активность закончилась.

В общем, Барри Щерешевский отлично «укладывался» в логику произошедшего в квартире Бев.

По мере того, как полицейские собирали информацию о молодом мужчине, стали обнаруживаться и иные весьма и весьма говорящие совпадения. Например, оказалось, что 30 июня 1962 г. Барри отправился в гости к своей тётушке в город Линн, и в тот же день в Линне была убита Хелен Блейк. Тётя проживала на Сакамор-стрит на удалении менее 200 м от дома, в котором была убита Хелен.

В августе 1962 г. Барри работал инструктором в лагере скаутов в местечке Ист-Пембрук в 35 км южнее Бостона. Чтобы получить это место, Щерешевский приезжал на собеседование с администрацией лагеря в апреле и мае того года. По странному стечению обстоятельств в один из тех же самых майских дней в Восточный Пембрук приезжала и Анна Слесерс, причём адрес, который она посетила, находился буквально за оградой скаутского лагеря! Анна водила автомашину, а Барри машины не имел и перемещался либо автобусами, либо автостопом. Могли ли познакомиться будущая жертва убийства и шизофреник в мае? И если да, то было ли это просто совпадением?

Более того, родная сестра Барри проживала в Бостоне в доме №102 по Гейнборо-стрит. От него до дома №77, в котором квартировала Анна Слесерс, всего 100 м! Сест-

ра Барри на допросе в полиции утверждала, что летом 1962 г. тот неоднократно приезжал к ней без предупреждения и без какой-либо ясной цели. Своё появление братец объяснял просто, болтался, дескать, по городу, был рядом, решил зайти...

Список совпадений этим отнюдь не исчерпывался. Например, 20 августа 1962 г. Барри официально покинул скаутский лагерь, сославшись на необходимость явиться на собеседование для устройства на работу в школу. Вернулся Барри в тот же день перед самым отбоем, несколько позже 21:30 — это время хорошо согласовывалось с расписанием движения междугородних автобусов — но в тот день была убита Джейн Салливан! Ещё одно совпадение?

Во время одного из курсов лечения в Дэнверсе Барри познакомился с медсестрой, проходившей стажировку в больнице. Сложно сказать, чем они привлекли друг друга, но девушка дала Щерещевскому свой адрес и разрешила ему приходить в гости. Летом 1962 г. Барри несколько раз приходил к ней домой, пил чай, разговаривал на разные умные темы. Никакого секса между ними, кстати, не было, отношения поддерживались сугубо платонические. Так вот дом, в котором девушка арендовала квартиру, находился в 200 м от дома Иды Ирги, убитой в августе 1962 г.

Изучение прошлого Барри Щерещевского показало, что хотя тот после осени 1959 г. ложился в больницу в Дэнверсе по 2—3 раза в год, даты убийств, приписываемых «Бостонскому Душителю», всегда приходились на те дни, когда Барри находился вне больницы. Это открытие до такой степени заинтриговало кембриджских детективов, что они посчитали необходимым проинформировать о нём и Генеральную прокуратуру штата, и Отдел расследования убийств полиции Бостона. Летом 1963 г. о Барри Щерещевском знали все, причастные к рассле-

дованию случаев удушения женщин в Бостоне и его окрестностях. Надолго — более чем на полтора года — этот человек сделался «подозреваемым №1».

Масса подозрительных совпадений связывали этого человека с убийствами, однако в жизни часто бывает так, что совпадения являются всего лишь совпадениями. И ничем иным!

Кроме того, большие сомнения рождала сама возможность Щерешевского раз за разом успешно совершать весьма сложные преступления. Он был тяжело болен и не всегда адекватен, сложно было представить, чтобы человек с выраженными отклонениями в поведении мог действовать во время убийства столь ловко и упорядоченно.

Эти соображения побудили детективов присмотреться к лицам, окружавшим Барри. Нельзя было полностью исключать того, что на самом деле Барри Щерешевский невиновен, и рядом с ним находится настоящий преступник. Этот предполагаемый «настоящий преступник» планирует свою активность таким образом, чтобы ни в коем случае не обеспечить Щерешевскому *alibi*. То есть он действует так, чтобы полиция, в случае чего, сосредоточила своё внимание именно на Барри, а не на нём самом. Предположение звучало фантастично, но... почему нет? Во всей этой истории к лету 1963 г. оказалось уже слишком много фантастического!

Барри много пил — что, кстати, категорически противопоказано лицам с такого рода заболеваниями — и регулярно посещал один из ирландских баров в Кембридже под говорящим названием «Королевская таверна» («King's tavern»). Как установили полицейские, там у Щерешевского был дружок, некий Уилльям Аксель Линдал (William Axel Lindahl), человек, который мало того, что был не вполне нормальным, так ещё и являлся ребёнком людей, имевших психические отягощения. Мать

Линдала была лесбиянкой, за что что отец Уилльяма едва не убил её. Дело было настолько серьёзным, что мать с маленьким сыном бежала в Техас, а Верховный суд штата выписал запрет отцу пересекать границы штата. Мать Уилльяма являлась женщиной, по-видимому, очень одаренной, во всяком случае, она утверждала, будто знает 14 языков и преподавала некоторые из них в университете. Имел талант к изучению языков и отец Уилльяма, в 1940-х гг. он работал в колледже учителем латыни и древнегреческого. За время своей бурной жизни Линдал-старший поменял множество профессий, служил в полиции, в Военно-морском флоте, был резчиком по дереву, гравёром, преподавателем иностранных языков и пр. По-видимому, папаша отличался буйным нравом, про попытку убийства жены уже было упомянуто, но помимо этого он умудрился попасть под суд за попытку убийства инструктора по плаванию, тогда его в тюрьму не посадили, но из Военно-морских сил погнали. В общем, папаша и мамыши Уилльяма Линдала являлись персонажами яркими и неординарными, поэтому неудивительно, что сыночек оказался большим оригиналом... Было в кого расти!

Уилльям закончил Гарвардский университет в 1955 г., там он изучал историю искусств и религии, а также филологию. Видимо, сказывалась унаследованная от папы и мамы любовь к иностранным языкам. Можно не сомневаться, что человеком он был творческим и не лишённым художественных дарований. Уилльям интересовался историей музыки вообще и органной музыки в частности, с целью изучения последней в 1962 г. ездил в Европу, где провёл более 4-х месяцев. По возвращении устроился органистом в бостонский «Симфонический зал» («Symphony Hall»), крупный концертный зал, построенный в 1900 г. Как специалиста по органам его приглашали для их обслуживания и настройки в католиче-

ские соборы по всему Массачусетсу. Напомним, что в 1950-1970-х гг. в штате доминировала именно эта конфессия, органов было много, а специалистов — мало, поэтому платили Уильяму очень хорошо. В общем, мы вряд ли ошибёмся, если скажем, что тот жил жизнью довольно расслабленной и даже ленивой, но деньги «на кармане» имел всегда.

Вернувшись в мае 1962 г. из поездки в Европу, Линдал познакомился в «Королевской таверне» с Щерешевским и произвёл на последнего неизгладимое впечатление. Нет, вовсе не яркими рассказами об органном искусстве или истории Европы, а куда более прозаическими талантами — Уильям, имевший благодаря учёбе в Гарварде связи в высшем обществе, мог доставать редкие в те времена наркотики ЛСД, мескалин и кокаин. Щерешевский, крепко «сидевший на аптеке», не мог нарадоваться столь ценному знакомству. Дружба дошла до того, что Барри в августе 1962 г. пригласил Уильяма погостить в скаутский лагерь, в котором Щерешевский тогда работал. Линдал не поленился, приехал, привёз с собою «вещества», и друзья не только «закинулись» сами, но и привлекли к этому интересному делу одного из педагогов. Последний, кстати, потом и рассказал о милой вечеринке детективам кембриджской полиции.

Хотя Линдал не был таким полоумным, как Щерешевский, он очень заинтересовал полицию. Во-первых, он явно имел гомосексуальный опыт, что по тем временам трактовалось как серьёзная девиация, обусловленная психическим заболеванием. По меньшей мере два сокурсника Линдала по Гарварду заявили полиции, что тот, по их мнению, являлся открытым гомосексуалистом и женоненавистником. Два других знакомых Уильяма сообщили, будто слышали от него рассказ, из которого следовало, что Линдал ездил в Нью-Йорк, где жестоко избил какого-то гомосексуалиста. Правда, летом 1963 г.,

т.е. в то время, когда полиция Кембриджа занялась Уилльямом вплотную, тот поддерживал интимные отношения с девушкой, с которой регулярно встречался. Но эта деталь не опровергала информацию о склонности Уилльяма к однополрой любви, поскольку гомосексуалисты с целью избежать обструкции часто пытаются создать видимость отношений с женщинами, выбирая в партнёры лесбиянок.

Во-вторых, полицейская проверка показала, что Линдал вполне мог встречаться с некоторыми из женщин, убитыми в 1962—1963 гг. «Симфонический зал», в котором он работал, находился всего в 200 м от дома, в котором снимала квартиру Анна Слесерс! Последняя на протяжении ряда лет покупала абонементы и посещала если не все, то многие концерты классической музыки, которые там проходили. В «Симфонический зал», кстати, регулярно ходили Нина Николс и Ида Ирга! Неужели они не обратили бы внимание на молодого органиста? И если бы этот органист постучал в их двери и попросил бы стакан воды, чтобы запить таблетку, неужели эти интеллигентные женщины отказали бы в этой маленькой просьбе?¹

¹ * В 1970 г. Уилльям Линдал оказался в поле зрения полиции по причине, никак не связанной с убийствами в Бостоне в начале 1960-х гг. Один из его соучеников по Гарварду попал под подозрение в убийстве жены. Последняя же незадолго до смерти рассказывала подругам, что очень боится Линдала, возобновившего дружеские отношения с мужем немногим ранее. Линдал, по её словам, был очень злопамятен и совершенно иррационально ненавидел женщин. Несколько раз она имела с ним неприятные стычки и попросила мужа не приглашать более Линдала в дом. Вскоре женщина была убита и в убийстве в конечном итоге оказался обвинён муж. Уилльям Линдал хотя и находился некоторое время под подозрением, в конечном счёте остался на сво-

Капитан полиции Кембриджа Джон Грейнджер (John Grainger) в мае и июне 1963 г. несколько раз делал заявления для прессы, посвященные расследованию убийства Беверли Саманс. Всякий раз слова его звучали обнадеживающе, расследование явно имело шансы на успех, во всяком случае, полиция Кембриджа предпринимала для этого большие усилия. Однако проходили день за днём, неделя за неделей, а затем счёт пошёл уже и на месяцы, а долгожданного результата всё не было.

Его не было не только в расследовании этого убийства. Все прочие случаи убийств женщин посредством удушения также оставались нераскрыты. Хотя — кто знает? — возможно, никакой связи между этими событиями вообще не существовало...

Часть III. Заключительный аккорд

8 сентября 1963 г. Убийство Эвелин Корбин

Конец весны и лето 1963 г. принесли американцам вообще и жителям Бостона в частности множество самых разных новостей. 15 мая в космос отправился американский астронавт Гордон Купер, и его полёт длительностью 34 часа явился рекордным по американским меркам. Никогда ранее американские астронавты не совершали космические полёты продолжительностью более суток. Успех Купера преподносился в американских средствах массовой информации как невиданное достижение, однако годом ранее советский космонавт Андриян Николаев уже совершал полёт длиной почти в 4 суток. Так что у успеха Гордона Купера привкус оказался не очень-то сладким.

Прошёл всего месяц, и 14 июня советская ракета-носитель вывела на орбиту Земли космический корабль с Валерием Быковским на борту. Минули двое суток, и 16 июня в космос поднялась первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова. Быковский поставил новый мировой рекорд продолжительности космического полёта — почти 5 суток! А Терешкова оставалась единственной женщиной-космонавтом почти 20 лет, вплоть до 1982 г.! Июньский полёт двух советских космических кораблей оказался феноменально успешен, и этот успех отечественной космической программы явственно продемонстрировал техническое отставание Америки в этой престижной области.

В самом начале лета 1963 г. — 3 июня — произошла загадочная катастрофа американского пассажирского самолёта DC-7 с 95 пассажирами и 6 членами экипажа

на борту. Полёт выполнялся в интересах Министерства обороны США, на борту исчезнувшего самолёта находились военнослужащие и сотрудники Красного Креста. Самолёт исчез над Тихим океаном в районе Аляски. Поиски, длившиеся вплоть до 7 июля, позволили поднять около 520 кг фрагментов человеческих тел и обломков воздушного судна. Некоторые детали одежды оказались странно повреждены и разорваны в клочья, но при этом пуговицы рубашек и курток остались застёгнуты. Оказались застёгнуты и обнаруженные в воде 3 ремня безопасности, что выглядело довольно странно. Найденные в океане человеческие останки так и не были идентифицированы. Не вызывало сомнений, что самолёт стал жертвой катастрофы, но причина её оставалась неясной, поскольку воздушное судно было довольно новым, имело небольшой налёт и прошло все положенные регламентные работы. Разбору обстоятельств трагедии и ходу поисковой операции американские средства массовой информации уделяли летом того года много внимания.

21 июня конклав избрал нового Папу Римского. Им стал итальянский кардинал Джованни Батиста Монтини, принявший имя Павла VI при заступлении на Престол. Предшествующий Папа Римский — Иоанн XXIII — скончался 3 июня. Всем этим перипетиям в лоне католической церкви бостонские газеты уделяли необходимое внимание, поскольку католическая конфессия была в то время самой многочисленной среди горожан.

5 августа в Москве был подписан договор о запрещении ядерных испытаний в трёх средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой). Руководство Китайской Народной республики объявило договор «обманом народов», маскирующим попытку «советских ревизионистов» и «американских империалистов» законсервировать исключительное положение в мире ядерных держав. Таковых на тот момент в мире было

всего три — СССР, США и Великобритания. Возня вокруг этого договора в первой половине 1963 г. давала множество информационных поводов для обсуждения гонки ядерных вооружений во всём мире.

В самом конце лета — 28 августа — состоялся знаменитый «Марш на Вашингтон», направленный в защиту гражданских прав и свобод цветного населения США и женщин. В ходе этой манифестации Мартин Лютер Кинг, баптистский проповедник и борец за гражданские права чёрного населения Штатов, произнёс свою знаменитую речь. Она известна ныне по своим первым словам: «У меня есть мечта». Считается, что участниками этой манифестации стали от 200 тыс. до 300 тыс. человек. Принятые в результате проведения марша «Закон о гражданский правах» и «Закон об избирательных правах» (в 1964 г. в 1965 г. соответственно), положили конец сегрегации, фактически имевшей место в США на протяжении целого столетия после окончания Гражданской войны между Севером и Югом.

На фоне этих событий, значимых если и не для всех, то по крайней мере для большинства американцев, имели место и менее заметные. Например, была установлена прямая телефонная связь между высшим политическим руководством Советского Союза и США. Появление т. н. «красного телефона» явилось одним из следствий Карибского кризиса, потрясшего мир в конце предыдущего года. На протяжении лета 1963 г. развивалась эскалация советско-китайского конфликта — из Москвы были выдворены 5 китайских аспирантов и дипломатов, а Компартия Китая уже открыто стала критиковать «советский ревизионизм». В Америке о такого рода новостях тоже упоминали, но, разумеется, много меньше, нежели те, с перечисления которых началась эта глава.

Всё лето того года «Бостонский Душитель», если

только он действительно существовал, никак себя не проявлял. Воцарившуюся тишину можно было истолковать по-разному, например, как подтверждение того, что арестованный в марте Рой Смит связан с некоторыми из преступлений таинственного сексуального маньяка. А можно было возникшую паузу трактовать прямо наоборот — Рой Смит никак не связан с убийствами женщин, но «Бостонский Душитель» хочет бросить на Смита тень подозрения и для этого затаился. О том, что Смит во время летних нападений 1962 г. находился в тюрьме, никто тогда не знал, поэтому на месте убийцы создать видимость причастности арестованного к преступлениям, которых тот не совершал, представлялось вполне логичным.

Но если даже преступник и имел цель выдержать некоторую паузу — что само по себе сейчас недоказуемо — то всё изменилось 8 сентября 1963 г. В тот день произошло новое зверское убийство пожилой женщины, заставившее вспомнить нападения предыдущего года.

Эвелин Корбин (Evelyn Corbin) проживала в доме №224 по Лафайетт-стрит (Lafayette street) в Салеме, небольшом городке в 20 км северо-восточнее Бостона. Это был небольшой 4-этажный дом с одним подъездом и П-образной планировкой этажей. Район Лафайетт-стрит и прилегающих улиц считался не очень благополучным — не явные трущобы или гетто, но кварталы для людей с доходами ниже средних. Селились здесь преимущественно люди с невысоким уровнем доходов: рабочие и пенсионеры. На протяжении предшествующих двух недель жители района несколько раз звонили в полицию с сообщениями о подозрительной деятельности. Какие-то люди влезали по пожарным лестницам и заглядывали в окна верхних этажей, слонялись по подъездам и бесцельно прогуливались между домами. Таких сообщений полиция Салема приняла более десятка, патрульные вы-

езжали по указанным адресам, занимались тем, что у американских полицейских называется «демонстрацией формы», но никаких задержаний по этим заявлениям не проводилось.

Воскресный день 8 сентября 1963 г. начался, по крайней мере, для некоторых жильцов дома №224, с очередного небольшого переполоха. Кто-то ходил по зданию, стараясь не привлекать к себе внимания, подходил к дверям и тихо стоял подле, трогал дверные ручки... Подозрительные шаги на лестнице слышали несколько жильцов дома. Одна из них, Флора Манчестер, услышала странные звуки около 09:15 или чуть позже. Глазка в двери её квартиры не было, поэтому женщина затаилась и была вынуждена полагаться только на слух. Убедившись, что таинственный визитёр ушёл от квартиры, женщина набрала номер телефона Эвелин Корбин, подруги и соседки, проживавшей этажом выше, и осведомилась, слышала ли та что-либо подозрительное? Эвелин подтвердила, что кто-то ходил по лестничной площадке, не стучась в двери, а потом ушёл. Причём неизвестный двигался сверху вниз, приступив к обходу подъезда с верхнего этажа. На вопрос Флоры, следует ли позвонить в полицию, Эвелин отмахнулась, заявив, что в последние дни уже трижды звонила, сообщая о подозрительном человеке на пожарной лестнице, но ни один полицейский возле дома так и не появился.

Подруги поболтали ещё немного, после чего договорились вместе позавтракать. Подобное дружелюбие нельзя считать традиционным для американцев, но в данном случае для такого выражения симпатии имелась веская причина. Сын Флоры, 45-летний Роберт Манчестер, на протяжении последнего года поддерживал с Эвелин интимные отношения, и в 1963 г. они планировали вступить в брак. Флора Манчестер приветствовала

предстоящий брак сына и всячески благоволила будущей невестке. То обстоятельство, что Эвелин была старше Роберта — а она всем заявляла, что родилась в 1912 г. — препятствием для брачного союза не являлся. Правда, тут самое время уточнить, что на самом деле Эвелин сильно искажала свой возраст, на момент описываемых событий ей исполнилось 62 года, т.е. она была старше жениха на 17 лет! Но Эвелин очень следила за собой и все, знавшие её, сходились в том, что она имела отличную кожу и стройную фигуру, а потому никто не догадывался о её истинном возрасте. Остаётся добавить, что Эвелин работала на предприятии, занимавшимся выпуском электрических лампочек.

В 10:30 Эвелин пришла в квартиру Флоры, и женщины позавтракали. Эвелин позвонила родной сестре Эдне и поговорила с нею несколько минут. Подруги решили вместе сходить на воскресную мессу, которая должна была начаться в 11:30, на том и расстались. Эвелин ушла к себе, чтобы переодеться.

Около 11:10 она должна была постучать в дверь Флоры Манчестер — этот стук означал, что Эвелин спускается по лестнице и будет ждать Флору у подъезда. Стука, однако, не раздалось... Флора подождала несколько минут, после чего вышла из квартиры и спустилась вниз. Возле дома Эвелин не оказалось, но подниматься к ней уже не было времени, и Флора Манчестер отправилась в церковь в одиночестве.

Месса началась в запланированное время и продолжалась около 40 минут. Эвелин Корбин в храме так и не появилась. Около 12:30 Флора Манчестер вернулась домой и сразу же позвонила по домашнему телефону Эвелин. Трубку никто не взял... Тогда Флора набрала номер аптеки напротив, где обычно почтальон оставлял газеты для жильцов дома. Из разговора с аптекарем Флора поняла, что Эвелин там не появлялась и утреннюю газету

не забирала.

Всё это выглядело очень странно, и Флора Манчестер не на шутку встревожилась. Она сделала ещё один телефонный звонок, на этот раз соседке Марии Лорти и, объяснив ситуацию, попросила её вместе пройти в квартиру Эвелин Корбин. У Манчестер имелся ключ от квартиры последней.

Мария и Флора поднялись на четвёртый этаж, открыли нужную дверь и пару раз крикнули, назвав себя. Поскольку ответа не последовало, Манчестер прошла вглубь квартиры. Через несколько секунд она с перекошенным лицом выскочила из комнаты и закричала: «Боже мой, её убили!»

Лорти не стала проходить в квартиру и моментально бросилась к себе, чтобы вызвать по телефону полицию. Первый полицейский патруль прибыл буквально через минуту или две. В это же самое время на площадку поднялся Роберт Манчестер — он только что вошёл в подъезд, вернувшись с работы. Мужчина вошёл в квартиру, увидел тело Эвелин на кровати и, не справившись с эмоциями, заплакал и выбежал на лестничную площадку. Однако через несколько секунд Роберт взял себя в руки и вернулся к телу. Он вытащил изо рта трупа тряпку, использованную вместо кляпа — это были женские трусики — и принялся делать искусственное дыхание. Учитывая, что на шее трупа были с силой затянуты чулки, выглядело это, должно быть, дико. Лишённые смысла действия Роберта были совершенно нерассудочны...

Появившиеся на месте совершения преступления полицейские остановили его и силой вывели из квартиры. Роберт был на грани истерики и плохо владел собою.

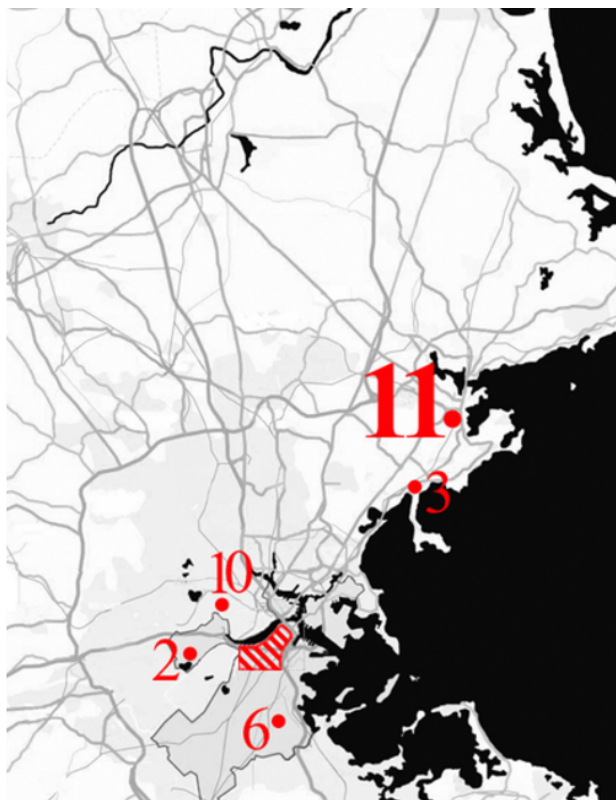

Схема Большого Бостона и территории к северу от него с указанием мест совершения убийств женщин в 1962 - 1963 гг, приписываемых «Фантому». Числа соответствуют преступлениям в их хронологической последовательности. Штриховка красным показывает центральную часть Бостона и район Бэк-Бэй, где были совершены по меньшей мере 6 убийств посредством удушения, площадь этого участка менее 7 км². Число 10 обозначает место убийства Беверли Саманс в мае 1963 г в Кембридже, 11 — убийство Эвелин Корбин 8 сентября в Салеме. Расстояние от точки 11 до штрихованной области около 20 км.

Женщина лежала на кровати лицом вверх, под нею в области головы и торса растеклось большое кровавое пятно. Даже не подходя к телу можно было видеть струйки крови из ушных раковин, хорошо заметные на светлых волосах.

Убитая была облачена в халат и ночную рубашку — именно так она спускалась в квартиру Флоры Манчестер утром. Одежда была поднята выше талии, ночная рубашка частично разорвана, трусики — сняты, таким образом нижняя часть тела оказалась полностью обнажена. На ногах убитой были белые носки, ноги — вытянуты, на левой лодыжке находился чулок, обмотанный наподобие верёвки. По-видимому, этим чулком связывались ноги, но в процессе борьбы женщина сумела их освободить (как вариант, правую ногу мог отвязать сам преступник, но эти детали вряд ли имели какое-то значение для общего понимания произошедшего). На шее Эвелин были туго затянуты два нейлоновых чулка. Правая рука была заведена под её торс, левая — отброшена в сторону.

Кровать, на которой лежало тело, была в беспорядке, по-видимому, борьба с преступником происходила именно в кровати. Трусики убитой были найдены на полу возле кровати — их туда отбросил Роберт Манчестер, пытавшийся сделать жертве преступления искусственное дыхание. На трусиках находились следы губной помады, что подтверждало рассказ Роберта о том, что первоначально они находились во рту убитой. Возле кровати также были найдены три смятых бумажных салфетки, запачканные какими-то выделениями. Как показало судебно-химическое исследование, на салфетках находилась сперма. Это открытие однозначно подтверждало вполне очевидное предположение о сексуальном характере преступления.

Роберт Манчестер сообщил полицейским, что вечер накануне и ночь на 8 сентября провёл в обществе Эве-

лин. Они сходили в парк развлечений и поужинали в ресторане. По словам свидетеля, в кошельке Эвелин он видел 5 или 6 банкнот по 1\$. Деньги эти, очевидно, Эвелин за прошедшие часы потратить не могла, однако, найти их полицейские не смогли. Это заставляло предположить, что убийца прихватил эту сумму с собою.

Однако вместо денег удалось найти кое-что другое. Детектив Джон Моран (John Moran), прибывший на место преступления одним из первых, при осмотре одного из двух окон, выходящих на пожарную лестницу, обнаружил... пончик. Угощение лежало со стороны улицы, так, словно его положили для прикорма птиц.

Кормила ли убитая птиц? Любила ли она пончики? Что это вообще за инсталляция?

Опрос лиц, знакомых с погибшей, быстро привёл следствие к выводу, что Эвелин Корбин не могла кормить птичек пончиками. Во-первых, она не любила птиц, а во-вторых, она не ела пончики. Точнее, она вообще не ела хлебобулочных изделий. Может быть, пончик купил накануне вечером Роберт, а Эвелин поутру таким вот образом от него избавилась? Нет, Роберт отрицал, что накануне покупал пончики, он их вообще покупал очень редко и никогда не приносил в квартиру любовницы.

Тогда, стало быть, пончик на окне оставил кто-то другой. Мог ли это сделать человек, взлезавший в окно? Да, мог, поскольку при проникновении в окно пончик с большой вероятностью мог выпасть из кармана плаща или пиджака. Окно можно было открыть снаружи — в этом полицейских убедил простейший эксперимент, более того, на деревянной раме остались следы лезвия ножа, введенного между рамой и поднимаемой вверх створкой окна.

Таким образом, уже в первые часы расследования у правоохранительных органов появилась первая инте-

ресная зацепка, хотя в тот момент было совершенно непонятно, куда она может привести.

Также при осмотре квартиры было найдено неоконченное письмо Эвелин, адресованное племяннику, из текста которого можно было заключить, что Корбин планировала в ближайшие месяцы вступить в брак с Робертом Манчестером и... разорвать отношения с этим самым племянником. Это был в высшей степени неожиданный поворот в расследовании: немолодая дама, давно перешагнувшая климактерический порог, поддерживала интимные отношения с двумя мужчинами намного её младше! И, по-видимому, оба любовника были очень ею довольны, поскольку отнюдь не стремились положить конец этой необычной связи... При этом все, знавшие Эвелин, описывали её как очень спокойную, незаметную и даже робкую женщину, эдакую Золушку. Воистину, в тихом омуте черти водятся!

Вскрытие показало, что причиной смерти Эвелин Корбин явилась механическая асфиксия, преступник душил потерпевшую не только чулками, но и руками. На внутренней поверхности губ убитой женщины остались следы зубов, что свидетельствовало о сильном сдавлении рта руками и, возможно, каким-то предметом (подушкой, одеялом). Не вызывало сомнений, что убийца подверг жертву мучительным побоям, кровотечение из ушей объяснялось как раз сильными ударами, вызвавшими повреждение барабанных перепонок. При этом отсутствовали переломы костей, нападавший явно наносил удары в мягкие части тела — область печени и солнечное сплетение. В этой связи, конечно же, заслуживает быть отмеченным тот факт, что никто в доме не слышал криков избиваемой женщины — эта деталь однозначно свидетельствовала о криминальной опытности убийцы.

Во рту и на лице убитой женщины была обнаружена сперма. Также сперма присутствовала на бумажных сал-

фетках, найденных возле кровати. Хотя на половых органах присутствовали потёртости, судмедэкспертиза затруднилась с ответом на вопрос о возможном половом акте в традиционной форме.

Относительно времени наступления смерти заключение экспертизы оказалось вполне ожидаемым и полностью соответствовавшим собранным к тому моменту данным. Следствие не сомневалось, что время совершения преступления приходится на интервал от 10:55, когда Эвелин Корбин вышла из квартиры Флоры Манчестер, до 12:35, когда её труп был обнаружен всё той же Флорой Манчестер. По заключению судмедэкспертизы смерть Эвелин наступила около полудня 8 сентября.

Правоохранительные органы быстро удостоверились в alibi Роберта Манчестера, и в дальнейшем он никогда не рассматривался как подозреваемый. Поэтому уже в первые сутки с момента совершения преступления всё внимание полиции оказалось сконцентрировано на версии квартирной кражи, переросшей в грабёж и изнасилование с последующим убийством потерпевшей. Преступник, по-видимому, проник в квартиру Эвелин через окно в то самое время, когда женщина находилась в гостях у Флоры Манчестер, а после того, как Корбин возвратилась, неизвестный напал на неё. Первоначальным мотивом являлось желание завладеть деньгами женщины, но поскольку наличных у Эвелин практически не было, преступник принялся избивать беззащитную жертву. Сложно сказать, насиловал ли преступник Эвелин, вполне возможно, что сексуальные манипуляции он совершал уже с трупом.

Сообщение некоторых жильцов дома о том, что в воскресенье утром кто-то ходил по подъезду и не звонил в двери, следствие посчитало отправной точкой расследования. Неизвестный, судя по всему, ходил по дому с целью выяснить, в каких квартирах нет жильцов, для

этого он прислушивался к звукам, доносившимся из-за двери.

Изучение прошлого убитой женщины не принесло зацепок, интересных с точки зрения правоохранительных органов. Эвелин некогда была замужем, но развелась ещё в 1932 г. и поддерживала дружеские отношения с бывшим мужем вплоть до смерти последнего. В доме на Лафайет-стрит она поселилась в 1959 г., никаких конфликтов за время проживания ни с кем из жильцов не имела. Единственной странностью, связанной с Эвелин, являлось сильное искажение ею собственного возраста — она всегда сильно его преуменьшала — но учитывая её интимные отношения с мужчинами намного её младше, такое поведение можно легко объяснить.

В общем, правоохранительные органы довольно быстро пришли к заключению, что убийцу следовало искать среди лиц, никак не связанных с жертвой.

Опросом жителей района было установлено, что с подозрительной активностью сталкивались жители не только дома №224 по Лафайет-стрит, но и окрестных зданий. Так, например, около 11 часов утра 7 сентября, т.е. накануне убийства Эвелин Корбин, жительнице дома №233 постучал неизвестный и заявил, что доставил сообщение некоему мужчине, никогда не проживавшему в этой квартире. Указанный дом был удалён от места совершения убийства менее чем на 100 м, фактически речь шла о зданиях, расположенных по диагонали через улицу. А вечером того же дня — около 21 часа — странный человек явился в другую квартиру в том же доме и сообщил открывшему дверь мужчине, что хотел бы поговорить с его женой по поводу работы. Женщины в тот момент не было дома, и она не искала работу. В обоих случаях приметы странного визитёра практически совпадали — это был представительный белый мужчина ростом около 180—183 см, с хорошей осанкой,

правильной речью, седыми аккуратно подстриженными волосами. Держался он солидно, многозначительно и располагал к себе, лишь после его ухода свидетели задумывались над абсурдностью произошедшего и начинали испытывать тревогу.

Около полудня 8 сентября — т.е. примерно в то время, когда была убита Эвелин Корбин или же сразу после этого — мужчина со схожими приметами был замечен рядом с домом №224. О нём сообщили 3 свидетеля, причём двое из них видели его позади дома, в районе пожарной лестницы.

Сложно сказать, каким бы путём пошло расследование и чем бы увенчались поиски неизвестного седого мужчины, но последовавшие вскоре события повернули розыск в неожиданном направлении. На следующий день после убийства Эвелин Корбин в полицию Салема обратился мужчина, сообщивший об исчезновении 16-летней дочери. Девушка не пропала без вести, а бежала из дома с любовником, и отец настаивал на том, чтобы полиция вернула дурёху домой.

С заявителем пообщался детектив Джон Моран, тот самый, что обнаружил пончик на подоконнике со стороны чёрной лестницы у окна Эвелин Корбин. Детектив без особого интереса расспрашивал отца об исчезновении дочери, уточнял, где тот находился во время её ухода, что забрала с собой беглянка и т. п. детали, но Моран моментально насторожился после того, как заявитель сообщил маленькую деталь. По его словам, дочь и её любовник ничего утром не поели, а взяли с собою пончики, которые дочь купила накануне вечером. Моран сразу заинтересовался этой историей и узнал следующее.

Салли Дэвис, дочь заявителя, связалась с одним из арендаторов доходного дома, в котором работал её отец. Последний, узнав о романе, потребовал прекратить отношения, пригрозив, что в противном случае

сдаст любовников полиции. Напомним, что речь идёт о первой половине 1960-х гг., т.е. времени, когда ещё не произошла сексуальная революция, и даже адюльтер на территории Массачусетса являлся деянием, уголовно наказуемым! Эта угроза, видимо, напугала парочку, и любовники пустились в бег. Произошло это примерно в 08:30 8 сентября. Накануне Салли принесла коробку с 8 пончиками в сахарной пудре, но к ним вечером 7 сентября никто не притронулся, а утром коробка пропала. Любовник Салли проживал в доме на Данлоп-стрит, расположенном на удалении около 2 км от дома Эвелин Корбин.

Отец обнаружил в вещах дочери фотографию её любовника и принёс её в полицию. Моран моментально опознал изображенного на ней человека — это был некто Роберт Кембелл (Robert Cambell), находившийся к тому времени в розыске. Мужчине этому на описываемый момент времени исполнилось 25 лет и, судя по всему, он являл собою кристальной чистоты образец скотины в человеческом теле. За ним числился шлейф обвинений в кражах, по преимуществу с незначительным ущербом, и антиобщественном поведении. Дважды Роберт отбывал тюремное заключение, первый раз он провёл за решёткой полгода, во второй — два с половиной. В июле на него заявила жена, возмущенная тем, что тот ударил свою малолетнюю дочь ногой в лицо. Кембелл, узнав об обращении жены в полицию, пригрозил убить её и пустился в бег. Инцидент этот произошёл в местечке Свампскотт, расположенном немногим севернее Линна. Теперь выяснилось, что Кембелл далеко не убежал, перебрался всего-то на 8 км севернее и затаился в доходном доме на Данлоп-стрит.

Денег у него не было, он съехал с квартиры, не оплатив последний взнос. Вполне возможно, что перед бегством со своей юной подружкой из Салема он надумал

обворовать какую-либо квартиру. У Кембелла имелся опыт квартирных краж и, судя по хронометражу, он, покинув дом на Данлоп-стрит около 8 часов утра, вполне мог добраться до Лафайетт-стрит к 9 часам утра. А подозрительная активность в доме №224 началась около 09:15.

Всё, вроде бы, складывалось!

Дальнейшие действия детектива Морана диктовались его профессиональным опытом. Если Кембелл действительно убил Эвелин Корбин, то убежать из Салема он постарается как можно быстрее и как можно дальше. Автомобиль у подозреваемого имелся, его данные были известны, поэтому представлялось разумным попытаться отследить машину.

Исходя из предположения, согласно которому убийца попытается покинуть пределы штата, детектив Моран разослал описание примет Кембелла, Дэвис и автомашины, на которой они могут передвигаться, департаментам дорожной полиции соседних штатов и служб шерифов почти сотни округов северо-восточной части США. Ориентировки были направлены в штаты Вермонт, Нью-Гэмпшир, Нью-Йорк, Пенсильвания и др. Нужный ответ пришёл очень скоро — на третьи сутки со времени угона брошенную автомашину обнаружили в городке Ист-Чатем, на территории штата Нью-Йорк, совсем неподалёку от границы с Массачусетсом. Беглецы проехали на машине около 250 км по шоссе I-90 и бросили транспортное средство ввиду неисправности.

Правоохранительные органы штата Нью-Йорк приступили к тщательному поиску предполагаемого убийцы, но очень скоро ситуация прояснилась, причём самым неожиданным образом. 16 сентября Салли Дэвис обратилась в полицию города Хадсон, штат Нью-Йорк, с жалобой на угрозы со стороны Роберта Кембелла. Её рассказ оказался довольно любопытен.

Беглецы днём 8 сентября двигались без остановки до границы штата Массачусетс. Мотор машины барахлил, но Кембелл заявил своей подруге, что они не останавливаются, пока не пересекут границу. В Ист-Чатеме, уже на территории Нью-Йорка, автомашину пришлось бросить, и парочка остановилась в дешёвом мотеле. Там любовники поссорились буквально на третий день побега по причине довольно неожиданной. В дороге они подобрали больного щенка, с которым Роберт показал своё истинное лицо живодёра. Шокированная жестокостью своего избранника, Салли сбежала от него к парню, с которым она и Роберт познакомились в мотеле. Девочка, похоже, была та ещё проказница.

В ночь на 12 сентября Салли уехала в Хадсон со своим новым избранником. Там парочка остановилась в мотеле и всё, вроде бы, стало хорошо, но... не прошло и трёх суток, как их догнал разъяренный Роберт Кембелл. Последний верно «просчитал» ситуацию и решил вернуть Салли. В Ист-Чатеме он угнал автомашину и, догадываясь о маршруте беглецов, двинулся по следу, наводя справки в мотелях и на автозаправках. Салли явно недооценила коварства и злобы своего прежнего друга — он вполне мог расправиться с обоими при встрече. Его гнев, однако, Салли смогла умиловить, пообещав обворовать своего нового друга, и Кембелл согласился подождать денёк — другой.

Эту паузу Салли использовала для того, чтобы попросить защиты у полиции. Жестокость и безрассудство Роберта Кембелла, по-видимому, с лихвой компенсировались его наивностью — он явно не предполагал такого коварства со стороны бывшей любовницы, совсем юной девицы. Местная полиция взяла Кембелла под стражу, обвинив в угоне автомашины, и в скором времени его упрятали в тюрьму на 6 месяцев.

В Салеме, разумеется, знали обо всех этих перипети-

ях и дожидались освобождения Кембелла. Обвинений в его адрес в Массачусетсе не выдвигались, дабы не спугнуть подозреваемого раньше времени. Салли Дэвис, разумеется, была допрошена детективами, прибывшими в Хадсон из Салема. Полицейских интересовали детали событий 8 сентября, и рассказ Салли оказался не лишён интересных деталей.

Девушка подтвердила то, что, уходя из дома, прихватила коробку с восемью пончиками в пудре. Роберт Кембелл взял из коробки несколько штук и положил их в карманы своего плаща. Тем утром он оставлял Салли в машине и уходил на довольно продолжительное время — часа полтора или два — свидетельница затруднилась с более точным определением времени. Парочка уехала из города около полудня, и Роберт запрещал в дороге включать радио. Это показалось Салли очень странным, поскольку Кембелл любил эстрадную музыку и ранее они всегда гоняли под звуки грохочущего радиоприёмника.

Вспомнила девушка и другую интересную деталь. Когда они тронулись в путь, она поинтересовалась у Роберта, как много у того наличности? Кембелл небрежно отмахнулся и сказал, что долларов 5 или 6, точно он не знает. Из сумочки Эвелин Корбин исчезла примерно такая сумма. Конечно, это могло быть всего лишь совпадением, но совпадений в этой истории почему-то становилось слишком много: пончики в карманах, бегство из города, запрет слушать в дороге радио...

Имеет смысл сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Кембелла, хотя для этого и придётся забежать немного вперёд и тем нарушить хронологию повествования.

Роберт был освобожден досрочно, по отбытии в заключении шести месяцев, причём полиция штата Нью-Йорк не сообщила о его выходе на свободу коллегам

из Массачусетса. Это повлекло весьма драматические последствия. Кембелл некоторое время прожил в Салеме, не привлекая к себе особого внимания, но в мае 1964 г. совершил два нападения на женщин с целью изнасилования. Действовал он нагло и самонадеянно, хватал женщин на тротуаре и тащил во двор, где требовал удовлетворить его похоть орально. Одной из его жертв исполнилось 52 года, второй — 38. Он сильно избивал потерпевших, а вторую женщину тяжело изувечил, выдавив пальцами глаза и разорвав рот. Полиция сразу же поняла, что имеет дело с опытным уголовником и, получив от потерпевших описания насильника, в считанные дни разыскала и арестовала Кембелла. В ходе следствия выяснилось, что Кембелл предпочитает оральный секс всем прочим формам половой активности. Об этом заявили все интимные партнёры Кембелла, допрошенные полицией. Эта интересная деталь напрямую перекликалась с известными обстоятельствами убийства Эвелин Корбин.

Детектив Моран, узнав, что преступник наконец-то оказался в зоне досягаемости, провёл его допрос в тюрьме. Допрос касался только событий 8 сентября 1963 г. и никак не затрагивал правонарушения, имевшие место после бегства Роберта из штата. Кембелл реагировал на задаваемые ему вопросы очень нервно, даже панически, он заявил, что 8 сентября вышел из дома около 11 часов утра, что совершенно не соответствовало показаниям Салли Девис и её отца. Когда же Кембелла стали расспрашивать о пончиках, о запрете включать радиоприёмник в автомашине и прочих мелочах, тот замкнулся и заявил, что ничего больше из событий того дня не помнит. Детективы не сомневались в том, что их подозрения верны и Роберт Кембелл действительно убил Эвелин Корбин, хотя доказать это не представлялось возможным.

В конечном итоге преступник был осужден за два нападения на женщин с целью совершения изнасилования и приговорён к 8 годам лишения свободы.

Имелась некоторая надежда на то, что во время пребывания в заключении Кембелл признается в убийстве кому-то из тюремных дружков. Такое происходит довольно часто, и подобная болтливость могла бы обеспечить правоохранные органы необходимыми доказательствами виновности Роберта. Однако надеждам этим не суждено было сбыться — в 1968 г. Кембелл погиб во время тюремных беспорядков.

Формально убийство Эвелин Корбин учитывалось в ряду нераскрытых преступлений, однако полиция Салема считала, что имя убийцы известно. Не пройдет и года как прокуратура штата Массачусетс создаст особую группу, призванную расследовать убийства женщин в Бостоне и пригородах — об этом мы скажем в своём месте — и полиция Салема получит распоряжение скопировать и переслать в столицу штата все следственные материалы по делу Эвелин Корбин. Этот приказ вызовет немалое удивление всех детективов, причастных к расследованию. По их общему мнению, данное преступление вообще не имело отношения к преступлениям «Бостонского Душителя», и имя настоящего убийцы тайной не является.

Впрочем, написав это, мы заглянули в слишком уж далёкое будущее. Будем придерживаться хронологии и вернёмся в осень 1963 г.

23 ноября 1963 г. Убийство Джоан Графф

Последняя декада осени оказалась омрачена сенсационным преступлением — в пятницу 22 ноября в Далласе был застрелен Президент США Джон Кеннеди. Случившееся потрясло страну. Ещё бы, Президент был убит на глазах сотен людей во время проезда кортежа по улицам города. В первые сутки после преступления страну точно посадили на раскаленную сковородку — новости шли в режиме нон-стоп по всем теле- и радиоканалам, люди следили за ними, точно за необыкновенным детективным сериалом. С тем отличием от сериала, что события происходили в реальной жизни — вот найдена винтовка, из которой стрелял убийца, вот сообщили об убийстве полицейского, вот задержан предположительный убийца полицейского Типпита, этот же человек по фамилии Освальд, по-видимому, стрелял и в Кеннеди. По прошествии нескольких часов выяснилось, что человек этот служил в прошлом в морской пехоте, а после демобилизации выезжал в Советский Союз, где жил продолжительное время... И жена-то у него русская!

Вот это лихой сюжет! Было отчего закипеть мозгам рядовых обывателей!

На фоне всех этих драматических событий и непрерывной череды сногшибательных новостей, сообщение об очередном убийстве женщины в Бостоне осталось почти незамеченным. А между тем, преступление это тоже было по-своему неординарным.

Джоан Графф (Joann Graff) проживала в доме №54 по Эссекс-стрит (Essex street) в городке Лоуренс (Lawrence), расположенном примерно в 40 км севернее

Бостона. Молодая женщина — а ей исполнилось всего 23 года — была очень религиозна и благонравна. Летом 1963 г. Джоан закончила Чикагский университет и приехала в Массачусетс, здесь она получила работу промышленного дизайнера в крупной компании, выпускавшей лакокрасочные материалы. Также она вела уроки в воскресной школе при лютеранской церкви, в приходе которой состояла. В квартиру на втором этаже дома №54 по Эссекс-стрит она въехала в конце июля.

В субботу 23 ноября по домашнему телефону Джоан позвонила её подруга, прихожанка той же церкви, и пригласила на ужин. Звонок имел место около 11:30, женщины мило поболтали и договорились, что супруги Джонсон приедут к дому Графф в 16:30 на автомашине и отвезут её в свой дом.

Примерно через час — т.е. в 12:30 — к Джоан зашёл Джордж Привитер (George Priviter), владелец дома, получивший 15\$ за неделю проживания. Квартира, арендованная Графф, была крохотной и состояла из одной комнаты. Даже не переступая порог, Джордж увидел посуду на столе, по-видимому, он явился в момент завтрака или сразу по его окончании. На углу стола лежал хорошо узнаваемый томик «Нового завета» в чёрном переплёте.

В 15:25 в дверь квартиры Кеннета Роу, проживавшего прямо над Джоан Графф, постучал неизвестный. Это был молодой человек примерно 20 лет или несколько старше, одетый в короткую коричневую куртку и зелёные штаны. Его волосы казались довольно длинными, возможно, иногда он носил падавшую на брови чёлку, но в ту минуту волосы были аккуратно зачёсаны назад. Выглядел он как студент и своим возрастом соответствовал Джоан, которой, напомним, было 23 года. Молодой человек осведомился у открывшей ему Марион, жены Кеннета, может ли он видеть Джоан? Женщина указала рукой вниз и пояснила, что Джоан живёт этажом ниже. Неизвест-

ный поблагодарил и ушёл. Незнакомца из-за спину жены видел и Кеннет Роу, хотя в разговор с ним не вступал.

А пятью минутами позже — в 15:30 — миссис Джонсон, подруга Джоан, набрала номер её телефона, чтобы сообщить, что они с мужем подъедут через час к её подъезду. Трубку никто не поднял, но в ту минуту миссис Джонсон не придавала этому особого внимания, мало ли куда отлучилась подруга, верно?

В 16:30 к дому №54 по Эссекс-стрит подъехала автомашина с супругами Джонсон. В ожидании прошли минуты — одна, вторая, третья... Поскольку Графф из подъезда так и не вышла, Джон оставил руль и поднялся к нужной двери. Мужчина постучал несколько раз и, поскольку никто не открыл, спустился к машине. Супруги прождали Джоан более получаса и, удивленные её отсутствием, уехали к себе несолоно хлебавши.

На следующее утро, в воскресенье 24 ноября, Джоан не явилась на занятия в воскресную школу. Это было настоящее чрезвычайное происшествие, прежде такого не случалось. Джоан была очень ответственной и любила работать с детьми, поэтому не вызывало сомнений, что её неявка обусловлена некими вескими причинами. Джонсоны всерьёз забеспокоились и взялись за поиски.

Сначала они приехали к дому, в котором проживала Джоан и разыскали Себастьяна Корцо (Sebastian Corzo), человека, исполнявшего в доме функции разнорабочего и коменданта. Тот отмахнулся от малознакомых людей, заявив, что запасные ключи у него имеются, но без полиции в квартиру постояльца он не войдёт и тем более не пустит посторонних. Супругам пришлось отправиться в ближайший отдел полиции и поговорить с тамошними чинами. Никто из них не усматривал ничего особенно тревожного в отсутствии молодой женщины, но настоячивые увещевания Джонсонов сподвигли, наконец, патрульного по фамилии О'Коннор отправиться по указан-

ному адресу. Полицейский пригласил Корсо подняться на второй этаж и открыть входную дверь в квартиру Графф.

На кровати они обнаружили обнаженное тело хозяйки квартиры. Труп был ориентирован головой к центру комнаты, левая нога лежала на подушке, а правая свешивалась к полу. Два коричневых чулка и чёрный бюстгальтер, туго затянутые вокруг шеи Джоан не оставляли никаких сомнений в том, что женщину убили. Белый бюстгальтер находился под поясницей, на нём были заметны кровавые помарки. Простые очки в металлической оправе были найдены под головой Джоан, видимо, они свалились в процессе затягивания удавок. Руки мёртвой женщины были согнуты в локтях, а правый кулак сжат. Поскольку после смерти мускулатура расслабляется, сжатый кулак свидетельствовал о большом мышечном напряжении убитой в последние минуты. По-видимому, Джоан отчаянно сопротивлялась и пыталась ударить преступника.

Тело было полностью сковано трупным окоченением, что свидетельствовало о наступлении смерти более чем за 12 часов до момента обнаружения трупа.

На полу рядом с кроватью лежали вывернутые наизнанку брюки и белые трусики. По-видимому, преступник их снял в большой спешке и небрежно бросил за ненадобностью. На столе лежал раскрытый «Ветхий завет», письменные принадлежности и тетрадь с религиозным конспектом. Джоан в момент появления преступника явно готовилась к предстоящему занятию в воскресной школе.

При осмотре квартиры, ставшей местом убийства, детективы обратили внимание на несколько важных деталей. Прежде всего, удивительно тонкими оказались стены между квартирами — это было следствие недавнего ремонта, в ходе которого из ранее просторных поме-

щений «нарезали» клетушки-студии по 20 м².

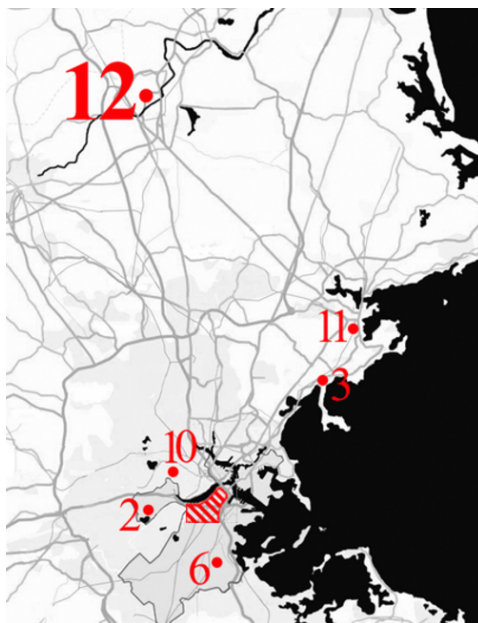

Схема Большого Бостона и территории к северу от него с указанием мест совершения убийств женщин в 1962 - 1963 гг, приписываемых «Фантому». Числа соответствуют преступлениям в их хронологической последовательности. Штриховка красным показывает центральную часть Бостона и район Бэк-Бэй, где были совершены по меньшей мере 6 убийств посредством удушения. Площадь этой территории менее 7 км², т.е. убийства эти локализованы в сравнительно небольшой части города. Число 10 обозначает место убийства Беверли Саманс в мае 1963 г в Кембридже, 11 — убийство Эвелин Корбин в сентябре в Салеме, а 12 — убийство Джоан Графф 23 ноября того же года в Лоуренсе. Расстояние от точки 11 до штрихованной

области составляет ~20 км, а от точки 12 — примерно 35 км. Как видим, преступник постепенно отдалялся от области своей первоначальной активности. Расширение зоны деятельности серийного преступника (т.н. «ареала») с течением времени хорошо коррелируется с современными представлениями на сей счёт и данное наблюдение можно считать доводом в пользу существования «Фантома».

Опрос соседей, большинство из которых в выходной день находились дома, показал, что никто из них ничего подозрительного не слышал. Отсюда рождался вопрос: как убийца умудрился беззвучно расправиться с молодой сильной женщиной буквально под носом по меньшей мере 6 человек? Другая деталь была связана с состоянием замка входной двери. Он оказался в полном порядке и без следов работы отмычкой. Это означало, что убитая сама впустила преступника, по крайней мере, такое предположение казалось наименее экзотичным. Что интересно, уходя, убийца закрыл за собой замок — так поступают опытные уголовники, стремящиеся оттянуть момент обнаружения преступления. Наконец, не вызывал сомнений тот факт, что преступник обыскал квартиру — об этом свидетельствовал беспорядок в шкафу и на полках — но наличных денег, приготовленных для покупки бензина для автомашины, не забрал. Взял ли он нечто иное и являлся ли этот человек фетишистом?

Судебно-медицинская экспертиза причиной смерти определила механическую асфиксию, что следовало признать ожидаемым. На теле Джоан имелись некоторые повреждения: вокруг правого соска присутствовали два полулунных следа, оставленных человеческими зубами. Примерно 4 см выше были отмечены две свежих парал-

лельных царапины, а на правом бедре — кровоподтёк размером 5 см на 6 см. По мнению эксперта, эти повреждения были причинены незадолго до смерти.

Внешние половые губы также имели повреждения — разрывы, царапины и потёртости — нанесенные либо посмертно, либо когда потерпевшая находилась в агональном состоянии. Убийца совершил с Джоан Граф половой акт в традиционной форме, причём действовал очень грубо и травмировал жертву. По мнению судмедэксперта, убитая не жила регулярной половой жизнью. Половой акт был осуществлён посмертно, на это явно указывала незначительность кровотечения, если бы жертва оставалась жива, то кровопотеря оказалась бы намного обильнее. В теле была обнаружена сперма. Посмертный половой акт означал, что преступник является некрофилом.

Установление личности убийцы отнюдь не выглядело безнадежным делом. Во-первых, даже по первым показаниям свидетелей время наступления смерти определялось довольно точно — в 12:30 её видел живой и здоровой Джордж Привитер, а уже в 16:30 она не вышла к автомобилю супругов Джонсон. Во-вторых, как раз в этот интервал времени некий молодой мужчина в коричневой куртке и зелёных штанах искал «Джоан». Может быть, он искал вовсе и не Джоан Графф, но после ответа Марион Роу неизвестный обязательно должен был спуститься этажом ниже и постучать в дверь той самой квартиры, что стала местом преступления. У полиции было отличное описание неизвестного мужчины и ценный свидетель, способный его опознать. В-третьих, Джоан явно относилась к категории женщин низкой виктимности. Как быстро выяснили полицейские, она принадлежала к приходу лютеранской церкви под названием «Синод Миссури» — это была очень строгая организация, где Джоан, однако, быстро достигла всеобщего уважения.

Она не ходила в бары, не завязывала мимолетные знакомства и была очень разборчива в выборе друзей. Если она пустила в квартиру незнакомого человека, стало быть, она его хорошо знала... Ну, или считала, что хорошо знает!

Благодаря опросу соседей, полиция установила, что в начале десятого часа утра в день убийства Джоан Графф ненадолго выходила к своей автомашине. На обратном пути к подъезду с нею заговорил какой-то крупный светловолосый мужчина, Джоан быстро ответила ему и вошла в подъезд. Описание неизвестного совершенно не совпадали с приметами человека, интересовавшегося Джоаной в середине дня.

Джоан Графф.

Понимая, что убитая не стала бы искать случайных знакомств с мужчинами в традиционных для этого местах, вроде баров и клубов, полиция сосредоточилась на проверке коллег Джоан Графф. Она работала в довольно большом коллективе, в котором число молодых мужчин составляло несколько десятков. Сначала были

отсеяны лица, заведомо имевшие alibi, например, находившиеся в дальних командировках, но вместо них в список проверяемых были включены те, кто уволился из компании после прихода на работу Джоан. Такой человек мог познакомиться с убитой до увольнения и запомнить её, поэтому возможность его появления на пороге убитой исключать не следовало.

Всего плотной проверке, т.е. допросам, включая допросы с использованием полиграфа, подверглись 35 мужчин. Это число было озвучено на пресс-конференции, проведенной представителями полиции Лоуренса 1 декабря 1963 г. В их числе оказался молодой человек, который, как стало известно из сообщений знакомых Джоан, очень ей нравился. По чудовищному совпадению он вполне отвечал приметам, сообщенным Марион Роу, правда, ни она, ни её муж опознать его не смогла.

Тем не менее, молодой человек попал под серьёзное подозрение и сложно сказать, как далеко зашли бы детективы в своём намерении «расколоть» подозреваемого! Помогло мужчине довольно неожиданное обстоятельство, немного даже комичное. Узнав, что правоохранные органы подозревают его в убийстве, он так перепугался, что сознался в гомосексуальности! Напомним, что речь идёт о 1963 г. — тогда мужчины в США свою нетрадиционную ориентацию скрывали!

Полицейские не поверили в заявление подозреваемого, решив, что тот попросту морочит им голову. Не поверили бы они, скорее всего, и показаниям любовника, подтверждавшим alibi подозреваемого, но по счастливому для них стечению обстоятельств оба в день убийства находились на вечеринке, устроенной их друзьями. Ту-совка там собралась сплошь специфичной ориентации, так что вопросов к подозрительному молодому человеку не осталось.

В ходе работы по расследованию этого преступления

полиция Лоуренса обратилась за поддержкой к полиции штата и полицейскому департаменту Бостона. Существовал определенный резон в том, чтобы проверить, где находились и чем занимались во время убийства Джоан Графф лица, попадавшие прежде в поле зрения правоохранительных органов. Обнаружились кое-какие интересные совпадения.

Например, выяснилось, что Бредли Щерещевский, один из самых перспективных кандидатов на роль «Бостонского Душителя» с 22 по 25 ноября находился на свободе. Если быть совсем точным, его родители получили разрешение забрать из психиатрической больницы сына на выходные, что и сделали. Дом Щерещевских был удален от места убийства Джоан Графф менее чем на 5 км. Перемещения обвиняемого вечером пятницы и в субботу установить вроде бы удалось, но оставались некоторые сомнения в полноте и достоверности картины. Детективы подозревали, что родители, опасаясь внимания полиции, могли решиться на то, чтобы обеспечить сынку фальшивое alibi..

Изучая события последних дней жизни Джоан Графф, детективы выяснили, что в пятницу 22 ноября она вместе с коллегой по работе выезжала в Рокпорт (Rockport), небольшой город на Атлантическом побережье в 40 км северо-восточнее Бостона. Это была т.н. местная командировка, поездка в течение рабочего дня на производственный объект. Ничего особенно интересного в этой поездке, вроде бы, не произошло и детективы полиции Лоуренса не обращали никакого внимания на это событие до тех пор, пока не выяснилась интересная деталь. В Рокпорте проживал мужчина, попавший в поле зрения правоохранительных органов при расследовании убийства Беверли Саманс. Мужчина этот имел конфликт с Беверли в октябре 1962 г., т.е. примерно за 5 или 6 месяцев до её убийства. И вот теперь в декабре

1963 г. новая жертва убийства оказалась от этого мужичины, что называется, в шаговой доступности. Что это могло означать: обычное совпадение или нечто большее?

Никаких прямых контактов Джоан Графф с этим человеком обнаружить не удалось, и с большой долей вероятности можно было считать, что они не встречались. Но мог ли он увидеть её издали или проследить за автомашиной? Никакого *alibi* проверяемый не имел — ни на 22 ноября, ни на время убийства Джоан. Правда, имелось серьёзное соображение против того, что этот человек мог убить обеих женщин (Бев Саманс и Джоан Графф). Дело в том, что жертвы сильно различались — Саманс была еврейкой и имела характерную для этого народа внешность, являлась человеком ярким и артистичным, что выражалось и в её манере одеваться, накладывать макияж и т. п. Графф в своей внешности имела выраженные черты англо-саксонской расы — высокая, худая, широкой кости блондинка. Придерживаясь строгих религиозных правил, она одевалась в очень простые платья, не пользовалась косметикой и, наверное, в повседневной жизни она являлась женщиной не очень привлекательной (хотя газетчики и писали о ней, как о «привлекательной блондинке»). Саманс и Графф были очень разными внешне и вряд ли обе могли понравиться одному человеку.

Помимо направления, связанного с мужчиной из Рокпорта, в декабре обнаружилась ещё одна любопытная зацепка. Выяснилось, что настоятель прихода, членом которого являлась Джоан Графф, являлся по национальности латышом. Он не только знал Анну Слесерс, убитую, напомним, летом 1962 г., но и был другом её сына Юриса. Священник присутствовал на похоронах Анна Слесерс и в последующем сохранил тёплые отношения с Юрисом. Было ли это всего лишь совпадение или нечто большее сказать было очень сложно. Точнее — невоз-

можно.

В рамках расследования убийства Джоан Графф были допрошены в общей сложности более 50 человек, знавших жертву лично и способных прояснить различные аспекты её жизни. Никакого прояснения, впрочем, так и не наступило. Полиция не нашла обладателя зелёных штанов, постучавшего в квартиру Роу, как не нашла блондина, остановившего Джоан у подъезда в день убийства. Расследование, энергично начавшееся в ноябре, забуксовало уже через неделю, а в конце декабря безнадежно остановилось.

Идей никаких не осталось. Подозреваемых не было. Убийцы тоже.

4 января 1964 г. Убийство Мэри Салливан

Новый 1964 г. начался для 19-летней Мэри Салливан (Mary Sullivan) с хлопот по переезду в новое жилище. Она сняла комнату в 3-комнатной квартире в доме №44А по Чарлз-стрит (Charles Street) и 1 января переехала в квартиру №2 на втором этаже. Вместе с нею квартиру делили Патрисия Делмор (Patricia Delmore), 19 лет, и Памела Паркер (Pamela Parker) на год младше. Очень скоро — 11 января — у Мэри Салливан должен был быть день рождения, ей исполнилось бы 20 лет, так что в девищем триумвирате она являлась старшей. Все трое были хорошо знакомы — на протяжении последних месяцев они работали в крупном универмаге в центре Бостона, правда, Мэри в самом конце года уволилась и в пятницу 3 января вышла на новое место работы — секретарём в офис финансовой компании.

Девчонки, занимавшие квартиру №2 на втором этаже, подобрались веселые — все встречались с молодыми людьми, ходили в бары и клубы, любили потанцевать, так что житуха впереди была нескучная! Уже 2 января Мэри познакомилась с молодыми людьми соседок, точнее, одной из них — Патрисии. Тогда было устроено застолье с обильным возлиянием. Имелся ухажёр и у Мэри Салливан и даже не один. Вообще же, личная жизнь Мэри была очень запутанна и чуть ниже об этом будет сказано особо. Мэри была родом из Гианниса, небольшого городка на побережье Атлантического океана в 90 км юго-восточнее Бостона. Там она окончила школу, начала работать, после того, как более 3 месяцев была безработной, перебралась в Бостон, где устроилась в крупном

универмаге продавщицей. Там-то и познакомилась с Делмор и Паркер. В конце 1963 г. Мэри из универмага уволилась и отыскивала место секретаря в финансовой компании. Она отвечала на телефонные звонки и регистрировала заявки.

С упомянутой выше вечеринкой 2 января оказался связан неприятный эпизод, на который никто поначалу не обратил особого внимания. После того, как молодые люди ушли, а девушки стали убирать следы застолья, выяснилось, что кто-то брал ключи от входной двери, лежавшие в сумочке Патрисии. Из сумочки ничего не пропало, но сам факт был очень неприятен.

4 января, в субботу, Делмор и Паркер отсутствовали весь день на работе и появились на Чарлз-стрит только около 6 часов вечера. Мэри должна была быть дома, однако на звонок в дверь не отреагировала, и девушкам пришлось открывать дверь ключом. Быстро сбросив верхнюю одежду, они занялись приготовлением ужина, Памели Паркер при этом заглянула в спальню Салливан. В комнате находились две кровати, одна ближе к двери, другая — дальше, у окна. Несмотря на темноту, можно было видеть фигуру Мэри, полусидевшую в изголовье. Памела решила, что соседка спит и, тихонько притворив дверь, прошла на кухню, где сообщила об этом Пэт.

Девушки занимались ужином около четверти часа, примерно в 18:15 они позвали Мэри к столу, дескать, вставай, лежебока, а то без тебя всё съедим!

Поскольку Салливан не отозвалась, Делмор и Паркер вместе вошли в её комнату, чтобы разбудить. Они включили в спальне свет и... увидели в кровати у окна нечто ужасное: обнаженная Мэри Салливан сидела в изголовье, широко расставив ноги, на её шее были накручены какие банты, а между ног находилась швабра, рукоять которой была введена в вагину. Потрясенные увиденным, Патрисия и Памела закричали в голос и помчались

вон из квартиры.

С криком, воплями и слезами они вывалились из подъезда и моментально собрали вокруг себя толпу озадаченных зевак. По чистой случайности в эту же минуту по Чарлз-стрит проезжал полицейский Джон Вадебонкур (John Vadeboncour), осуществлявший патрулирование района на мотоцикле. По радиации он немедленно вызвал подкрепление, а сам, соскочив с седла мотоцикла, выхватил револьвер и направился на место совершения преступления.

Чарлз-стрит утром 5 января 1964 г. Полиция и криминалисты работали в доме №44А около 12 часов и стали разбегаться только поутру. Всё это время на Чарлз-стрит стояла толпа зевак, то увеличивавшаяся, то уменьшавшаяся, но ни на минуту не расходившаяся. Обыватели следили за работой полиции и активно комментировали происходившее. Рядом с домом находилось большое количество журналистов, поэтому события тех часов довольно хорошо документированы.

Памела и Патрисия оставались на улице, в считанные минуты вокруг собралось множество людей, вставших плотной стеной и фактически перегородивших улицу. По оценкам журналистов, прибывших на Чарлз-стрит, численность толпы превышала 400 человек. Теле-репортёры отсняли репортажи, на которых можно видеть заполнивших улицу людей — именно их обычно показывают в качестве хроники в документальных фильмах, посвященных истории «Бостонского Душителя». Так вот, эти кадры запечатлены именно вечером 4 января 1964 г. на Чарлз-стрит.

Детективам Отдела расследования убийств и криминалистам, приступившим к изучению места совершения преступления, открылась весьма причудливая и жуткая картина. Жертвой вполне ожидаемо оказалась Мэри Салливан — её опознание не вызвало проблем. Как упоминалось выше, в спальне Мэри находились две односпальных кровати: одна ближе к двери в комнату, вторая — дальше, у окна. Судя по следам на постельном белье, первоначально преступление происходило на той кровати, что стояла у двери. След мочи на белье указывал на то, что жертва там обмочилась, что естественно при душении. Это обстоятельство, по-видимому, побудило преступника переместить Мэри на вторую кровать. Могла существовать и другая причина для подобного перемещения — в начале января рано темнеет, а преступник не желал включать освещение, хотя и хотел видеть то, что он делает.

Тело Мэри находилось в сидячем положении, опираясь плечами на спинку кровати, голова была опущена вниз направо. Труп был обнажён практически полностью, из одежды присутствовала блузка, сдвинутая с плеч в область спины, а также бюстгальтер, бретельки которого были спущены с плеч, а сам бюстгальтер — опущен ниже груди. Изо рта потерпевшей на грудь спускалась

струйка густой жидкости, которая могла быть как слюной, так и спермой; правая грудь была запачкана этой жидкостью. На шее мертвой девушки были затянуты три предмета: чёрный нейлоновый чулок, глубоко врезавшийся в кожу, поверх него два шёлковых шарфа — один розового цвета, а второй — бело-розовый с цветочным рисунком. Каждый из этих трёх предметов одежды был завязан своим большим узлом, похожим на бант. Оба шарфа были затянуты значительно слабее, нежели чулок.

Обе молочных железы имели большое количество — около двух десятков — поверхностных повреждений кожи — порезов, царапин и уколов — причинённых острым предметом. Эти повреждения локализовались в области сосков, они не представляли угрозы для жизни, но явились источником кровотечения, хотя и не очень обильного. Кровь была размазана по груди и плечам жертвы, отдельные помарки присутствовали и на лице.

Ноги трупа были согнуты в коленях и широко разведены. Между ног располагалась швабра, рукоять которой была введена во влагалище убитой на глубину около 9 см (3,5 дюйма). К щиколотке левой ноги была прислонена поздравительная открытка с надписью «Счастливого Нового года!»

Преступник явно преследовал цель шокировать того, кто увидит тело.

Осматривая квартиру, полицейские сделали несколько интересных открытий. В унитазе они обнаружили разрезанный на 3 куска красный аскот, особый короткий мужской галстук с широкими концами, обычно заправляемыми под рубашку. Кто-то пытался смыть эту вещь в канализацию, а дыба избежать засора трубы предусмотрительно разрезал аскот на части. Уже в ходе первых допросов соседок Мэри удалось выяснить, что та купила аскот в подарок своему другу Нейту Уорду, однако... в уборной был найден другой аскот, принадлежавший

Памеле Паркер! Что это могло значить?

Кадр из телевизионного репортажа, посвященного убийству Мэри Салливан. Работники службы коронера транспортируют тело задушенной женщины на носилках вниз по лестнице.

В пепельнице, найденной в спальне Мэри, оказались окурки сигарет, которые никто из жильцов не курил.¹ На полу у кровати была найдена т.н. подкладная металлическая шайба, используемая в слесарном деле. Сосед-

¹ *Полиция никогда не уточняла, сколько и какой марки окурков удалось найти на месте убийства; очевидно, эта информация должна была быть использована как проверочная на случай возможного самоговора непричастного к преступлению человека.

ки Мэри категорически заявили, что таких предметов в квартире не было однозначно и по месту работу никто из них, в т.ч. и Салливан, сталкиваться с ними не могли. Логичным казалось предположение, что шайбу обронил убийца.

В спальне, оказавшейся местом совершения преступления, был найден уголок обгоревшего листа жёлтой бумаги. Предмет этот чрезвычайно заинтересовал криминалистов, и они приложили массу усилий к тому, чтобы установить его происхождение. В конце концов специалисты выяснили, что лист был вырван из телефонного справочника западного пригородного района Бостона, изданного в 1962 г. В этом справочнике отсутствовали номера абонентов на Чарлз-стрит и прилегающих районов. Более того, такого телефонного справочника в квартире вообще никогда не было.

Также в спальне на полу оказалась половинка магазинной этикетки... совка для мусора. Самого обычного домашнего совка. Такого совка, однако, в квартире никогда не было, и никто из жильцов не говорил, что его надо бы приобрести. Возможно, появление этого предмета было связано с преступником, который мог случайно обронить его.

Либо подбросить умышленно.

На спинке кровати был обнаружен отпечаток пальца, который, как показала последовавшая проверка, не принадлежал ни одному из бывавших в квартире людей. Точнее, из бывавших и известных полиции. С некоторой долей вероятности этот отпечаток можно было связать с убийцей. На протяжении многих лет его неоднократно проверяли по самым разным базам данных, но совпадения отыскать так и не удалось.

Следов взлома или открывания посредством отмычек замки на входной двери не имели. Означало ли это, что Мэри Салливан впустила убийцу добровольно?

Вот тут-то и всплыл рассказ о странном происшествии с ключами от входной двери, вытащенными кем-то из сумочки Пэт 2 января. В тот день, точнее вечер, в квартире была устроена небольшая вечеринка, в которой приняли участие как проживавшие в ней девушки, так и явившиеся в гости два молодых человека, один из которых — Уильям Роберт Эванс — ухаживал за Патрисией Делмор. Компания развлекалась с 19:30 до 23 часов, молодёжь распивала пиво, слушала музыку и непринужденно общалась. Уже после ухода гостей обнаружилась неприятная «непонятка» с ключами Пэтти. Их для чего-то вытащили из сумочки и кофра, небольшого кожаного футляра, в котором они хранились. Поскольку кофр изначально находился в сумочке, тому, кто брал ключи, пришлось сначала покопаться в ней.

Мэри Салливан.

Детективы поняли, что означает это сообщение: чтобы сделать копию ключа совсем необязательно его во-

ровать, достаточно приложить к тёплому пластилину и получить оттиск. Эта нехитрая манипуляция занимает всего-то пару секунд. Кусочек пластилина согревается теплом ладони, ключ на мгновение прижимается к нему и — вуаля! — можно заказывать дубликат.

Предположение выглядело очень привлекательным, особенно принимая во внимание, что Уилльям Эванс по чистой случайности оказался возле дома №44А в то самое время, когда Делмор и Паркер выбежали на улицу с криками. Эванс поспешил поддержать их. Когда прибыли детективы, молодой человек сообщил им, что Мэри Салливан была очень напугана тем, что видела на пожарной лестнице неизвестного мужчину. И вообще в квартире уже месяц неисправно окно на кухне — его невозможно застопорить в опущенном положении.

Это информация, конечно же, заинтересовала детективов, а Эванс, увидев интерес, поспешил добавить кое-что ещё. Он рассказал, что около 19:30 3 января, т.е. менее чем за сутки до преступления, зашёл к Пэтси, но не застал её дома и поговорил с открывшей дверь Мэри. Разговор длился несколько минут, и Эвансу показалось, что в комнате Мэри Салливан находился мужчина. Свидетель заявил, что не видел человека, но будто бы слышал сочный баритон. Голос этот до такой степени заинтриговал Эванса, что он, вернувшись к своей автомашине, принялся крутить ручку настройки радиоприёмника, рассчитывая поймать станцию, на которой вещал обладатель удивительного голоса. Но из затеи ничего не вышло, нужно радиостанцию Эванс так и не нашёл.

По мнению Эванса, вечером 3 января у Мэри в гостях находился мужчина.

А вот, по мнению детективов, Эванс старательно навел тень на плетень. Молодой человек показался опытным полицейским слишком уж подозрительным. Сначала странная история с ключами Патрисии Делмор,

потом рассказ про неизвестного на пожарной лестнице, которого никто не видел, кроме убитой... потом удивительная история про таинственного гостя в комнате Мэри, которого тоже никто не видел и не слышал, кроме убитой. Осведомленность Эванса о сломанном кухонном окне тоже выглядела довольно подозрительной. Его поведение можно было истолковать следующим образом: молодой человек всеми силами пытается создать видимость существования некоего «подозрительного постороннего», но при этом сам выглядит довольно подозрительным. Возле места убийства оказался совершенно случайно, демонстрирует желание сотрудничать, рассказывая при этом довольно странные истории.

То, что рассказ Уилльяма Эванса о «сочном баритоне» действительно странен, вскоре подтвердил допрос двух подруг Патрисии Делмор, также приходивших к Пэтси вечером 3 января. Девушки разминулись с Уилльямом буквально на четверть часа или даже меньше. Они подтвердили рассказ Эванса об отсутствовавших Пэтси и Пэм, но при этом уверенно заявили, что никакого баритона в комнате Мэри Салливан слышно не было. Конечно, можно было допустить, что таинственный гость успел уйти, но точно так же можно было допустить, что его вообще не существовало.

И Эванс всю эту чепуху выдумал. Вопрос: ради чего он так старался?

В то самое время, пока сотрудники Отдела расследования убийств BPD активно работали на Чарлз-стрит, весьма неординарные события происходили в 12 км к западу, в городе Ньютон, пригороде Бостона. В местную полицию обратились две родные сестры — 25-летняя Кристин Трейси (Christine Tracy) и Элизабет Трейси, 16 лет — заявившие о том, что к ним подошёл мужчина и, угрожая ножом, принудил отвезти его в автомашине из Бостона в Ньютон-Хайлендс.

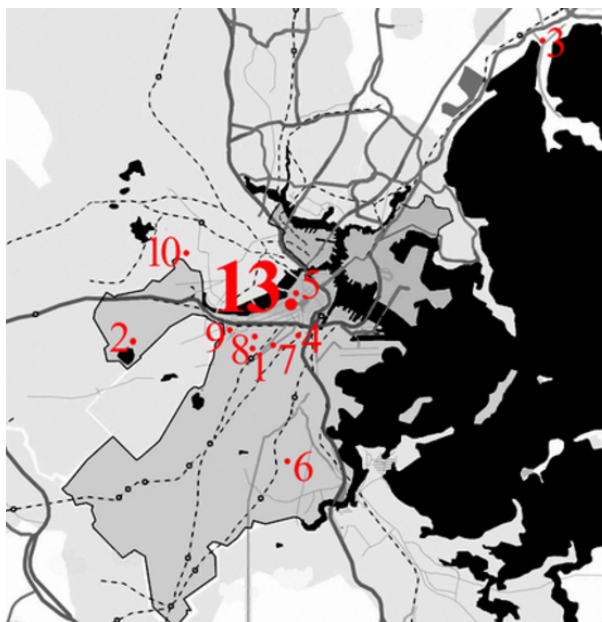

Схема Большого Бостона с указанием мест совершения убийств, приписываемых «Фантому». Числа соответствуют отдельным эпизодам в их хронологическом порядке. Убийства, совершенные в сентябре 1963 г в Салеме и в ноябре того же года в Лоуренсе, не показаны, т.к. эти населенные пункты находятся вне границ карты. Число 13 обозначает место убийства Мэри Салливан в доме №44А по Чарлз-стрит. Легко заметить, что это преступление было совершено в самом эпицентре активности «Бостонского Душителю». До места убийства Анны Слесерс (1) не более 3 км, а до дома, в котором была убита Ида Ирга (5) — примерно 500 м. С точки зрения современных представлений о поведении серийных убийц подобное «возвращение к эпицентру» представляется довольно нетипичным. Преступники такого рода обычно действу-

ют наоборот и по мере набора опыта расширяют область своей активности.

Запугивая девушек, неизвестный заявил, что только что совершил убийство и теперь ему необходимо скрыться из города, т.е. из Бостона. Произошло это в 17 часов на территории Бостонского общественного подземного гаража, расположенного буквально в трёх кварталах от дома №44А по Чарлз-стрит. Сёстры подчинились угрозам и выполнили все требования преступника, а после того, как тот покинул автомашину, сразу помчались в полицию.

Полиция Ньютона немедленно приступила к оцеплению и прочёсыванию района Хайлендс. И, разумеется, уведомила коллег из Бостона о том, что там на территории общественного подземного гаража имело место похищение двух девушек и угон их автомашины. В Бостоне, разумеется, связали произошедшее в гараже в 17 часов и сообщение об убийстве, поступившее в 18:20.

Поэтому, когда в Ньютоне около 21 часа поймали некоего молодого человека, соответствовавшего приметам напавшего на сестёр Трейси, из Бостона для его допроса выехала целая команда детективов во главе с начальником Отдела расследования убийств лейтенантом Джоном Донованом. Дело шло к тому, что убийство Мэри Салливан могло быть раскрыто в ближайшие часы, что называется, по горячим следам. Неужели «Фантом» «прокололся», и мышеловка захлопнется окончательно и бесповоротно?

Мы не знаем, какие именно чувства испытывали бостонские детективы, но, наверное, они сильно волновались. Допрос задержанного начался около полуночи, после того, как он был опознан сестрами Трейси. Можно

было не сомневаться, что теперь, когда судья без колебаний выдаст ордер на его арест, преступник полностью в руках Правосудия и никуда не скроется.

Фотографии из ТВ-репортажа, отснятого репортёрами возле дома, в котором была убита Мэри Салливан. На них запечатлён Джон Донован, начальник Отдела расследования убийств BPD, прибывший для личного осмотра места совершения преступления. На пути от автомашины к подъезду Джон остановился и заговорил со знакомым журналистом.

Однако встреча с преступником до некоторой степени обескуражила детективов. Они увидели перед собой жалкого неухоженного молодого человека, совершенно не соответствовавшего типу «Бостонского Душителя». Сложно было представить, чтобы этого тощего, нестриженного, прыщавого юнца пустили в свои квартиры осторожные, с немалым жизненным опытом женщины. Задержанным оказался некий Ричард Бранетт (Richard Brunette), родившийся и выросший в южном Роксбари. 20 мая ему должно было исполниться 19 лет. Юноша был сильно напуган и плохо владел собой, узнав, что его подозревают в убийстве, расплакался. Он никак не тянул

на хладнокровного, лишённого эмоций опытного убийцу. Бранетт категорически отрицал свою причастность к убийству и заявлял, что в разговоре с сёстрами Трейси упомянул об убийстве лишь для того, чтобы сильнее запугать девушек. Его alibi удалось установить уже к утру следующего дня и бостонские детективы покинули Нью-порт, что называется, несолоно хлебавши.

Между тем детективы, работавшие на Чарлз-стрит, сделали новое важное открытие. Они задумались о происхождении открытки, приставленной убийцей к ноге жертвы, и обратили внимание на то, что среди вещей Мэри Салливан нет той праздничной макулатуры, что обычно накапливалась у любого цивилизованного человека в эпоху отсутствия интернета и гаджетов. То есть в комнате отсутствовали поздравительные открытки, письма родственников, приглашения на ярмарки и распродажи... А ведь только-только минули католическое Рождество и Новый год!

Сразу скажем, что обнаружить эти предметы не удалось. В квартире также не оказалось портфеля, с которым Мэри Салливан отправилась на Чарлз-стрит сразу после Нового года. В своём месте ещё будет сказано несколько слов о событиях той ночи, пока же просто отметим, что предположение об исчезновении некоторых личных предметов убитой в конечном счёте подтвердилось. Но ясности в том, забрал ли их убийца или они исчезли в другой день, следствие так никогда и не добилось.

Судебно-медицинская экспертиза, проведенная уже упоминавшимся в книге доктором Луонго, констатировала наступление смерти от механической асфиксии. В качестве гарроты использовался чёрный чулок, обнаруженный на шее трупа. Не исключалось неоднократное душение, т.е. преступник мог ослаблять чулок, дожидаться возвращения сознания к жертве, а затем затягивать

его снова. Подобная мучительная игра могла быть растянута на долгое время, возможно, десятки минут. Страдания, перенесенные жертвой, просто невообразимы...

Преступник безусловно осуществлял сексуальные манипуляции, сомнений в этом быть не могло, поскольку жидкость, стекавшая изо рта на грудь жертвы оказалась спермой. Повреждения груди наносились Мэри Салливан в состоянии умирания и после смерти, по-видимому, эти ранения должны были подстегнуть возбуждение насильника. С большой долей вероятности можно было считать, что фелляция имела место посмертно, т.е. преступник имел выраженные некрофильские наклонности. Убитая не имела защитных ранений. В крови Мэри следов алкоголя, наркотиков или сильнодействующих успокаивающих веществ обнаружено не было.

Время наступления смерти определялось интервалом от 15 до 18 часов 4 января, что полностью соответствовало информации, установленной к тому времени расследованием.

Разумеется, большое внимание правоохранительные органы уделили прошлому погибшей. И тут всех ожидало немало удивительных открытий. Мэри Салливан была вторым ребёнком в семье, в которой кроме неё имелось ещё 5 детей. Все, знавшие Мэри, описывали её как очень энергичную, весёлую и позитивную девушку. Она неплохо училась, но всё пошло наперекосяк в старшей школе после её встречи с неким Натаном Уордом, старшим братом её подруги. Натан, или сокращенно Нейт, служил в армии; роман с ним вскружил голову совсем юной девчонке и сбил её с проторённой жизненной дорожки. Мэри вступила с ним в интимные отношения, когда ей не было ещё и 18 лет. Летом 1961 г. она заявила матери, что хочет жить одна и, несмотря на протесты родителей, сняла вместе с подругой дом в местечке, неподалеку от родного Гианниса.

Далее в её жизни произошёл очень странный зигзаг, который объяснить постороннему человеку довольно сложно. Мэри подружилась с двумя девушками, с которыми стала посещать коттедж, арендуемый студентами колледжа. Там постоянно собирались компании любителей выпить, потанцевать и вообще зажечь. Посиделки эти систематически превращались в оргии. Напомним, что речь идёт не о солнечной Калифорнии времен сексуальной революции, а о консервативном Бостоне начала 1960-х гг.! Полицейские были шокированы, узнав о проделках молодёжи. Они получили показания 23 молодых людей, в деталях рассказавших о том, как вела себя Мэри Салливан во время попоек. Когда подруги её, напившись до бесчувствия, уже не могли заниматься сексом с ребятами, Мэри одна справлялась со всеми желающими. В своих показаниях молодые люди сообщили, как Салливан отправлялась с ними на танцы, а потом удовлетворяла всех желающих орально в автомобиле и т. п. подробности. Как анекдот молодые люди рассказали о своей «шутке» над Мэри: однажды, когда Мэри перебрала спиртного и «отрубилась», всю её одежду, кроме трусиков, молодые люди разрезали на лоскуты. Салливан, проснувшись, была вынуждена отправиться домой топлесс. Показания эти не были оговором, невозможно представить, чтобы такая большая группа людей столь согласованно лгала о событиях двухгодичной давности.

Самое удивительное в этом периоде жизни Мэри заключается в том, что ни она, ни её подруги вовсе не были проститутками, т.е. они делали то, что делали, вовсе не за деньги. Зачастую они сами платили за выпивку, чтобы иметь возможность угостить друзей, причём последние довольно откровенно их третировали и выражали своё презрение без всяких церемоний. Интересен и другой аспект — Мэри в это время продолжала любить Нейта Уорда и во время его приездов на побывку вела се-

бя идеально.

Мэри Салливан в детские годы.

Однако позже поведение Салливан изменилось. Некоторые из её бывших друзей рассказали, что иногда случайно встречались с нею во второй половине 1963 г. и все их попытки склонить Мэри к занятию сексом оказались отклонены. Похоже, что попойки и спонтанный секс стали ей неинтересны. На первый взгляд могло показаться, что причина перемены заключалась в том, что в это время Уорд вернулся из армии и его присутствие положительно повлияло на Салливан. Но нет, совсем не так! Летом 1963 г. отношения Натана Уорда и Мэри зашли в беспросветный тупик. Мэри заявила родным, что отношения с ним не имеют перспектив, и молодые люди в августе 1963 г. разбежались. Салливан закрутила роман с неким Томми Бахром. В самом конце года в её жизни появился ещё один мужчина, которого она называла Клайд. Полиция приложила немало сил, чтобы персонифицировать его.

Хотя Мэри не была преступницей, в её окружении оказалось большое количество подозрительных людей.

Прежде всего, не внушал доверия Нейт Уорд, человек, чья тень, казалось, сопровождала Мэри на протяжении всех последних лет её жизни. Хотя она и рассталась с ним в августе, тем не менее даже в декабре Салливан несколько раз с ним встречалась. Причина переезда Мэри на Чарлз-стрит заключалась в том, что в новогоднюю ночь она увидела Нейта с новой девицей — это до такой степени расстроило её, что она схватила портфель, бросила в него самое необходимое и отправилась жить к подругам. На Чарлз-стрит она должна была появиться в интервале от 2 до 3 часов 1 января, но так ли это было на самом деле, неизвестно, поскольку Делмор и Паркер отсутствовали. Правда, деталь эта выяснилась не сразу — на первом этапе расследования все — и полицейские, и родственники — считали, что девушки встретились сразу после Нового года и провели остаток ночи и утро вместе. Как это часто бывает, именно то, что всем представляется очевидным, оказывается в конечном итоге ошибочным. События той новогодней ночи как раз из числа таковых...

Чуть ниже мы ещё вернёмся к этой детали.

В самом начале расследования детективы, разумеется, озаботились выяснением того, как Мэри Салливан провела день накануне. Это был её первый день работы на новом месте — она принимала телефонные звонки, и, как оказалось, справлялась с обязанностями очень профессионально. В 1962 г. ей уже доводилось работать телефонным диспетчером в электрической компании в Гианнисе, так что она умела разговаривать с клиентами. Никаких конфликтов на новом месте работы Мэри не было, напротив, она всем понравилась прекрасной дикцией и звонким голосом, в конце дня офис-менеджер её похвалила. В общем, рабочий день прошёл очень даже неплохо.

Что последовало за этим? Полицейские выяснили

и это. Мэри отправилась в автомобильную мастерскую, где ремонтировали её «додж». Машину вернули, она рассчиталась за работу, приехала домой. Быть может, найденная на полу спальни шайба была принесена из этой мастерской самой Мэри? Быть может, этот предмет никак не связан с убийцей?

Последний вечер в своей жизни Мэри Салливан провела в одиночестве — Патрисия уехала к родителям в Лоренс, а Памела отправилась на встречу со своим молодым человеком. Парочка планировала отправиться на каток, а затем в кинотеатр.

В 19:30 Уилльям Эванс, упоминавшийся выше ухажёр Пэтси Делмор, позвонил в дверь. Он хотел знать, где может найти Пэтси. Мэри ему не открыла — на эту деталь детективы сразу обратили внимание! — и разговаривали они через дверь. Именно во время этого разговора Эванс и слышал якобы сочный баритон в комнате Салливан.

В 19:45 в дверь позвонил некий Барри Джонс, ещё один воздыхатель Патрисии Делмор. С ним Салливан также поговорила, не открывая двери, сообщила, что Пэтси отправилась к родителям, но к ближе к ночи вернётся. Барри ушёл не солоно хлебавши, но пообещал зайти позже. Мэри ответила, что это необязательно и он может себя не утруждать... Она была не без чувства юмора!

Прошло немногим более часа, и в 9 часов вечера в дверь квартиры позвонил очередной ухажер, точнее, сразу два. Некие Ричард Леверони и Роберт Тоул имели намерение пригласить Пэтси сыграть в картишки. Преферанс до утра — как это по-человечески понятно! Ещё можно до утра играть на трубе или учить гимн Буркина-Фасо — в 20 лет все эти развлечения в женском обществе кажутся в новинку, так что тягу молодых людей к общению с милой девушкой можно считать вполне оправданной и даже здоровой. Мэри также поговорила с ними, не открывая двери, и юноши отправились восвояси.

Наконец, уже около полуночи в гости заявили две девицы, знакомые Пэтси. Правда, с ними Мэри Салливан уже не общалась, поскольку Делмор вернулась домой и решала свои проблемы сама. По всему получалось, что каких-то подозрительных или необычных инцидентов с Мэри в последние дни и часы жизни не происходило.

Вся эта информация немного давала следствию, кроме одного важного вывода — Мэри была осторожна и не открывала дверь незнакомым людям. Проникнуть в квартиру, назвавшись другом Делмор или Паркер, не получилось бы, Мэри не доверяла даже тем, с кем была лично знакома, вроде Уилльяма Эванса.

Детективы тщательно «прошерстили» район, рассчитывая обнаружить свидетелей каких-то событий, которые можно было бы как-то связать с Мэри Салливан. Им удалось кое-что обнаружить.

Некий Симс Мюррей, проживавший неподалёку от дома №44А по Чарлз-стрит, рассказал, как во время прогулки с собакой увидел Мэри Салливан с обществом незнакомой мужчины. Мэри несла перед собой коробку, удерживая её двумя руками, мужчина в это время выгружал какие-то вещи из багажника автомашины. Они явно приехали вместе, и Мэри даже приостановилась на пути к подъезду, поджидая приотставшего мужчину. Мюррей не обратил на происходившее внимания и прошёл мимо, не останавливаясь, затем он уехал в командировку и отсутствовал в Бостоне более трёх недель. Лишь вернувшись в город и прочитав публикации в местной прессе, он сообразил, что видел жертву преступления.

Мюррей сообщил, что увиденный им мужчина выглядел заметно старше Мэри, у него имелись отчётливые залысины. Симс видел неизвестного преимущественно со спины, поэтому описать его лицо толком не мог, но припомнил, что у мужчины был крупный нос, но не заостренный, а такой, который в России принято

называть «картошкой». Из одежды в память Мюррею врезались тёмно-синие широкие штаны — это были не джинсы и не классические брюки.

Самое досадное заключалось в том, что свидетель не мог назвать точную дату своей встречи с Мэри Салливан — это могло произойти как 1 января 1964 г., так и 4.

Сообщение Симса Мюррея оказалось важным по двум причинам. Во-первых, из него можно было сделать вывод о наличии среди знакомых убитой девушки некого мужчины заметно старше неё, о котором никто не знал. Во-вторых, очень подозрительным представлялось нежелание этого человека вступить в контакт с правоохранительными органами после того, как все местные средства массовой информации оказались наполнены сообщениями об убийстве Мэри Салливан. Ну, в самом деле, если знакомство с этим мужчиной явилось совершенно случайным, скажем, он был таксистом, подвозившим Мэри, то почему он не поспешил сообщить полицейским о своей встрече с жертвой преступления? Видимо, было нечто такое, что удержало неизвестного от контакта с полицией.

В силу понятных причин внимание правоохранительных органов привлекли многочисленные знакомые Мэри, причём как те, с кем она давно порвала, так и те, с кем отношения поддерживались. Вызвал определенный интерес Натан Уорд, человек, в которого Мэри была долгое время влюблена и связь с которым явилась, пожалуй, самым большим разочарованием в её жизни. Уорд оказался весьма проблемным молодым человеком. Он увлекался марксизмом, маоизмом и троцкизмом, читал популярные брошюры, развенчивавшие ужасы империализма, и давал их читать Мэри. Родители последней были шокированы теми левацкими взглядами, что прививал их дочери её бойфренд. За год Уорд сменил 4 места работы и везде конфликтовал с начальством

и коллегами, т.е. человеком он был неуживчивым, скандальным и амбициозным. Правда, у Уорда на момент убийства оказалось отличное *alibi* — вторую половину дня 4 января он провёл в большой компании за много десятков километров от Бостона и никак не мог быть на месте преступления. Сообщение об убийстве Мэри застало его на катке с друзьями.

Уорд, оставив компанию, отправился в дом родителей Мэри на Си-стрит в Гианнисе. Мать убитой попросила его стать распорядителем на церемонии прощания, Уорд отказался. Тогда его попросили уйти из дома, что тот и сделал. На следующий день, обдумав сложившуюся ситуацию и, очевидно, сообразив, что его поведение выглядит совсем уж некрасиво, Уорд встретил на улице одну из сестёр Мэри и предложил отвезти её в морг в Бостоне, когда надо будет доставить туда одежду, чтобы подготовить тело к церемонии прощания. Сестра отказалась от его помощи, заявив, что семья справится самостоятельно. Уорд не успокоился и в тот же день встретился с другой сестрой, снова предложив свои услуги. Ему отказали вторично. Уже по одним этим деталям можно составить определенное впечатление о человеке. Остаётся добавить, что как только минули «сороковины» по Мэри Салливан, её бывший дружок женился — произошло это 14 февраля 1964 г.

Хотя довольно быстро стало ясно, что Уорд не мог убить Мэри лично, нельзя было исключать его косвенную вовлеченность в преступление. В этом отношении сильно сбивало с толку следующее обстоятельство: Мэри рассчитывала поздравить Натана с новым годом и купила ему в подарок аскот. А при осмотре места преступления был найден разрезанный на 3 части аскот — он был кем-то выброшен в унитаз, скорее всего, это сделал убийца. Скрытый подтекст этого действия оставался непонятен, поскольку разрезанный аскот был не тем, ко-

торый Мэри купила в подарок Натану. Понятно, что Мэри не могла разрезать чужой аскот, стало быть, вещь уничтожил убийца.

Зачем он это сделал?

Попытка уничтожить аскот наводила на мысль, что убийца знал о существовании подарка и, разумеется, был осведомлён о существовании самого Натана Уорда. Никто не мог сказать определенно, были ли действия убийцы исполнены скрытого символизма или же он попросту занимался глупостями, рассчитывая сбить полицию со следа?

Остаётся добавить, что подозрения полиции вызывал практически каждый молодой человек, с которым Мэри Салливан общалась в 1962—1963 гг. Кто-то вёл откровенно антиобщественный образ жизни, кто-то успел нарушить закон, кто-то был не до конца откровенен с полицией. Работа по проверке сведений, сообщаемых молодыми людьми, и их *alibi* растягивалась порой на много дней. Результаты не утешали: некоторых из допрошенных никак не получалось исключить из списка подозреваемых...

Мэри Салливан была похоронена 8 января 1964 г. на своей «малой родине» в Гианнисе. На 40-й день со времени убийства родные и близкие собрались, чтобы помянуть Мэри. Разговор, само собой, коснулся хода расследования и обсуждения деталей, связанных с последними днями жизни убитой. И тут выяснилась интересная деталь: все родственники считали, что Мэри провела новогоднюю ночь в квартире на Чарлз-стрит вместе с Патрисией Делмор и Памелой Паркер, но одна из сестёр убитой неожиданно заявила, что в ту ночь всё было совсем не так! По её словам, Мэри во время последнего телефонного разговора сообщила ей, что приехала 1 января на Чарльз-стрит между 2 и 3 часами ночи и, не застав дома Делмор и Паркер, отправилась в церковь. Ну,

в самом деле, не сидеть же на лестничной площадке или в автомашине?

Эта информация позволила по-новому оценить судьбу пропавшего портфеля Мэри с её письмами, открытками и личными вещами. Быть может, никто портфель не похищал — он оказался забыт в храме, и Мэри в суматохе переезда просто-напросто не заметила пропажи?

Предположение казалось разумным и требовало проверки. На следующий день мать и одна из сестёр Мэри отправились в храм Святого Антония, где Мэри Салливан провела несколько часов ночью и ранним утром 1 января. А дальше произошла очень интересная сцена. Женщины представились и сообщили о цели своего визита, их препроводили к настоятелю храма, а тот... неожиданно закатил истерику. Он принялся кричать на женщин, называя их клеветниками и лжесвидетелями, на его крик сбежались служители, обступившие удивленных женщин плотной стеной. Мать Мэри, написавшая впоследствии заявление в полицию, сообщила, что испугалась физической расправы, поскольку священники и храмовые служки выглядели очень воинственно. Женщины поспешно ретировались и направились в полицию, где сообщили об инциденте. Обе являлись убежденными католичками и знали все правила религиозного этикета, по их словам, они не допустили никаких его нарушений. Потому реакция настоятеля храма показалась им очень подозрительной.

Разумеется, детективы посетили церковь и задали все необходимые вопросы. Проверка заявления не принесла никаких сюрпризов, по словам всех служителей в первых числах января никаких забытых вещей в храме не находили, и в новогоднюю ночь никто Мэри Салливан не видел. Она, быть может, и появлялась, но людей в те часы в храме было довольно много, и никто на тихую незнакомую девушку внимания не обратил.

Вот и всё... Портфель Мэри так и не был найден. О судьбе его следствию оставалось только гадать.

Как видим, на первом этапе расследования правоохранительные органы пребывали в уверенности, что убийство Мэри Салливан совершено кем-то из числа её знакомых. И для этой точки зрения имелись серьёзные основания — они изложены выше достаточно подробно. С действиями «Бостонского Душителя» расправа над Мэри напрямую не связывалась. Если говорить совсем точно, то нападение маньяка не исключалось, но при этом делалась оговорка, что тот был Мэри Салливан знаком и проник в квартиру именно под личиной знакомого. В этом смысле очень подозрительным казался таинственный мужчина в синих широких штанах с залысинами, которого видел Симс Мюррей.

Расследование не буксовало, напротив, оно велось деятельно и инициативно. Его главной проблемой являлось то, что все перспективные направления вели в совершенно разные стороны. Одна часть версий случившегося связывала преступление с друзьями Пэтси Делмор и Пэм Паркер. Другая — со старыми и новыми ухажёрами самой Мэри Салливан. Наконец, третья — с нападением «Бостонского Душителя». Тем не менее, расследование отнюдь не выглядело провально, напротив, шансы на успех всё время оставались неплохими. И мы в своём месте ещё скажем несколько слов о том, как продвигался поиск преступника.

Однако очень скоро, в середине января 1964 г. произошли события, повлёкшие за собой далеко идущие последствия и повлиявшие в конечном итоге на результаты расследования убийства Мэри Салливан.

Случилось неожиданное — Генеральный прокурор штата Массачусетс Эдвард Брук лично возглавил войну с таинственным «Фантомом».

Часть IV. Уголовный карнавал

Персональная война Эдварда Брука

Эдвард Брук (Edward William Brooke), Генеральный прокурор штата Массачусетс, являлся человеком необычной судьбы. Родившийся в октябре 1919 г. в негритянской семье среднего класса, он закончил одну из самых престижных школ для афроамериканцев в США — т.н. школу «Данбар» (Dunbar) в Вашингтоне, столице страны. После окончания «Данбара» в 1936 г. Эдвард продолжил учиться — он поступил в «Университет Говарда» в том же Вашингтоне, высшее учебное заведение, в котором получали образование преимущественно чернокожие. Это было время сегрегации, раздельного проживания рас, тогда считалось, что цветное население пользуется во всём теми же правами, что и белое, только реализует их отдельно. Понятно, что практика несколько отличалась от теории и равенство прав существовало только на бумаге, но всё же кое-какие возможности для получения высшего образования у негров тогда имелись. Молодой Эдвард первоначально хотел стать врачом — на этом поприще можно было быстро разбогатеть ввиду хронической нехватки чернокожих врачей, — но затем сфера его интересов переместилась в область социологии и права.

В 1941 г. Эдвард Брук закончил университет и поступил на государственную службу, но в декабре, после нападения японцев на Пёрл-Харбор, завербовался в вооруженные силы. Служил Брук в полностью афроамериканском 366 пехотном полку — сегрегация существовала и в армии! — на офицерских должностях. Полк сначала был расквартирован в штате Массачусетс, затем

его перевели в Вирджинию и Индиану. В апреле 1944 г. 366 полк направили в Северную Африку, там военнослужащие были заняты охраной аэродромов и тыла, но с начала ноября воинская часть была переброшена в Италию и приняла участие в боевых действиях. 366 пехотный полк воевал в Италии более 4-х месяцев, в его составе сражался и Эдвард Брук. За проявленное мужество он был отмечен медалью «Бронзовая звезда».

После демобилизации Эдвард решил продолжить образование и стать юристом. Он поступил в Школу права Бостонского университета, на выбор места учёбы повлияло то благоприятное впечатление, которое произвели город Бостон и Массачусетс в целом во время службы Брука в армии. Цветного населения здесь было много меньше, чем в округе Колумбия, где рос Эдвард, а потому белые в своём большинстве были настроены куда терпимее.

С начала 1950-х гг. Брук, вступивший в Республиканскую партию, стал делать политическую карьеру. Он несколько раз выставлялся на различных региональных выборах, правда, все выборы проиграл, но обратил на себя внимание губернатора штата Джона Вольпе. Брук был позитивным человеком и всегда выступал за сотрудничество представителей разных рас на благо общества, никаких неосторожных деклараций от него никто никогда не слышал. Губернатор сумел добиться назначения Брука на должность председателя Финансовой комиссии администрации Бостона — это было своего рода городское казначейство. В этой должности Брук проявил себя с лучшей стороны — энергичным, работоспособным, честным. Комиссия под его руководством работала, как часы.

Эдварду в 1960 г. было предложено баллотироваться на выборную должность Генерального прокурора штата Массачусетс. Это было неслыханное для США дело —

никогда прежде в истории страны небелый не занимал должность такого уровня. Наверное, в тот год над головой Брука каким-то удивительным образом сошлись звёзды, потому что его поддерживали практически все основные местные политические силы, и чёрный кандидат победил на выборах в одном из самых белых регионов Америки. В должность Эдвард вступил 3 января 1963 г. — ему шёл 44-й год, и впереди рисовалась захватывающая дух политическая карьера. Государственная элита признавала необходимость перемен, поскольку проблемы сегрегации грозили очень серьёзными осложнениями уже в ближайшем будущем. Автор не видит большого смысла в том, чтобы пересказывать историю «Чёрных пантер» и острого противостояния на почве расовой нетерпимости в США — все желающие разобраться в упомянутых вопросах могут это сделать самостоятельно, — но в контексте биографии Брука необходимо отметить, что Эдвард в этой обстановке получал замечательные перспективы для роста.

Чернокожий политик, выступающий за мирное сосуществование рас, за торжество Закона и уважение прав меньшинств, выгодно отличался от негритянских лидеров той поры. Эдвард Брук мог пойти очень далеко и стать политиком федерального уровня, но... при соблюдении одного условия — в той обстановке он не имел права ошибаться.

На девятый день со времени убийства Мэри Салливан Генеральный прокурор штата выступил по местному телевидению с важным заявлением. Он кратко упомянул об убийствах одиноких женщин, потрясших Бостон в последнее время, и заявил, что необычная ситуация требует необычных решений. После столь многозначительной преамбулы Генеральный прокурор сообщил населению о принятом им решении создать специальную группу со всеми необходимыми полномочиями, перед которой

будет поставлена задача изучить все накопленные данные и расследовать совершенные преступления.

Эдвард Брук. До того, как на американском политическом Олимпе появился Барак Обама, Брука можно было с полным основанием считать самым выдающимся чернокожим политиком Соединенных Штатов.

Формулировки, употребленные Генеральным прокурором в его заявлении средствам массовой информации, были довольно расплывчаты и допускали многозначное толкование. Непонятно было, о каком числе убийств ведётся речь и по какому принципу различные преступле-

ния объединены в единую группу. Хотя подавляющее число журналистов верило в существование «Фантома», правоохранительные органы даже после убийства Мэри Салливан продолжали настаивать на том, что нет оснований приписывать все случаи удушения женщин одному преступнику. Заявление Генерального прокурора Брукса вступало в прямое противоречие тому, что начальник Отдела расследования убийств BPD Донован говорил журналистам буквально накануне!

Как относиться к взаимоисключающим заявлениям руководящих работников? Или же никакого противоречия в их словах нет?

Решение Генерального прокурора штата лично вмешаться в расследование убийств женщин в Бостоне и пригородах выглядит, по крайней мере на первый взгляд, до некоторой степени странно. Всё-таки обязанности главного прокурора крупного региона лежат несколько в иной плоскости — он организует осуществление Правосудия, но не пытается вершить его. Однако популизм Эдварда Брука, решившего подключить к расследованию убийств «Бостонского душителя» ресурсы Генеральной прокуратуры, находит моментальное объяснение, если мы примем во внимание политические амбиции молодого главы ведомства.

Бруку был нужен успех! Лично для него! Он должен был войти в историю штата и страны не только как первый чернокожий Генеральный прокурор, но именно как **успешный** Генеральный прокурор. Чтобы спустя десятилетия новые поколения американцев, читая историю «Бостонского Душителя», понимали, что успешное разоблачение стало возможно только потому, что за дело взялся лично мистер Брук. Лучшие детективы пытались полтора года расследовать дело без него — ничего у них не получалось, а мистер Брук твёрдой рукой взялся за дело — и всё сразу выяснилось! Такой довод объясняет

в мотивации Брука если не всё, то многое.

Работу по расследованию Генеральный прокурор поручил Джону Боттомли (John S. Bottomly), своему подчиненному, возглавлявшему в составе Генеральной прокуратуры Отдел особых территорий (Eminent Domain Division, сокр. EDD). «Особыми территориями» назывались участки земли, в которых власти штата нуждались для осуществления крупных инфраструктурных проектов, скажем, прокладки дорог или строительства аэропортов. Поскольку владельцы востребованных земельных участков очень часто отказывались их продавать, рассчитывая на дальнейший рост стоимости, либо заламывали совершенно немыслимую цену, EDD занимался тем, что судился с земельными собственниками, вынуждая согласиться на условия штата. Боттомли по своей натуре был сутяга, «бумажная» душа в самой гадкой своей ипостаси, крючкотвор и демагог. Всего за 1 год работы возглавляемый им отдел, состоявший из 44 юристов, выиграл 1 тысячу судебных тяжб, некоторые из которых тянулись по 9—10 лет. Боттомли великолепно знал коммерческое право и заваливал своих оппонентов массой сопутствующих претензий, например, оспаривал правильность межевания границ, законность наследования, правильность исчисления налогов за предыдущие годы и т. п. Люди просто отказывались продолжать суд ввиду разорительности всех тех экспертиз и процедур, что им грозили в случае продолжения сопротивления.

Джон Боттомли на своём посту был эффективен в той степени, в какой миксер эффективен для сбивания коктейлей. Однако необходимо отметить, что хотя он и закончил Гарвардскую школу права, тем не менее ему никогда не доводилось расследовать уголовные преступления. Его юридическая специализация, как сказано выше, касалась только финансового и коммерческого права. За все годы профессиональной карьеры он не до-

просил ни одного обвиняемого и ни разу не разговаривал с настоящим сумасшедшим.

Джон Боттомли. Фотография сделана в апреле 1958 г. К январю 1964 г Джон немного постарел, но жизнерадостности своей не утратил. Он всегда производил впечатление человека, довольного собою и идущего к успеху, эдакого живчика, знающего что почём в этом мире.

Строго говоря, он был совершенно непригоден для работы на посту руководителя специальной группы по розыску «Фантома».

И это обстоятельство заставляло всех, кто пытался разобраться в событиях того времени, задаться вопросом: а почему вообще состоялось это назначение? Ответ, быть может, покажется кому-то парадоксальным, но здоровое зерно в нём, безусловно, присутствует. Боттомли во всех смыслах являлся антагонистом Брука,

и последний назначил его, исходя из того, что тот провалит порученное дело и явится идеальным «козлом отпущения».

Любой аппаратный работник знает, что есть должности, на которые лучше не попадать. Они сулят до поры почёт, формальное уважение и властный ресурс, но работа, которую придётся выполнять, столь сложна и необъятна, что провал почти неизбежен. Назначение на такую должность почти всегда было равносильно концу карьеры, хотя формально такое назначение являлось повышением и выражением доверия руководства. В России такие должности прежде называли «расстрельными», и в сталинские времена расстрел за провал работы мог последовать вполне настоящий.

Родившийся в 1921 г. Джон Боттомли происходил из очень богатой и влиятельной семьи, чьи предки жили в Новой Англии ещё со времён существования британской колонии. В США, где сословий и знати в традиционном понимании не существует, для обозначения таких семей пользуются эвфемизмом «старые деньги». Понятием же «новые деньги» обозначают нуворишей, сколотивших состояния совсем недавно, на протяжении одного-двух предшествующих поколений. Предки и родственники Боттомли не занимались бизнесом, они всегда служили возле денег — были мэрами городов, шерифами, судьями, деканами факультетов университетов и пр. Роберт Боттомли, отец Джона, был не только одним из самых высокооплачиваемых адвокатов Бостона, но и крупным руководителем в региональном отделении Республиканской партии. Достаточно сказать, что именно Роберт Боттомли в 1913 г. возглавил компанию против Джона Кеннеди, деда будущего президента США, в результате которой тот не смог переизбраться на пост мэра Бостона, что предрешило окончание его политической карьеры.

Понятно, что Джон Боттомли, выходец из богатой и влиятельной семьи, имел прекрасный жизненный план, обусловленный самим фактом рождения. Ему, в отличие от Эдварда Брука, ни о чём не надо было беспокоиться и даже особенно напрягаться. Во время Второй Мировой войны он тоже служил в армии, как и Брук, с той только разницей, что продлилась его служба немногим более полугода и проходила она полностью на континентальной части США.

Джон был белым элитарием, одним из тех, чьи предки создавали и поддерживали сегрегацию, и чернокожий Брук просто не мог относиться к нему хорошо. Тем более, что Боттомли показал себя очень успешным руководителем EDD. У него имелись большие связи и большие амбиции, кто знает, куда они способны были его завести? Такой подчиненный может быть опаснее открытого врага. Поэтому когда Генеральный прокурор Массачусетса надумал объявить свой крестовый поход против «Фантома», он решился на парадоксальное, но внутренне очень логичное назначение — пусть розыском убийцы займётся тот, кого ничуть не жаль, кто ломает себе на этом шею, точнее, карьеру. Ход рассуждений Генерального прокурора вполне понятен: если Боттомли поймает преступника, то успех всё равно будут связывать с Бруком, ведь именно он заварил всю эту кашу! А если Боттомли никого не поймает, то Генеральный прокурор всегда сможет умыть руки и свалить вину на бестолкового подчиненного, дескать, хотел как лучше, но с эдакими работниками...

Кроме того, хороший администратор знает, что любой процесс хорош уже тем, что он длится! К началу 1964 г. перед Эдвардом Бруком уже замаячила перспектива выдвижения в Сенат США. Он мог стать первым чернокожим, прошедшим в парламент страны (и в январе 1967 г. он станет таковым!). Ловить «Бостонского Ду-

шителя» можно годами, и даже отсутствие явного успеха можно с толком использовать в избирательной компании — это всего лишь вопрос личной харизмы и способностей имиджмейкеров.

Так что весомые резоны для назначения Боттомли имелись. Вопрос в том, понимал ли сам Боттомли, в какую канитель его вовлекают? Наверное, понимал, человеком он был далеко неглупым и правила аппаратной игры усвоил давно. Почему не отказался от дела ему совершенно незнакомого, сказать сейчас сложно, вполне возможно, считал, что розыск убийцы ему по плечу. В конце концов, он не собирался заниматься этим в одиночку и свои функции видел не в детективной работе, а сугубо в административной. Созданную группу назвали таинственно и многозначительно — Бюро «Душитель» (Strangler Bureau). Название это, разумеется, было неофициальным, но понравилось всем и прижилось.

Боттомли попросил у Генерального прокурора хотя бы на первое время карт-бланш, то есть возможность действовать так, как он, Боттомли, считает нужным. Ну и, само собой, возможность привлекать все ресурсы, какие посчитает необходимым. Эдвард Брук во всём пошёл ему навстречу, что, кстати, тоже отлично соответствует тактике аппаратной игры, которая выражается хитроумной формулой «предоставь дураку полную свободу, и он задушится собственным поводком».

Брук разрешил Боттомли приглашать в состав команды всякого, кого тот сочтёт необходимым, а также обращаться за содействием к любым экспертам и ведомствам. Бюро «Душитель» получило необходимое финансирование, властные полномочия и расположилось в статусных помещениях на втором этаже административного здания, занимаемого Генеральной прокуратурой штата.

Кого же привлёк к работе Джон Боттомли? Непо-

средственно аналитической работой должен был заняться Майл Каллинейн (Michael Cullinane), капитан полиции штата, который привлёк себе в помощь детективов бостонской полиции Филлипа ДиНатале (Phil DiNatale) и Джеймса Меллона (James Mellon). В состав Бюро был включен начальник Отдела расследования убийств BPD Лейтенант Джон Донован, но это назначение во многом было формально, поскольку всем было ясно, что лейтенант не может оставить своё основное место работы. Донован вообще отнёсся к созданию Бюро «Душитель» с большим скепсисом и не ждал от этой инициативы никакого практического результата. Помимо упомянутых персон, в состав группы с самого начала входил сотрудник службы прокурора округа Эссекс Эндрю Туни (Andrew Tuneu), в прошлом лейтенант полиции и очень толковый сыщик. Боттомли был знаком с Туни много лет и глубоко ценил его полицейский нюх, хотя, честно говоря, никаких дел с ним никогда не имел и судил о его профессиональных качествах с чужих слов.

Спустя два с половиной месяца группа пополнилась ещё одним полицейским — откомандированным в Бостон детективом столичной полиции Стивом Дилейни (Steve Delaney). Кто-то рекомендовал его Боттомли как очень знающего специалиста по расследованию убийств. Также группа активно привлекала для консультирования самый широкий круг специалистов — графологов, психологов, судебных медиков, гипнотизёров и т.п., некоторых из них мы по мере необходимости будем упоминать. Но в целом Бюро «Душитель» представляло собой группу из 4—5 детективов, подчинявшихся Боттомли, которые внимательно изучали следственные материалы и генерировали идеи.

Начал Боттомли с того, что обязал переслать в распоряжение возглавляемого им Бюро копии всех документов, добытых в ходе расследования убийств, связанных с уду-

шением женщин в Бостоне и пригородах, совершенных с лета 1962 г. включительно. Требование касалось всех без исключения документов, даже страниц из тактических блокнотов обычных патрульных, которые участвовали в оцеплениях, опросах местных жителей или прочесываниях местности. Это было очень странное распоряжение, поскольку требовало большой и в значительной степени бессмысленной работы. Отдельные полицейские службы попытались увильнуть от исполнения приказа Боттомли. Полицейские из Салема предприняли попытку убедить его в том, что убийство Эвелин Корбин, произошедшее 8 сентября 1963 г., никак не связано с преступлениями «Бостонского Душителя», и имя настоящего преступника, Роберта Кемпбелла, им уже известно. Аналогично действовали представители полиции Кембриджа, попытавшиеся доказать, что убийство Беверли Саманс никак не соотносится с действиями «Фантома», поскольку жертву вообще не душили, а истыкали ножом. Но Боттомли был непреклонен. И потому в шести полицейских департаментах и трёх окружных прокуратурах сотрудники засели за копирование всех затребованных бумаг.

В результате к концу января 1964 г. Бюро «Душитель» получило в своё распоряжение 37500 листов всевозможных документов — это 96 сброшюрованных томов! Даже если читать по одному тому в день, чтение грозило растянуться на месяцы! А ведь для того, чтобы члены группы могли проанализировать содержащиеся в этих документах данные и обсудить между собой их использование в работе, данные материалы должен был прочесть каждый...

Боттомли, должно быть, быстро понял, что его ретивость завела Бюро куда-то в болото. Ясно, что читать протоколы можно месяцами, а потом ещё долго их обсуждать, но ловить-то преступника надо уже сейчас! Нужен был какой-то красивый и эффектный ход, причём

такой, который сразу обеспечил бы видимый результат.

И Боттомли такой ход придумал. Самые проницательные читатели наверняка догадались, сколь далеко повела Джона фантазия. Он надумал обратиться к экстрасенсу. Ну, в самом деле, почему нет? Пусть другие изучают результаты экспертиз и бьются с противоречивыми показаниями свидетелей, а умные люди могут поступить проще и быстрее — показать фотографию экстрасенсу и услышать исчерпывающий рассказ. Зачем решать задачу, если можно открыть конец учебника и подсмотреть правильный ответ, так ведь?

Детектив ДиНатале уже обращался к экстрасенсу Полу Гордону, о чём в этой книге упоминалось. В январе 1964 г. ДиНатале попал в состав Бюро «Душителъ» и, разумеется, рассказал о своём впечатляющем эксперименте Джону Боттомли. Последний, по-видимому, остался под впечатлением от услышанного, но решил действовать более масштабно: Бюро не станет работать с никому не известным местным колдуном, а обратится к самому популярному экстрасенсу современности, шоумену от паранормальных наук, если можно так выразиться, к Питеру Хуркосу.

Последний к середине 1960-х гг. стал уже очень известен в США. Родившийся в 1911 г. в Голландии будущий экстрасенс долгие годы вёл жизнь самого обычного человека и работал плотником, пока в возрасте 30 лет не упал с 12-метровой высоты и не получил черепно-мозговую травму. Придя в себя в больнице, Хуркос начал говорить о событиях прошлого и будущего окружавших его людей. Рассказы Питера были бессистемны и неуправляемы, сам экстрасенс сравнивал себя с радиоприемником, который настраивается на различные радиостанции хаотично и непредсказуемо. Тем не менее, много из того, что говорил Хуркос, сбывалось с необыкновенной точностью. Одно из первых его провидческих видений было

связано с чемоданом, забытым в поезде медсестрой, ухаживавшей за Питером в больнице. Другое оказалось связано с соседом по больничной палате, который в полной тайне продал золотые часы недавно умершего отца. Необыкновенная прозорливость быстро привлекла к Хуркосу внимание как обывателей, так и специалистов разного рода — от врачей до радиоинженеров и физиков.

В течение первых послевоенных лет Хуркос¹ стал широко известен в Европе. Нельзя не признать, что он, безусловно, являлся мастером пиара и поставил необычный дар на службу собственному кошельку. При этом не подлежит сомнению, что, по крайней мере, некоторые его предсказания были крайне парадоксальны и удивительно точны. Другими словами, их нельзя было выдумать или просто угадать правильный ответ.

Хуркос неоднократно привлекался к решению различных криминальных загадок. Сразу надо пояснить, что отнюдь не всегда его помощь была действительно полезна, задним числом Питер приписывал себе успехи, которых в реальности не существовало. Примером такой «приписки успеха» может служить история с участием Хуркоса в поисках т.н. «Камня Судьбы», похищенного шотландскими студентами-националистами на Рождество 1950 г. Питер к тому времени уже был достаточно известен в Европе, и ему разрешили осмотреть Вестминстерское аббатство, из которого была похищена реликвия. Питер осмотрел, но ничем дельным помочь полиции не смог, хотя по прошествии нескольких лет принялся вещать, будто дал правоохранительным органам ценные советы. Его поведение до такой степени

¹ Настоящие имя и фамилия Хуркоса — Питер ван дер Хурк. Экстрасенс видоизменил фамилию на английский лад и стал называть себя «Хуркосом» после переезда в США в 1950-х гг.

возмутило англичан, что министр внутренних дел Соединенного Королевства был вынужден дать соответствующее разъяснение и опровергнуть самодовольного парапсихолога.

Вместе с тем на счету Хуркоса имелись и безусловно успешные случаи участия в расследованиях преступлений. Один из ярких тому примеров — помощь полиции Майами в октябре 1958 г. в поиске убийцы таксиста. Хуркос был приглашён для консультирования детективов начальником Отдела расследования убийств лейтенантом Томасом Лайпсом (Thomas Lipes). Экстрасенс попросил показать ему автомашину, явившуюся местом убийства и, усевшись на место пассажира, дал неожиданно полное описание как внешности преступника, так и обстоятельств его жизни. В частности, Хуркос сообщил о том, что преступник высок и худ, имеет на правой руке татуировку в виде якоря, просит называть себя «Смитти». Кроме того, Хуркос сообщил, что ещё до ограбления и убийства таксиста таинственный «Смитти» совершил другое тяжкое преступление. Тогда его жертвой стал офицер военно-морского флота, убитый в своей квартире. Это преступление не связывалось с ограблением таксиста, но после сообщения Хуркоса оба эпизода стали расследоваться совместно, что вкупе с другой информацией, полученной от экстрасенса, позволило быстро отыскать преступника.

Привлекался Питер Хуркос и к расследованию серийных убийств. Тот, кто знаком с моим сайтом «Загадочные преступления прошлого»¹, наверняка припомнит очерк «Волк в овечьей шкуре», посвященный серии убийств студенток Восточно-Мичиганского университета во вто-

¹ Интернет-адрес: murders.ru

рой половине 1960-х гг.

Питер Хуркос. Этот человек безусловно обладал какими-то исключительными аномальными способностями, но сам же признавался в неспособности их контролировать. В жизни Хуркоса есть примеры как его поразительных успехов, так и феерических провалов. Будучи человеком не очень образованным и, по-видимому, неумным, Питер сильно вредил себе разного рода дурацкими выходками — его часто ловили на лжи, фатовстве, снобизме, откровенном себялюбии и эгоцентризме. Наверно, в быту это был не очень приятный человек. Сие, однако, не отменяет того факта, что жизнь он прожил необычную и увлекательную.

Хуркос поучаствовал и в этом расследовании и даже дал кое-какие верные подсказки, которые, правда, мало

помогли в практической работе полиции. История в Мичигане произошла много позже описываемых событий, так что останавливаться на ней вряд ли сейчас нужно, но все желающие могут познакомиться с её деталями самостоятельно, благо очерк этот находится в открытом доступе.

В общем, Джон Боттомли всерьёз вознамерился пригласить для консультирования Бюро «Душителъ» Питера Хуркоса. Начал он с того, что позвонил в Майами и поговорил с детективом-лейтенантом Томасом Лайпсом, упомянутым выше непосредственным участником событий 1958 г. Лейтенант лично наблюдал за работой экстрасенса и был очень впечатлѐн тем, как Хуркос, не задумываясь, сообщал детали, получившие в последующем полное подтверждение. Лайпс в разговоре с Боттомли дал работе экстрасенса самую высокую оценку.

Боттомли вполне удовлетворился полученным ответом и поручил связаться с Хуркосом. По удачному стечению обстоятельств тот в конце января или в феврале 1964 г. должен был приехать в штат Род-Айленд, граничащий с Массачусетсом. Хуркос планировал провести там некоторое время, общаясь с киноактѐром Гленном Фордом, которому предстояло сыграть роль детектива-экстрасенса в кинокартине. Таким образом, поездку экстрасенса в Бостон можно было ловко замаскировать его пребыванием в Род-Айленде, благо расстояние между Провиденсом, где тот собирался остановиться, и Бостоном было менее полусотни километров.

По поручению Боттомли на предварительные переговоры с Хуркосом отправился детектив-сержант Лео Мартин.

29 января 1964г. в обстановке глубокой тайны сержант встретился с Хуркосом и сопровождавшим последнего телохранителем Джимом Крейном. Экстрасенс выслушал просьбу проконсультировать Бюро «Душителъ» относи-

тельно личности преступника и способах его изобличения и дал принципиальное согласие, но... выдвинул два довольно неожиданных условия. Во-первых, он заявил, что сможет помочь только в том случае, если о его участии в расследовании никто заранее не узнает. Если средства массовой информации оповестят жителей Бостона о появлении в городе знаменитого экстрасенса, то толпы зевак обязательно станут преследовать его и созданный ими «информационный шум» помешает сверхчувственному восприятию Хуркоса уловить «нужные вибрации». Таким образом, требовалось исключить всякую возможность утечки информации, что казалось условием почти невыполнимым. Не надо забывать, что годом ранее журналисты разгласили материалы судебно-медицинских экспертиз, добытые по негласным каналам, и полиция ничего с этим поделать не смогла! А тут такое требование... Во-вторых, Хуркос заявил, что хотел бы получить от Генеральной прокуратуры Массачусетса какой-нибудь фирменный жетон с эмблемой ведомства. С орлом, номером и удостоверением. Так сказать, на память.

Сержант Мартин пообещал передать условия Хуркоса руководству и с тем отчалил обратно в Бостон.

Джон Боттомли не посчитал нужным ломать голову над выполнимостью выдвинутых Хуркосом требований, а просто транслировал их наверх, Генеральному прокурору штата. Сложно сказать, что подумал Эдвард Брук, услышав о плане привлечь к расследованию Хуркоса и связанной с этим необходимостью набросить намордник на всё журналистское сообщество сразу. Вряд ли эта идея понравилась Генеральному прокурору, однако он оказался заложником ситуации. Ведь он сам дал карт-бланш Боттомли и пообещал тому всемерную поддержку, как же можно было теперь отказать?! Да и пафосные угрозы «Бостонскому душителю» по телевизору Брук декларирует вполне добровольно, никто его за язык

не тянул.

В общем, Боттомли подсунул шефу классическую в аппаратной борьбе «свинью», заставив делать выбор между неудачным и очень неудачным вариантами развития событий. Генеральный прокурор принял решение попытаться договориться с руководством крупнейших средств массовой информации штата. На протяжении двух дней — 30 и 31 января — Эдвард Брук приглашал к себе в кабинет директоров газет и ТВ-каналов и объяснял им необходимость некоторое время не обнародовать информацию о привлечении к расследованию известного экстрасенса. Помимо руководителей местных средств массовой информации к Генеральному прокурору штата приглашались и лица, возглавлявшие региональные представительства общенациональных телевизионных каналов. Понятно, что Брук не мог действовать только угрозами, поскольку его просьба являлась по большому счёту незаконной, поскольку посягала на один из фундаментальных принципов американской демократии. Генеральному прокурору Массачусетса приходилось прибегать к разного рода позитивной стимуляции своих *vis-à-vis*, обещать какие-то «плюшки» в виде эксклюзивных интервью или чего-то подобного. Переговоры наверняка были сложными и не очень приятными, ведь Эдвард Брук фактически добивался введения цензуры, а кому из представителей средств массовой информации могло такое понравиться! Мы не знаем деталей этих приватных бесед, но можно не сомневаться, что во время их ведения Брук не раз и не два мысленно проклинал Джона Боттомли за подложенную «свинью».

Тем не менее, мы знаем, что Генеральный прокурор сумел добиться необходимых гарантий неразглашения информации. Со времён Второй Мировой войны на территории штата Массачусетс не вводились ограничения на свободу слова, но в феврале 1964 г. усилиями Гене-

рального прокурора штата на несколько дней была установлена цензура на сообщения о привлечении к работе Бюро «Душитель» экстрасенса Питера Хуркоса.

Оставался вопрос с прокурорским «значком», но и его удалось решить. Хуркосу объяснили, что в Массачусетсе сотрудники органов прокуратуры всех уровней не пользуются в своей работе «жетонами», «значками» или иными символами власти. Однако Хуркос пообещали подарить латунную эмблему прокуратуры штата, которую в те годы было принято торжественно вручать уходящим на пенсию работникам. Экстрасенс подумал и согласился принять металлическую «бляху».

Таким образом, условия Хуркоса были выполнены в полном объёме. От него ждали результата.

Таинственные и пугающие паранормальные силы должны были стать секретным оружием Эдварда Брука в его персональном крестовом походе против не менее таинственного и пугающего «Фантома».

Получилось неожиданное...

1964 год. Неформальные формы ведения следствия

С Питером Хуркосом сотрудники Бюро «душитель» работали так, словно тот являлся свидетелем обвинения на уголовном процессе против мафии. Правда, к середине 1960-х гг. в США ещё не было ни одного судебного процесса против мафии, и само существование этнических преступных группировок оспаривалось руководством ФБР с пеной у рта. В каком-то смысле организация работы правоохранительных органов с Хуркосом предвосхитило ту схему, что стала широко практиковаться в 1970-1980-х гг.

Хуркос прилетел в Род-Айленд по приглашению Гленна Форда, чтобы провести несколько дней в его загородном доме, но на самом деле к нему не поехал. Его встретили в аэропорту Провиденса детективы полиции штата Массачусетс и на автомашине повезли в Бостон. Разумеется, знаменитый экстрасенс мог прилететь прямо в Бостон, но существовала опасность того, что его узнают либо на борту самолёта, либо по прилёту. Чтобы избежать любых вопросов о причине появления Хуркоса в Массачусетсе, было решено перевезти его в штат в полной тайне. По приезду в Бостон экстрасенса поместили в отеле, в который завели через служебный вход, персонал отеля не знал, кто находится в номере.

Сопровождал Хуркоса его телохранитель Джим Крейн. Надо сказать, что Боттомли лично с Хуркосом не встречался — это очень интересная деталь, которая показывает истинное отношение руководителя Бюро «Душитель» как к собственной инициативе, так и самому экстрасенсу.¹ Трудно отделаться от ощущения, что Бот-

томли прогнозировал некий скандал, но не только не хотел его предотвратить, а напротив, желал его наступления.

То, что произошло с Хуркосом в отеле, мы знаем довольно хорошо, поскольку проведенный с его участием «провидческий сеанс» не только записывался двумя магнитофонами — один из которых принадлежал Бюро «Душитель», а второй самому Хуркосу, — но и стенографировался специально назначенным секретарём. В роли последнего выступал детектив Джордж Индигнаро (George Indignaro), закончивший курсы стенографии, кроме него в номере присутствовал детектив Томми Дэвис (Tommy Davis). Руководил мероприятием детектив Джулиан Сошник (Julian Soshnick). Интересная деталь — все 3 представителя принимающей стороны служили в Департаменте полиции Бостона и полиции штата, но никто из них не входил формально в состав Бюро «Душитель». Боттомли не направил своих людей на «провидческий сеанс» и не присутствовал на нём сам. Согласитесь, это выглядит довольно странно, учитывая, какие силы были затрачены прокуратурой штата на его организацию. Причина подобной дистанцированности одна — Боттомли ожидал, что работа Хуркоса с «тонкими энергиями» закончится полной чепухой и посрамлением участников, и не хотел оказаться в их числе. Загрести жар чужими руками — это так разумно с точки зрения любого

¹ Впрочем, в некоторых книгах можно найти сообщения о том, что встреча Боттомли с Хуркосом всё же состоялась, только произошла она после проведенного с участием экстрасенса «провидческого сеанса». Так это или не так — не суть важно, важно другое: Боттомли с одной стороны инициировал приглашение ясновидящего, а с другой — демонстративно дистанцировался от него, передоверив работу с Хуркосом совершенно посторонним лицам.

аппаратного игрока!

Для работы экстрасенса в его номер были доставлены 2 заранее подготовленные коробки, в одной из которых находились 15 конвертов с фотографиями, сделанными на местах убийств, а в другой — улики, к которым неизбежно должен был прикасаться преступник. К числу последних относились удавки и предметы одежды, разорванные руками убийцы. Хуркос заявил, что будет «считывать» информацию как с фотографий, так и с представленных ему предметов.

Из 15 конвертов с фотографиями в 11 находились фотоснимки, сделанные на местах совершения убийств, приписываемых «Фантому», а ещё в 4 — снимки с мест уже раскрытых преступлений. Полицейским было интересно посмотреть, как Хуркос пройдёт этот незамысловатый тест «на вшивость» и поймёт ли вообще, что ему под видом нераскрытых подсунули вполне уже раскрытые убийства. В каждом из конвертов находились 12 — 15 фотографий, изображавших состояние тела жертвы и обстановку на месте совершения преступления. Все конверты были одинаковы, и даже сами полицейские не знали, какие фотографии в каком из них находятся.

Хуркос начал с изучения конвертов — он проводил ладонью над каждым из них и кратко характеризовал преступление, с которым были связаны фотоснимки. По иронии судьбы первый конверт оказался связан с уже раскрытым преступлением, и это вызвало прилив ярости экстрасенса, он закричал: «Вы меня проверяете? вы не можете без своих полицейских штучек?» — и тому подобное. Детективы заявили, что имела место ошибка и отложили конверт в сторону. После этого Хуркос довольно точно рассказал о 4 преступлениях, с которыми было связано содержимое следующих 4 конвертов. Это были убийства, приписываемые «Бостонскому Душителю», и экстрасенс оказался на удив-

ление точен, сообщив о деталях, которые никогда не попадали в средства массовой информации. В частности, Хуркос рассказал об использовании убийцей палки, которую тот ввёл во влагалище Мэри Салливан; ошибка экстрасенса заключалась лишь в том, что он говорил о палке, в то время, как убийца использовал рукоять швабры. Тем не менее, присутствовавшие в помещении детективы оказались под сильным впечатлением от той точности в деталях, что продемонстрировал Хуркос.

Далее экстрасенс переключился на коробку с вещдоками. Он вытаскивал предметы, крутил их в руках... так продолжалось несколько минут. Затем ясновидящий принялся говорить. По его словам, убийца, которого он видит «внутренним взором», является худощавым невысоким мужчиной, рост его 170—173 см, не больше. Хуркос даже взял карандаш и нарисовал на стене отметку, соответствовавшую росту неизвестного преступника. Как стало ясно после точного измерения, она была сделана на уровне 172 см. Вес преступника находился в пределах 60—63 кг — это был довольно сбитый мужчина. У него не было бросающихся в глаза примет, единственное, что обращало на себя внимание — это крупный нос. Подумав, Хуркос уточнил, что нос «острый».

Продолжая рассказ об убийце, экстрасенс добавил, что у того некогда был травмирован большой палец левой руки. Преступник плохо его чувствует и плохо им управляет, а кожа на пальце выглядит поврежденной. В последнее время преступник работал где-то, где есть дизельный двигатель, и убийце приходилось его обслуживать. Вообще же этому человеку пришлось в своей жизни заниматься самыми разными видами деятельности, в т.ч. одно время он подрабатывал ремонтом обуви. Подумав, ясновидящий уточнил, что возможно таин-

ственный преступник обувь не ремонтировал, а торговал ею.

Самое интересное Хуркос припас напоследок. Он заявил, что правоохранные органы хорошо знают убийцу, он неоднократно попадал в поле их зрения, подвергался допросам, в т.ч. и по подозрению в совершении сексуальных преступлений. Чтобы его найти, полиции просто-напросто надо покопаться в собственных архивах.

Всё это, конечно же, было очень интересно, однако, нельзя не обратить внимание на два важных нюанса. Во-первых, Хуркос не сказал, были ли совершены все убийства, приписываемые «Бостонскому Душителю», одним человеком. И из всего, сказанного им, понять это было решительно невозможно. А во-вторых, совершенно непонятно, к кому относилось сообщенное экстрасенсом описание внешности преступника, поскольку никакой корреляции между вещдоками и конвертами с фотографиями не существовало. Иначе говоря, неясно, кого Хуркос описывал — убийцу Анны Слесерс? Мэри Салливан? или Нины Николс?

Никто из детективов не задал экстрасенсу никаких уточняющих вопросов, весь «сеанс ясновидения» уложился минут в 10, вряд ли больше. Полицейские, безусловно, были поражены обрушившимся на них потоком информации и до некоторой степени ошарашены — именно этим и можно объяснить их замешательство и неспособность задать необходимые уточняющие вопросы.

Экстрасенс подкинул Бюро «Душителю» немалый объём работы, хотя его информация до некоторой степени упрощала поиск преступника. В принципе, полицейские остались довольны сотрудничеством с Хуркосом и расстались с ним на позитивной ноте, договорившись о возможности обратиться за консультацией ещё раз, ес-

ли в том возникнет надобность.

Описание, сообщенное Хуркосом, очень хорошо соответствовало некоему Дэниелу Морану (Daniel Moran), попадавшему ранее в поле зрения правоохранительных органов. Этот 54-летний мужчина сначала был пойман на рассылке писем оскорбительно-угрожающего содержания знакомым молодым женщина и соседкам, а затем на него заявила проститутка, оказывавшая Морану интимные услуги. По словам последней, тот признался ей в том, что ему кажется, будто это именно он убивает женщин по всему Бостону. И делает он это после того, как выключает свет, ложась спать... Уже по одной этой фразе можно было заподозрить, что у Морана не всё в порядке с головой. И это было действительно так — Дэниел сильно чудил, даже близкие признавали, что он принимал душ в обуви и мог есть по десять раз в день.

Как было сказано, Моран хорошо соответствовал описанию убийцы, сообщенному Хуркосом. Он одновременно пытался вести торговлю обувью, обходя с коробками дешёвых тапочек дома и квартиры, но бизнес его прогорел, и ему пришлось вернуться к работе руками. Большой палец его левой руки был повреждён и плохо сгибался. И нос он имел острый... Негласная проверка показала, что у Морана не имелось alibi на большинство тех дней, когда погибали жертвы «Бостонского Душителя».

Одно из писем Морана было показано Хуркосу — тот его читать не стал, просто смял и подержал в ладони, после чего заявил: «Да, этот человек!»

Чтобы как следует проверить подозреваемого, было решено поместить его в психиатрическую больницу. Там с ним смогли поработать специалисты по судебной психиатрии из Бриджуотера, в т.ч. и Эймс Роби (Ames Robey). Последний очень плотно сотрудничал с Бюро «Душитель» и поэтому ещё не раз будет упомянут в этой

книге. Роби подтвердил, что Дэниел Моран хорошо подходит на роль «Бостонского Душителя» — это был агрессивный женоненавистник, страдавший от тяжелой шизофрении, но при этом способный скрывать тяжесть своего состояния от тех, кто мало его знал.

После того, как Бюро вышло на Морана и собрало подробную информацию об этом человеке, возникла необходимость ещё раз поговорить с Питером Хуркосом, дабы тот проанализировал полученный результат и дал рекомендации о дальнейших действиях. Однако в высшей степени неожиданный поворот событий сделал подобную консультацию невозможной. Буквально через две недели после консультации в Бостоне ясновидящий попал в совершенно дурацкую историю, сильно повредившую его репутации. На автозаправке он залил в бак своей машины бензин и... заявил, что платить за него не будет, поскольку является специальным агентом ФБР «на задании». И даже помахал какой-то латунной бляхой перед носом обалдевшего от такой наглости работника заправки. Последний не поверил странному человеку с ужасным акцентом, в т.ч. и потому, что агенты ФБР никогда не заправляли свои автомобили бесплатно, и без долгих церемоний вызвал полицию. Хуркос сообразил, что дело приняло нежелательный оборот, и поспешил заплатить за бензин ещё до приезда патруля, но это не избавило его от крайне неприятной процедуры задержания, обыска и выяснения деталей случившегося.

Информация об инциденте просочилась в средства массовой информации. В адрес ясновидящего, неспособного предсказать собственное будущее, не шутил разве что глухонемой. Хуркос сделался всеобщим посмешищем, и нельзя не признать, что поведение его было совершенно недостойным приличного человека. Хотя Питер разбогател и стал всемирно известен, в душе он оставался простым и не очень-то умным плотником,

не до конца сознававшим собственный социальный статус.

Генеральный прокурор Брук, узнав об инциденте на автозаправочной станции, впал в бешенство. Поскольку журналисты знали о визите Хуркоса в Бостон и участии экстрасенса в расследовании Бюро «Душител», с их стороны последовали весьма уничижительные комментарии и вопросы. Всплыла история с подаренной Хуркосу эмблемой прокуратуры штата, и журналисты задавались вопросом, не запишет ли теперь экстрасенс самого себя в прокуроры? Брук категорически запретил Боттомли когда-либо впредь обращаться за консультацией к Питеру Хуркосу или любому другому ясновидящему.

Завершая рассказ об этом неординарном человеке, нельзя не добавить, что история с попыткой бесплатно заправить автомашину оказалась отнюдь не единственной скандальной выходкой Хуркоса. На протяжении 1960-1970-х гг. тот несколько раз попадал в эпицентр скандалов, подорвавших в конечном итоге его репутацию. В частности, Питер был пойман на том, что получив приглашение проконсультировать полицию, тайно приехал на место убийства и принялся опрашивать местных жителей об обстоятельствах произошедшего. При этом он выдавал себя за детектива..

Понятно, что такого рода инциденты заставляли сильно сомневаться в том, что Питер действительно получает информацию по неким сверхчувственным каналам. На него стали смотреть как на мошенника, хотя подобный упрощенный взгляд на феномен Хуркоса вряд ли оправдан. «Видения» Питера нередко оказывались поразительно точны, и их точность невозможно объяснить случайными совпадениями или мошенническими проделками. Конечно, есть определенные вопросы к точности документов, фиксировавших работу Хуркоса. Возможно, мы имеем дело с некоей инверсией своих знаний

в прошлое, то есть приписываем ясновидающему то, чего он на самом деле не говорил и даже не имел виду. Но некоторые сообщения Хуркоса фиксировались очень точно, в т.ч. магнитофонными и видеозаписями, а потому у нас нет оснований сомневаться в том, что именно и как он говорил. Только строгие научные эксперименты могли бы прояснить природу необыкновенной способности Хуркоса видеть сквозь пространство и время. По мнению автора, говорить, что Хуркос мошенник, значит сильно упрощать связанный с этим необычным человеком феномен.

Как бы там ни было, Джон Боттомли, обратившийся к Питеру Хуркосу для консультации Бюро «Душитель», попал в крайне неловкое положение. Хотя все контакты с экстрасенсом были прерваны, проблема с ведением расследования оставалась. Небольшое Бюро оказалось буквально закопано в огромном ворохе бумаг, в котором надо было отыскать некие зацепки. Правда, никто не понимал, какого рода должны быть эти зацепки и где их надлежит искать.

Все детективы, работавшие в составе Бюро, исходили из того, что «Бостонского Душителя» не существует, точнее, этим именем объединяется ряд несвязанных между собой преступников. Один из них совершил убийства пожилых женщин посредством душения летом 1962 г. Второй душил молодых девушек, начиная с декабря 1962 г. Третий в мае 1963 г. зарезал ножом Беверли Саманс. Совершенным особняком рассматривалось убийство в гостинице в октябре 1962 г. Модесты Фримен. Т.о. убийц должно было быть не менее четырёх, возможно пять или даже шесть. Поскольку убийства молодых женщин сильно различались, то не исключалась вероятность того, что преступления эти совершены разными лицами.

Боттомли считал важнейшим направлением аналитической работы поиск неких совпадений, которые долж-

ны были объединить жертвы в схожие группы. Для этого изучались все мыслимые и немыслимые детали жизни жертв: где они делали стрижки, в какую церковь и по каким дням ходили, где работали, лечились, куда ездили, в каких мастерских ремонтировали свои автомашины и т. д. и т. п. Одновременно с этим исследовались обстоятельства жизни подозреваемых, благо счёт таковых шёл на многие сотни, и можно было вдоволь поупражняться в поисках возможных совпадений. Если кто-то из членов Бюро «Душитель» и любил отгадывать кроссворды, то в 1964 г. он этому хобби вынужденно изменил, поскольку на работе занимался по сути тем же самым — искал совпадения и пересечения.

Точка зрения, согласно которой убийства в Бостоне совершались различными преступниками, господствовала вплоть до мая 1964 г., пока детектив Стив Делани, вошедший в состав Бюро последним, не оспорил её. Он заявил, что имеется серьёзное свидетельство в пользу того, что подавляющая часть преступлений совершена одним и тем же человеком. По его мнению, таковым свидетельством являлось сходство мест проживания жертв. Практически все они — и пожилые, и молодые — проживали в довольно старых многоквартирных домах, требовавших ремонта, квартиры располагались не на первых этажах, а в каждом из подъездов имелось по 2 или даже 3 входа-выхода. То обстоятельство, что жертвы сильно различались возрастом и принадлежали к разным расам, Делани считал несущественным. Определяющим для преступника фактором являлась доступность потенциальной жертвы, а вовсе не её привлекательность. У убийцы в голове имелась отлично продуманная и отработанная на практике схема проникновения в жилище, когда ему удавалось её реализовать, любая женщина была обречена.

Ход рассуждений Делани до такой степени понравился Боттомли, что тот не только передал его точку зрения

Генеральному прокурору Бруку, но даже представил детектива шефу. Последний по достоинству оценил Делани, ведь искать одного убийцу много проще, чем четверых, пятерых или даже шестерых никак не связанных между собой! Однако Джон Донован, начальник Отдела расследования убийств BPD, воспринял теорию Делани с крайним раздражением. Донован справедливо указывал на то, что манера действий убийцы в различных эпизодах очень различна: некоторые жертвы подверглись жестоким изнасилованиям, некоторые — нет, в одних случаях убийца использовал в качестве сексуальных игрушек посторонние предметы, в других — нет, кто-то из убитых перенёс тяжёлые побои, а кто-то — нет, тела одних женщин были выставлены напоказ, а Патрисия Биссетт — закутана в одеяло под самый подбородок. Различий было очень много, и Донован настаивал на том, что один убийца не мог варьировать манеру своего поведения в столь широких пределах.

Между Донованом и Делани возникла острая неприязнь, первый поставил под сомнение компетентность второго, в результате чего конфликт со временем сделался непримиримым. Поскольку Боттомли поддерживал Делани, возникший конфликт сказался и на отношениях Донована с руководителем Бюро. В конечном итоге Донован практически прекратил показываться в офисе Боттомли. По-человечески его можно понять — он был чрезвычайно загружен работой в Департаменте полиции, а тратить своё драгоценное время на пустые прения с людьми, которые не желали его слушать, было как минимум, нерационально.

То, что Джон Донован отдалился от работы в Бюро «Душитель», имело, по мнению автора, важные и притом крайне негативные последствия. В то время Донован находился в расцвете своего профессионального мастерства — ему исполнилось 47 лет, т.е. он был ещё достаточно

молод, при этом стаж его полицейской работы составлял 23 года. К 1964 г. лейтенант отправил за решётку почти 300 убийц, не будет ошибкой сказать, что он был очень опытен, умён и работоспособен. Его работа в Бюро позволила бы избежать того результата, к которому в конечном итоге это подразделение пришло.

Боттомли допустил фатальную ошибку, отдав предпочтение Делани. Впрочем, отмечая это, мы сильно забегаем вперёд.

Постараемся держаться ближе к хронологии событий.

Джон Боттомли, не имевший собственного полицейского опыта и малоискушенный в расследовании сексуальных убийств — точнее, совсем в этом неискушенный, — оказался до некоторой степени дезориентирован диаметрально противоположными суждениями Делани и Донована. Полная неспособность самостоятельно сделать вывод о справедливости того или иного суждения побудила руководителя Бюро «Душитель» обратиться за помощью к экспертам. Эксперты приглашались для консультирования членов Бюро во множестве. Поскольку Генеральный прокурор Брук предоставил Боттомли щедрое финансирование, никаких материальных ограничений для оплаты работы разного рода экспертов и консультантов не существовало. Боттомли, конечно, покуражился за казенный счёт, иначе и не сказать! В течение 1964 г. он заказал целую серию дорогостоящих экспертиз и консультаций специалистов самых разных научных направлений. Если приглашение психологов, психиатров и судебных медиков ещё можно как-то понять и объяснить, то консультация антрополога или графолога выглядят, мягко говоря, странно.

Между тем, для графологической экспертизы были собраны почти три сотни образцов свободного почерка убитых женщин, которые надлежало проанализировать с точки зрения выделения «общих черт жертвы». Эту экс-

пертизу проводила криминалист-графолог Кэрола Блюм (Carola Blume). Её работа имеет объём более 300 листов — это целый отдельный том! Совершенно непонятно, что именно хотел получить Боттомли от Блюм и как результат анализа почерков жертв мог привести к изобличению преступника или преступников... Тем не менее, такая работа, повторим, была проведена, и Бюро обогатилось обширными психологическими портретами, не имевшими никакой или почти никакой практической ценности.

Из той же серии антропологическая экспертиза. Перед антропологом была поставлена задача определить расовую принадлежность убийцы в каждом отдельном эпизоде. Результат оказался вполне предсказуем — антрополог ничего не смог сказать на этот счёт и констатировал, что поставленная перед экспертизой задача выходит за пределы современного научного знания.

Более осмысленной выглядела задача установить «психиатрический профиль» («psychiatric profile») убийцы, которую предстояло решить посредством анализа судебно-медицинских экспертиз тел всех погибших женщин. Следует иметь в виду, что речь идёт о 1964 г., то есть времени, когда понятия «психологического профилирования» ещё не существовало. Должны будут пройти два десятилетия, прежде чем психологи ФБР Ресслер и Дуглас разработают концепцию построения «поискового психологического портрета преступника, управляемого неочевидным мотивом» и предложат правоохранительным органам практическую методику розыска таких лиц. Не следует думать, будто Боттомли предвосхитил Ресслера и Дугласа — нет! — его идея «психиатрического профиля» была много проще того, что придумали через десятилетия психологи ФБР. Боттомли хотел понять, является ли разыскиваемый преступник сумасшедшим в клиническом понимании этого слова. Если да, то ис-

кать его надлежало в профильных лечебных заведениях, если нет, то медицинские учреждения следовало исключить из поиска и сосредоточиться на проверке лиц с уголовным прошлым.

Составлением «психологического профиля» занималась целая команда врачей из Исследовательского института юридической медицины (Law-Medicine Research Institute), находившегося в составе Бостонского университета. В состав группы входил терапевт, гинеколог, несколько психиатров с опытом работы с сексуальными преступниками, клинический антрополог, одонтолог. Руководил работой этой команды психиатр Дональд Кенефик (Donald Kenefick). Результатом мозгового штурма Кенефика и его коллег явился продукт, мягко говоря, очень спорный — пресловутый «психиатрический профиль» оказался набором хорошо узнаваемых штампов из фрейдистской психологии и классической для того времени психиатрии.

Прежде всего, члены группы Кенефика сошлись в том, что «Бостонский Душитель» действительно существует. Эту точку зрения врачи обосновали склонностью убийцы вводить инородные предметы в вагины некоторых из жертв. Напомним, что подобные действия отмечались в 3 эпизодах, а именно — на месте убийства Джейн Салливан, погибшей в конце августа 1962 г., была найдена в шкафу метла, на рукояти которой присутствовала кровь и следы вагинальных выделений; в случае убийства Нины Николс в конце июня 1962 г. возле тела оказалась винная бутылка, использованная для такого рода манипуляций и, наконец, телу Мэри Салливан, задушенной в начале января 1964 г., была придана непристойная поза и во влагалище была введена рукоять швабры. На этом основании психиатры сделали вывод, что в этих и других случаях удушения, имевших место в 1962—1964 гг. в Бостоне и пригородах, действовал один

и тот же человек. По мнению врачей, преступник имел возраст никак не менее 30 лет, а скорее всего, он был гораздо старше. Этот человек холост или разведён, во всяком случае, на момент совершения убийств он проживал один. Круг его общения очень ограничен, он малообщителен и не имеет друзей. По роду своей работы это «синий воротничок», т.е. занят ручным трудом. На окружающих он не производит впечатление сумасшедшего или парня, имеющего «проблемы с головой», иначе говоря, убийца хорошо социализирован и прекрасно носит маску нормальности, не вызывая никаких подозрений со стороны окружающих и родственников. Его мать являлась властной и высокодоминантной женщиной, довлевшей над ним всю жизнь. Эта женщина воспитывала сына в строгости и часто наказывала, но при этом позволяла себе в его присутствии действия явно эротические или с эротическим подтекстом (например, переодевалась и т.п.). Такая двойственность сформировала у будущего убийцы с одной стороны эротоманию, направленную на женщин старшего возраста, а с другой — страх перед объектом влечения. Эта концепция «любви — ненависти» полностью позаимствована у Фрейда и кажется сильно притянутой к данному случаю. По мнению Кенефика и его коллег, будущий убийца скорее всего рос без отца и даже без отчима, поскольку его мать, сильная доминирующая женщина, вряд ли могла терпеть возле себя мужчину долгое время. По мнению судебных медиков, убийца был в семье либо единственным ребёнком, либо младшим из двух. В последнем случае старшим ребёнком, по-видимому, была девочка.

Кенефик чрезвычайно гордился тем, что под его руководством для Бюро «Душитель» был составлен «психиатрический профиль» таинственного «Бостонского Душителя». Впоследствии Дональд немало на этом попиарился, и его хвастовство принесло определённые

плоды — Кенефика приглашали для консультаций в некоторых запутанных расследованиях, в т.ч. и довольно известных. Например, он поучаствовал в т.н. «деле Марты Моксли», 15-летней девушки, предположительно убитой в Хеллоуин 1975 г. Майклом Скакелем, племянником жены сенатора Роберта Кеннеди. Это довольно запутанная история широко известна, поскольку в неё оказались вовлечены представители высшего класса Америки, обычно не попадающие в криминальные хроники. Кенефик своим участием дела не прояснил и, честно говоря, было бы странно, если бы прояснил...

Подписанный Дональдом Кенефиком «психиатрический профиль» рождает массу обоснованных вопросов. Прежде всего, непонятен критерий объединения разнородных убийств в единую «серию». Дело в том, что введение в полости тела жертвы инородных предметов не является неким исключительным или даже редким действием, напротив, это довольно распространенная манипуляция, которая встречается у преступников как гетеро-, так и гомосексуальной ориентации. Здесь мы имеем дело с потребностью преступника играть с телом жертвы, которая проистекает из его опытности и привычки действовать определенным образом. Доктор Кенефик и его помощники явно приписали этому явлению большее значение, нежели оно заслуживало. Остальные рассуждения бостонских психиатров из той же серии весьма спорных утверждений. Вообще же, откровения Фрейда и его последователей соотносятся с реальностью, мягко говоря, не очень хорошо. Совершенно непонятно, как могли помочь детективам рассуждения психиатров о высокодоминантой матери убийцы...

Доктору Кенефику и его помощникам, если только они действительно хотели помочь расследованию, имело бы смысл объяснить, как в одном преступнике — если

только он действительно один! — совмещается интерес к внешне очень разным женщинам, ведь среди жертв имелись и блондинки, и брюнетки, и шатенки, а кроме того, женщины весьма преклонного возраста. Убийца определенно имел склонность к геронтофилии, но при этом он интересовался и совсем молодыми женщинами! Подобная всеядность выглядела очень странной. У каждого мужчины в голове есть некая модель сексуально привлекательной женщины, и никто не отменял «диапазон приемлемости жертвы», только вот доктор Кенефик и его компаньоны из Исследовательского института юридической медицины почему-то проигнорировали это обстоятельство и ничего на эту тему не написали.

Лето 1964 г. обещало стать очень жарким не только из-за активного Солнца, но и накала политических страстей. В июне Мартин Лютер Кинг, чернокожий проповедник, активно боровшийся с расовой дискриминацией, устроил во Флориде, в городе Сент-Огастин, провокацию, отправившись обедать в ресторан для белых. Его вполне ожидаемо не стали обслуживать и вызвали полицию, которая поместила мистера Кинга в местную тюрьму. Инцидент вызвал взрыв негодования чернокожего населения по всей стране.

А в ночь на 22 июня в Миссисипи пропали без вести и, как выяснилось позже, были убиты три активиста движения за гражданские права. Розыск пропавших Микки Швернера, Джеймса Чейни и Эндрю Гудмена продолжался полтора месяца и стал сенсацией государственного масштаба. Вся Америка следила за ходом расследования, но в Бостоне под руководством Боттомли творилась собственная криминальная интрига, мало уступавшая напряженностью сюжета новостям из Миссисипи.

Добравшись к лету 1964 г. до материалов расследования убийства Мэри Салливан, члены Бюро «Душитель» задумались над тем, что можно сделать ещё для розыска

убийцы? Их внимание привлекли показания Симса Мюррея, видевшего убитую девушку в январе у подъезда дома в обществе некоего мужчины. Свидетель, гулявший с собакой, прошёл от него на расстоянии вытянутой руки! Неужели он ничем не может помочь следствию?

У Боттомли возникла идея провести допрос Мюррея с использованием гипноза. Наверное, этому уже не надо удивляться — Боттомли явно был готов рассматривать самые смелые и авантюрные предложения, если только они сулили возможный прорыв в расследовании. Свидетель согласился на подобный допрос, и 7 июля тот был проведён.

Будучи погруженным в гипнотический транс, Симс Мюррей вспомнил, что Мэри Салливан несла перед собой, поддерживая снизу двумя руками, стопку виниловых пластинок, стянутых шнурком. Мужчина, приехавший с нею в одной автомашине, имел рост около 180 см, лицо имел одутловатое, чисто выбритое, с залысинами, очков не носил... Поскольку Хуркос говорил, что у убийцы острый нос, Мюррею был задан уточняющий вопрос о том, каким был нос у сопровождавшего Мэри Салливан? Свидетель ответил: «толстый нос» (дословно «fat nose»). Неизвестный мужчина не имел головного убора, но он ему и не был нужен, поскольку одет он был в куртку-«парку» с втачным капюшоном. Об этой детали Мюррей ранее не сообщал.

Собственно, этим содержательная часть допроса оказалась исчерпана. Результат явно не оправдал возлагавшихся на него надежд, но кое-какая польза в проведенном допросе всё же имелась.

То, что Мэри Салливан несла перед собою пластинки, наводило на мысль, что встреча произошла именно днём 1 января во время заезда девушки в дом №44А по Чарлз-стрит. А не 4 числа, как полагало следствие, т.е. не в день убийства. Напомним, что 2 января к девушкам

приходили молодые люди, которые провели в гостях продолжительное время. Во время той вечеринки Мэри включала музыкальный проигрыватель и ставила любимые пластинки.

То, что в вопросе о времени встречи Симса Мюррея и Мэри Салливан возникла некоторая ясность, было неплохо, однако, следствию это помогало мало, поскольку ничуть не облегчало задачу опознания таинственного спутника убитой девушки. Это мог быть как совершенно посторонний человек, видевший Мэри в тот день первый и последний раз в своей жизни, так и убийца, решивший зайти по знакомому адресу во второй половине дня 4 января. Проведенный допрос никак не продвигал правоохранительные органы в понимании того, кого именно они ищут, так что в этом отношении затею с гипнозом следует признать малорезультативной.

В совершенно бесплодных мытарствах проходили недели и месяцы работы Бюро «Душитель». Никаких видимых успехов работа этого детища Генерального прокурора Брука не приносила — новые подозреваемые не появлялись, прежние — не исчезали. Джона Боттомли и его подчиненных можно было уподобить зачарованным странникам, бесцельно бродящим по сказочному лесу и делающим открытия, смысл которых оставался для них самих непостижим. Причём следует отметить, что начиная с января 1964 г. на протяжении многих месяцев ни в Бостоне, ни в его окрестностях преступлений, подобных тем, что так пугали жителей на протяжении полутора лет, не происходило. Если «Бостонский Душитель» и существовал прежде, то теперь, казалось, он исчез.

27 октября 1964 г. произошло событие, которое могло разрушить это впечатление и серьёзно повлиять на работу Боттомли и его подчиненных, если бы только виновник случившегося не оказался сразу же в руках полиции. В тот день в своей квартире была задушена 64-летняя

Мэйбл Сент-Клер (Mabel St. Clair), и её убийство сильно напоминало преступления «Фантома»: на шее присутствовали следы пальцев душиителя, и были завязаны два чулка. Однако интрига в данном случае не состоялась, поскольку виновник был схвачен на месте. Убийцей оказалась сумасшедшая женщина, которая, задушив жертву, принялась метаться с криками по лестничной площадке. Соседи, почуяв неладное, вызвали полицию... Дальнейшее описывать вряд ли нужно. Убийца была помещена в лечебницу психиатрического профиля, и более она ни в каком виде в этом повествовании не возникнет.

Однако... Если бы она оказалась достаточно находчивой для того, чтобы спокойно покинуть место совершения преступления, то с большой долей вероятности можно предполагать, что мартиролог «Бостонского Душителя» пополнился бы новой жертвой.

Убийство Мэйбл Сент-Клер отлично иллюстрирует довольно очевидный (хотя и не всем!) тезис: убийства в стиле бостонского «Фантома» могли совершать совершенно посторонние люди. И даже не мужчины!

После тщательного изучения материалов, добытых в ходе расследования убийства Мэри Салливан, члены Бюро пришли к выводу, что это преступление совершил некто из окружения трёх девушек, проживавших в квартире. Наиболее подозрительным казался упоминавшийся ранее Уилльям Эванс. Боттомли посчитал, что на молодого человека следует «надавить», хотя лейтенант Донован возражал ему, указывая на опасность психологического давления без наличия серьёзных доказательств вины. Ведь если подозреваемый сумеет не поддаться эмоциональному давлению, соберётся с мыслями и поймёт, что никаких серьёзных улик против него нет, то возможность оказывать на него давление в будущем резко снизится. Аргументы Донована, впрочем, не произвели Боттомли ни малейшего впечатления, последний, видимо, уже стал

считать себя достаточно сведущим в полицейской работе. Вообще же, к концу года лейтенант Donovan сделался почти явным антагонистом начальника Бюро, так что его вечное оппонирование позитивного результата не имело.

В пятницу 29 ноября Уильям Эванс был привезён на допрос, который проводился в умышленно агрессивной манере и закончился предложением ответить на несколько вопросов под контролем «детектора лжи». В принципе, молодой человек мог отказаться и полицейские ничего бы не смогли с этим поделать, но расчёт в такого рода ситуациях обычно строится на том, что подозреваемые под воздействием эмоций склонны преувеличивать свои способности вводить полицейских в заблуждение, в результате чего они обычно соглашались на проверку. В случае с Эвансом расчёт этот сработал, и молодой человек, настаивая на собственной невиновности, согласился нацепить на себя «обвязку» полиграфа.

Эвансу были заданы 5 вопросов, из которых 3 являлись контрольными и 2 содержательными, один из них касался наличия у Эванса ключей от квартиры, занятой девушками, а второй — его присутствия в квартире во время смерти Мэри Салливан. Ответы на значимые вопросы были признаны «неубедительными» — этот эвфемизм используется американскими правоохранителями для обозначения неадекватной реакции проверяемого. Это не обязательно может быть ложь, просто неуправляемые физиологические реакции допрашиваемого отличаются от тех, что наблюдаются при безусловно искренних ответах. Детективы с Эвансом попрощались и отпустили его домой, ведь никаких юридических оснований для его задержания или ареста не существовало.

История, однако, на этом не закончилась.

4 декабря, то есть на пятый день со времени допроса,

в квартире родителей Памелы Паркер, той самой девушки, что проживала вместе с Мэри Салливан, позвонил телефон. Пэм подняла трубку и поздоровалась. Мужской голос на приветствие не ответил, а лишь уточнил: «Это ты, Памела?» Получив утвердительный ответ, мужчина на другом конце провода заявил, что намерен проделать с нею то же, что сделал с Мэри и, дабы исключить всякое недопонимание, уточнил, что возьмёт метлу и засунет её рукоять в вагину Пэм. Девушка попыталась уточнить, с кем разговаривает, но звонивший не позволил сбить себя отвлекающими вопросами и продолжил рассказ о своих фантазиях. Он рассказал, что намерен раздеть Памелу и проделать с нею всё то, что проделал с Мэри. В конце своего монолога звонивший осведомился, нравится ли ей услышанное, и пообещал, что обязательно доберётся до неё, как добрался до Мэри. После этого мужчина бросил трубку.

Мать Памелы, находившаяся рядом с дочерью, немедленно вызвала полицию, воспользовавшись телефоном соседей. Благодаря её благоразумию сотрудники телефонной компании смогли отследить звонок, оказалось, что неизвестный воспользовался телефоном-автоматом буквально в 150 метрах от дома Паркеров. Несмотря на краткость телефонного звонка, всё случившееся давало богатую пищу для размышлений. Во-первых, представлялось очевидным, что звонивший прекрасно знал, кому звонил — он узнал голос Памелы, назвал её по имени и при этом находился совсем неподалёку от места проживания девушки. Во-вторых, не могла не настораживать хорошая осведомленность звонившего о деталях убийства Мэри Салливан. В декабре 1964 г. ещё никто не знал об использовании преступником рукояти метлы для сексуальных манипуляций — эта информация держалась правоохранительными органами в секрете. По газетным публикациям можно было догадаться о том, что имел место ораль-

но — генитальный акт, поскольку в некоторых заметках содержались указания на особую извращенность преступника, но об использовании метлы не сообщалось. Да репортёры и сами не знали этой детали! Эта осведомленность наводила на мысль, что звонивший видел место убийства. В-третьих, хотя Памела и не узнала голос звонившего, она уверенно заявила, что тот заикался.

А на примете правоохранительных органов имелся подозрительный заика — им был Уилльям Эванс! Как странно, что звонок состоялся через несколько дней после его допроса с использованием полиграфа.. Эванс знал, где живёт Памела, поскольку продолжал время от времени общаться с нею и Пэтси Делмор.

Когда Боттомли сообщили об угрожающем звонке, полученном Паркер, начальник Бюро «Душитель» распорядился немедленно привезти Эванса на допрос с использованием «детектора лжи». Надо сказать, что лейтенант Донован, начальник Отдела расследования убийств BPD, принялся оспаривать это решение как поспешное и непродуманное. Лейтенант справедливо указал на то, что даже в случае провала проверки на полиграфе Эванса крайне сложно в чём-то обвинить. Все подозрения в адрес молодого человека основывались на разного рода совпадениях. Это были странные и порой подозрительные совпадения, но они не могли заменить отсутствующие улики! Данные проверки на «полиграфе» для предъявления в суде не годились, поскольку законодательство США не признавало их допустимыми доказательствами. Единственное, что могло помочь прокуратуре при том объеме информации, которым она располагала — это чистосердечное признание подозреваемого, т. е. Эванса. Но что будет, если он проявит твёрдость и не даст признательных показаний?! Ведь при первом допросе он стоял!

Логика в рассуждениях Донована, безусловно, име-

лась, но Боттомли настоял на своём решении. Вечером 4 декабря Эванс был доставлен в здание полиции, где согласился ответить на вопросы детективов без обращения к адвокату. Во время первой части беседы полицейские выясняли наличие у молодого человека alibi на первую половину дня, т.е. на то время, когда неизвестный позвонил Памеле Паркер с угрозами. Оказалось, что alibi у Эванса нет. Молодой человек утверждал, что хотя ему и известен номер телефона родителей Памелы Паркер, он не звонил по этому номеру ни 4 декабря, ни в предшествующие пару месяцев. Кроме того, Уилльям добавил, что ему не нравится Памела Паркер, которую он считает некрасивой и за которой никогда бы не стал ухаживать. Он подчеркнул, что ему всегда нравилась Патрисия Делмор, а с Пэм он общался вынужденно, поскольку та постоянно искала общества Пэтси. После этих признаний Эванса, сделанных, впрочем, уже не в первый раз, ему официально предложили пройти допрос с использованием «детектора лжи». Уилльям не стал отказываться, в точности повторив своё поведение в конце ноября.

Допрос касался обстоятельств, связанных с телефонным звонком, и состоял из 6 вопросов, из которых значимыми являлись 3. Эванс утверждал, что не звонил и не разговаривал с Паркер 4 декабря, никогда ей не угрожал и во время убийства Мэри Салливан не находился в квартире, явившейся местом преступления. По заключению оператора полиграфа, Уилльям Эванс провалил проверку, т.е. его утверждения с большой долей вероятности являлись ложными.

И тут перед детективами встал вопрос: что делать дальше? После небольшого совещания было решено отпустить Эванса, поскольку никаких улик, позволяющих оформить ордер на арест, у полиции не имелось. Эванса отвезли домой на полицейской автомашине, а магнитофонную запись беседы и последующего допроса, вместе

с заключением оператора полиграфа, направили в Бюро «Душителъ». Случилось в точности, как предупреждал лейтенант Донован: не следует затевать допрос подозреваемого, если не готов к его аресту. Эта полицейская аксиома явно выходила за пределы понимания сутяжника Боттомли.

Последний, однако, считал, что расследование убийства Мэри Салливан близко к развязке. И её убийца Уилльям Эванс, надо только придумать, как это доказать.

Мнения подчиненных Боттомли разделились — кто-то верил, что Памеле Паркер звонил настоящий убийца и им являлся Уилльям Эванс, а кто-то считал, что хотя последний и мог действительно позвонить Пэм, но убийства не совершал. Чтобы проверить последнее предположение, девушки, проживавшие в одной квартире с Мэри, были подвергнуты новым допросам.

В ходе допроса Патрисия Делмор призналась в том, что после убийства Салливан рассказала Эвансу об увиденном в спальне. Тем самым она нарушила прямой запрет полиции на разглашение этой информации. К сожалению, допущенную девушкой ошибку уже невозможно было исправить. Это была плохая новость, однако она имела хорошее следствие. Болтливость Пэтти Делмор объясняла, откуда Эванс — если только действительно он звонил Памеле Паркер — мог знать детали картины убийства, не будучи убийцей. Он мог их услышать от подружки!

Это открытие всё окончательно запутало. Не имея ясного понимания того, как надлежит вести дело дальше, Боттомли настоял на том, чтобы организовать за Эвансом постоянное скрытое наблюдение. 22 декабря 1964 г. был оформлен ордер на «прослушку» его телефона, и силами полиции организована слежка. Вполне возможно, что подслушивающая техника была смонтирована и в доме подозреваемого — это вполне разумное мероприятие

теоретически могло бы дать много ценной информации, — но точных данных на сей счёт отыскать не удалось. Также логичным представлялось бы проведение негласного обыска жилья и личных вещей Эванса, но проводился ли он в действительности — неизвестно, сие до сих пор находится в области предположений. В общем, вокруг Уилльяма Эванса были разбросаны силки и капканы, в которые тот должен был угодить. В том случае, разумеется, если действительно являлся убийцей.

Так начался 1965 год. Бюро «Душитель» отработало уже календарный год, но Джон Боттомли вряд ли мог быть доволен достигнутыми результатами. Он мало что мог поставить себе в заслугу, во всяком случае, никто из обывателей ничего не знал об успехах проводимой Бюро работы. Зато все помнили тот эпический провал, которым оскандалился Питер Хуркос!

В середине января 1965 г. с Отделом расследования убийств бостонской полиции связался 35-летний адвокат Джон Эсгейрссон (Jon Asgeirsson), представлявший интересы проходившего судебно-медицинскую экспертизу в Бриджуотере уголовника. Эсгейрссон сообщил, что ему известно имя «Бостонского Душителя». Тот, дескать, сам в этом сознался и рассказал кое-какие детали одного из совершенных убийств. Ещё раз подчеркнём: данная информация поступила не в Бюро «Душитель», а в Отдел расследования убийств Департамента полиции Бостона, и именно подчиненные лейтенанта Донована занимались её проверкой. Джон Боттомли ничего об этом не знал, и в своём месте станет ясно, почему данное обстоятельство сыграло немалую роль — если не сказать определяющую! — в общем ходе проводимого его Бюро расследования.

Полицейские, разумеется, вступили в переговоры с адвокатом. Тот заявил, что в удушениях женщин ему сознался некий Альберт ДеСальво, официально при-

знанный к тому времени шизофреником. ДеСальво, в частности, утверждал, будто именно он убил Мэри Салливан днём 4 января 1964 г.

Сказанное звучало довольно странно, поскольку ДеСальво в рамках расследования многочисленных убийств посредством душения никогда не привлекал к себе внимание правоохранительных органов. Арестован он был решением суда от 3 ноября 1964 г., хотя задержан был несколько ранее. История, которая привела его, в конечном счёте, в Бриджуотер, в самых общих чертах выглядела так.

27 октября 1964 г. примерно в 09:45 неизвестный мужчина проник в спальню 20-летней Сюзанн Мачт (Suzanne Macht), проживавшей в Кембридже. Женщина спала и не слышала того, как неизвестный вошёл в дом. После того, как женщина проснулась, мужчина заявил, что является детективом, преследующим преступника. Буквально через несколько секунд он видоизменил свою легенду и сказал, что на самом деле он — преступник, скрывающийся от полиции, которая сейчас окружает здание. Мужчина извлёк нож и потребовал, чтобы Сюзанн не смотрела на него. Бечёвкой, извлеченной из кармана, неизвестный связал руки Сюзанн за спиной, после чего взял из бельевого шкафа два тонких платка, одним из которых завязал жертве глаза, а другим — рот. Далее преступник поднял вверх ночную рубашку Сюзанн и некоторое время целовал её соски и сделал куннилингус. Полового акта неизвестный не осуществлял, свой половой орган не обнажал и следов спермы в спальне не оставил. Перед тем как покинуть спальню мужчина извинился и попросил Сюзанн не рассказывать о случившемся собственной матери, поскольку этот рассказ расстроил бы женщину. Сюзанн в ответ попросила неизвестного ослабить бечёвку, стягивавшую запястья, тот выполнил это пожелание и спокойно вышел через дверь.

Сюзанн Мачт сумела быстро освободиться и немедленно позвонила мужу. Также она вызвала полицию. Детективы, выслушавшие рассказ молодой женщины, обратили внимание на описание кольца, замеченного Сюзанн на пальце преступника. Подобное кольцо фигурировало в описаниях насильника, известного под условным именем «Зелёный Человек». Прозвище своё тот получил за одежду, в которой совершал преступления — зелёные рубашку и штаны из плотной хлопчатобумажной ткани. Детективы считали, что это какая-то рабочая униформа. Полицейский художник по описанию Сюзанн Мачт нарисовал портрет проникшего в её спальню мужчины, и Пол Клоран, один из кембриджских детективов, работавший над этим делом, узнал в нём Альберта ДеСальво, подвергавшегося в 1961 г. аресту. Тогда его подозревали в сексуальных преступлениях, приписывавшихся т.н. «Измерителю». Этот преступник в дневное время по рабочим дням ходил по домам, выдавая себя за вербовщика модельного агентства. Он предлагал привлекательным девушкам и женщинам измерить рост и параметры фигуры, обещая выгодный контракт в случае соответствия необходимым данным. Может показаться удивительным, но «Измерителю» удавалось склонить к интимной близости многих женщин. Этот преступник фактически действовал не как насильник, а как опытный мошенник и манипулятор. Он никогда не прибегал к физической силе или запугиванию. Полицейские считали, что им известна лишь незначительная доля совершенных «Измерителем» преступлений.

Итак, благодаря удачному стечению обстоятельств и хорошей памяти Сюзанн Мачт, детективы в конце октября 1964 г. связали Альберта ДеСальво с «Измерителем» и «Зелёным Человеком». Следует сказать, что 27 октября ДеСальво был одет иначе, чем «Зелёный Человек».

Альберт ДеСальво в конце 1964 г был разоблачён как сексуальный преступник, известный под условными кличками «Измеритель» и «Насильник в зелёных штанах». Против него имелась хорошая доказательная база. ДеСальво был не агрессивен, он ни разу не ударил ни одну из жертв и всегда действовал либо уговорами, либо запугиванием. Когда его адвокат приватно сообщил полиции о том, что Альберт рассказывает об убийствах женщин, это заявление с самого начала вызвало скепсис детективов. Манера криминального поведения ДеСальво не походила на то, как вёл себя с жертвами «Фантом», да и внешность Альберта мало соответствовала имевшимся описаниям убийцы.

Оружия при себе он, по-видимому, не имел и угрожал женщине ножом, взятым с кухни — на эту мысль наводило то обстоятельство, что ножи на кухне оказались разве-

шены в ином порядке, нежели это делали супруги Мачт. Ещё один любопытный нюанс оказался связан со способом проникновения в жилище. Полицейские не нашли следов взлома, причём муж Сюзанн утверждал, что, уходя утром, запер дверь на замок. Тем не менее, преступник сумел проникнуть в дом совершенно беззвучно. Сам ДеСальво ясность в этот вопрос внести не пожелал и после ареста утверждал, будто входная дверь была оставлена открытой, хотя возможность подобной небрежности оба супруга отвергали категорически.

Вечером 27 октября Альберт ДеСальво был доставлен из Малдена, где он проживал с женою и дочерью, в Кембридж. Там его опознала Сюзанн Мачт, причём опознала дважды — сначала визуально, при предъявлении в числе нескольких похожих мужчин, а потом, отвернувшись, по голосу. Ошибка исключалась, однако Альберт невозмутимо заявил, что имеет место путаница и он ни в чём не виноват. Даже после того, как Сюзанн вошла в комнату и сказала, что узнала его, он флегматично ответил, что впервые её видит. Наглости этому парню было не занимать!

В ночь на 28 октября в здание полиции съехались родственники Альберта — братья Фрэнк, Ричард и Джо-зеф, также приехала его сестра Айрин и жена Ирмагارد. Им разрешили увидеться с Альбертом. Некоторое время они переговаривались вполголоса, затем сестра требовательно повысила голос, произнесла «Скажи им всё, Эл!» (близкие обычно называли Альберта, сокращая имя до первых двух букв). Фразу эту слышал присутствовавший в помещении детектив-сержант МакНейл (McNeill). То, что Айрин сказала так, наводит на мысль об осведомленности родных ДеСальво о его сексуальных проделках. Альберт, по-видимому, не ожидал от сестры таких слов, он отшатнулся от неё, откинулся на спинку стула и на несколько секунд задумался. Затем повернулся

к МакНейлу и спокойно сказал: «Сержант, я готов сделать признание!»

К 3 ноября, т.е. к моменту оформления ордера на арест, ДеСальво успел признаться в 8 изнасилованиях, совершенных на территориях, относящихся к различным полицейским департаментам. Полиция Кембриджа уведомила коллег о том, что имеется подозреваемый, дающий признательные показания, и в Кембридж прибыли детективы из других городов. С одним из них у ДеСальво вышел конфликт, и после него Альберт отозвал 4 признания, заявив, что оговорил себя. Довольно интересный нюанс, хорошо иллюстрирующий как самолюбие этого преступника, так и профессионализм тогдашних правоохранителей. Тем не менее, участие в 4 случаях изнасилований ДеСальво признавал, и этого оказалось вполне достаточно для оформления ареста в суде.

Все эти эпизоды были довольно странными, и сейчас их уже вряд ли назвали бы изнасилованиями. Современные юристы квалифицировали бы их как «действия сексуального характера». Как выглядело нападение на Сюзанн Мачт, выше уже было сказано. В другом эпизоде ситуация сложилась ещё более неординарная. ДеСальво проник в квартиру пожилой женщины и, расстегнув брюки, приказал ей возбуждать его рукой. Женщина отказалась, заявив, что он может убить её, но она не станет делать того, что от неё требует преступник. ДеСальво взял руку женщины и положил на свой пенис... Женщина в ответ на это принялась его стыдить, дескать, как тебе не стыдно, я в матери тебе гожусь! Слова эти произвели на Альберта магическое действие — он моментально отпрянул, ушёл в другой конец комнаты, застегнул брюки и, извинившись, вышел вон. Такое вот изнасилование!

Понятно, что судья, прочитав представленные окружным прокурором документы, до некоторой степени оза-

дачился. То, что творил ДеСальво, весьма мало походило на традиционные изнасилования! Поэтому судья рекомендовал прокурору проверить арестованного на адекватность и психическое здоровье.

Так Альберт ДеСальво оказался в Бриджуотере, где ему без долгих колебаний поставили диагноз «шизофрения».

И вот спустя пару месяцев, в январе 1965 г. его адвокат заявил детективам бостонской полиции, будто Эл сознался ему в удушениях женщин в Бостоне. лейтенант Донован, разумеется, заинтересовался сообщением и поручил подчинённым проверить информацию. С Эсгейрссоном повстречался сержант Джеймс МакДональд, который попросил адвоката при очередной встрече уточнить у ДеСальво обстоятельства убийства Мэри Салливан, а именно спросить, во что была одета убитая, как убийца обошёлся с одеждой и в каком положении оставил жертву. Вопросы были очень просты для настоящего преступника, но мистификатор вряд ли сумел бы ответить на них правильно.

Джон Эсгейрссон через несколько дней повстречался со своим подзащитным и в процессе общения навёл разговор на нужную тему. Узнав всё, что необходимо, адвокат передал МакДональду полученные ответы. Из них стало ясно, что ДеСальво несёт чепуху, так, например, он заявил, будто Мэри была одета в серую шерстяную кофту, которую он натянул ей на голову. На самом деле, на убитой была лёгкая бежевая блузка, расстёгнутая и спущенная с плеч. Также с плеч были спущены бретельки бюстгалтера, а сам бюстгалтер сдвинут на живот. ДеСальво заявил, что осуществил с жертвой половой акт в традиционной форме, закончившийся семяизвержением, после чего спокойно ушёл. ДеСальво ничего не сказал о том, что семяизвержение было осуществлено в рот жертвы! И ни единым словом не обмолвился об ис-

пользовании рукояти метлы.

Из газет можно было узнать, что убийца эякулировал, собственно, об этом прямо заявил доктор Луонго (напомним, что впоследствии это заявление было умышленно дезавуировано, дабы создать в данном вопросе больше неопределенности). Но про использование убийцей в качестве секс-игрушки метлы журналисты ничего не знали на протяжении более чем двух лет. Впервые эта деталь была сообщена в вышедшей в 1966 г. книге Джерольда Франка (Gerold Frank) «Бостонский Душитель» («The Boston Strangler»), считавшейся на протяжении полутора десятилетий самым полным и точным описанием этой истории.

Сержант МакКарти, выслушав рассказ адвоката Эйсгерссона, понял, что история с «признаниями» ДеСальво не стоит и выеденного яйца — тот попросту пересказывает газетные сообщения.

Сержант поблагодарил адвоката за готовность помочь расследованию, пожал при прощании руку и в тот же вечер написал лейтенанту Доновану лаконичный рапорт с изложением результатов проверки.

На этом Отдел расследования убийств бостонской полиции интерес к Альберту ДеСальво утратил.

К концу января 1965 г., т.е. спустя год с момента создания Бюро «Душитель» обстановка вокруг него, да и внутри самого подразделения складывалась весьма нервная. Нужны были успехи, а таковых не имелось и — что ещё хуже! — не было ничего, что можно было бы выдать за успех. Целый год уже длилась персональная война Генерального прокурора Брука с «Фантомом», а последний так и оставался не разоблачён. В этой обстановке как гром среди ясного неба 12 февраля 1965 г. в офисе Бюро «Душитель» прозвенел телефонный звонок из Калифорнии. Звонивший сообщил, что в тюрьме округа Империял (Imperial county) находится человек,

обвиняемый в убийстве 19-летней девушки. Ранее он уже был судим в Калифорнии за убийство сожительницы и отбыл наказание. Накануне, т.е. 11 февраля 1965 г., этот человек передал охраннику тюрьмы записку, из текста которой можно заключить, что 3 или 4 января 1964 г. в Бостоне им было совершено убийство молодой женщины. Точный текст записки выглядел так: «В квартире Мэри на Чарлз-стрит, Бостон, задушил её, молодая, белая, 3 или 4 января 1964 г.» (дословно: «In apartment — Mary — Charles St., Boston — strangled her, young, white, January 3 or 4, 1964.»). Звонивший спрашивал, имело ли место такое преступление?

Как мы помним, 4 января 1964 г. была убита Мэри Салливан. В связи с этим у членов Бюро имелся только один вопрос: как именно мужчина из Калифорнии убивал прежде? Оказалось, что он душил...

В город Эль-Сентро, являвшийся административным центром округа Империял, немедленно отправились двое подчиненных Джона Боттомли. История, с которой им пришлось разбираться, выглядела интригующе.

Тюремного сидельца звали Роберт Юджин Пеннингтон (Robert Eugene Pennington), родился он в марте 1929 г., так что на момент описываемых событий ему шёл 36 год. Жизнь его оказалась богата впечатлениями, хотя большая их часть была довольно специфического свойства. В декабре 1951 г. совсем ещё молодой Роберт убил свою сожительницу Хелен Бейтц (Helen Beitz). Тело отвёз в уединенное место на горе Паломар — той самой, на которой находится известная на весь мир астрономическая обсерватория — и закопал рядом с дорогой. Вещи убитой принялся распродавать... Не прошло и месяца, как Роберт Пеннингтон повстречал в баре Барбару Ирас (Barbara Eras), женщину непростой судьбы. К своим 29 годам Барбара успела стать матерью 4-х детей, муж от неё сбежал, она отчаянно нуждалась в деньгах и рабо-

тала барменом. В процессе пьяной беседы Роберт рассказал Барбаре, что очень любил жену, но та умерла от сердечного приступа после двухчасовых реанимационных мероприятий. В процессе рассказа Пеннингтон так расчувствовался, что разрыдался прямо сидя у барной стойки. Сказанное было враньём, Пеннингтон не был женат на Хелен Бейтц, но эмоциональный рассказ, видимо, требовал романтических красок. Эпическое сказание о любви к жене произвело на Барбару столь сильное впечатление, что она отдалась Роберту той же ночью. Женщину не смутило то, что её новый друг, скорбящий по любимой супруге, не задумываясь, утешился в объятиях женщины, с которой был знаком всего-то пару часов!

Через 5 дней после знакомства — 21 января 1952 г. — Пеннингтон женился на Ирас. Для этого им пришлось отправиться в мексиканскую Тихуану, поездка в компании друзей получилась очень весёлой. Роберт казался счастливым, его ничуть не смущало то, что жена старше на 7 лет и у неё есть дети от предыдущего брака.

Однако скоро пришла пора удивительных открытий. Барбара заинтересовалась историей дорогого кольца с бриллиантами, подаренного её новым мужем. Обзвонив все местные ювелирные мастерские, она выяснила, что кольцо было изготовлено для Хелен Бейтц. После этого женщина поговорила с соседями Роберта и узнала, что тот заявил им, будто Хелен уехала к родственникам в Оклахому. Узнав номер их телефона, Барбара позвонила и выяснила, что никто в Оклахоме не видел Хелен около года. Тогда Барбара принялась наводить справки в местных больницах и пожарных частях, желая выяснить, кто в декабре 1951 г. проводил реанимационные мероприятия на дому. Выяснилось, что ни в одном из учреждений нет никакой информации о подобной истории. Всё это зародило в душе Барбары серьёзные со-

мнения в правдивости рассказа Роберта. Зная, что Хелен Бейтц работала на той же фабрике по производству картонной тары, что и Роберт, Барбара направилась туда и выяснила, что Роберт забрал последнюю зарплату жены и заявил, что та ввиду болезни работать более не будет.

Пеннингтон, узнав, что Барбара наводит справки о его прежней жене, рассвирепел и заявил, что она играет с опасным парнем. После этих слов Барбара окончательно уверилась, что дело дрянь, и надо принимать радикальные меры — она направилась в службу шерифа и рассказала о своих подозрениях. Пеннингтон был задержан и провёл трое суток под непрерывным прессингом службы шерифа, однако, несмотря на побои и разного рода недопустимые методы ведения следствия, никаких признаний не сделал. Его выпустили, и он предпринял попытку покинуть пределы округа Имperiал, нарушив тем самым подписку о невыезде. Люди шерифа задержали его повторно и принялись избивать совершенно нещадно. Пеннингтон сдался и отвёл представителей правоохранительных органов к могиле Хелен Бейтц. Женщина оказалась задушена.

В свою защиту Пеннингтон сказал, что убивать её не хотел, а действовал исключительно в порядке самозащиты, дескать, Хелен бросилась на него с ножом. Он даже уверял, будто после душения пытался вернуть её к жизни и два часа делал искусственное дыхание. Опровергнуть эти утверждения судебные медики и криминалисты не смогли, поэтому преступника обвинили в убийстве второй степени. Несмотря на советы адвоката, Барбара Ирас отказалась разводиться с мужем, заявив, что тот всего лишь жертва обстоятельств, и она обязательно дожждётся его освобождения! Воистину, чудны дела Твои, Господи... Сначала жена отправила мужа за решётку, а потом заявила, что будет его ждать!

Роберт Пеннингтон показывает место сокрытия трупа своей сожительницы Хелен Бейтц на горе Паломар.

Сравнительная мягкость статьи обвинения предопределила гуманность приговора — Пеннингтон получил всего лишь 5 лет лишения свободы. Освободившись в 1957 г. Роберт послал куда подальше жену, упрямившую его за решётку, и покинул негостеприимную Калифорнию, направив свои стопы на восток. Он много бродяжничал, не имея постоянной работы, переезжал с места на место. Об этом этапе его жизни мало что известно — документов практически не осталось, а рассказы самого Пеннингтона всегда были очень скупы. По-видимому, ему было что скрывать. В 1961 г. в Айове он угодил за решётку по обвинению в изнасиловании и попытке убийства, тогда Пеннингтон попытался задушить жертву, но девушка осталась жива. 12 марта 1963 г. он бежал из тюрьмы и примкнул к бродячему цирку, курсировавшему вдоль Восточного побережья США.

На протяжении 1963 — 1964 гг. Роберт вместе с цирком неоднократно приезжал в Бостон. Летом 1964 г. Пен-

нингтон отделился от труппы и через всю страну направился в Калифорнию, в родные пенаты, так сказать. В начале 1965 г. на территории округа Империял он совершил убийство 19-летней Бренды Сью Соейерс (Brenda Sue Sayers), задушив жертву. После этого бежал в Индиану к родственникам, где был быстро пойман, благодаря ориентировке, полученной местной полицией от коллег из Калифорнии. В Индиане возиться с ним не стали и быстро передали службе шерифа округа Империял. Пеннингтон, узнав, что ему грозит обвинение в убийстве, принялся деятельно симулировать психическое расстройство: прикидывался немым, пил мочу, пытался демонстрировать кататонический ступор, неспособность ориентироваться в пространстве и т. п. фокусы. При этом периодически изображал прояснение сознания и адекватность, после чего опять «включал дурака».

QUIZZED IN SLAYING—Jealous quarrel with Mrs. Helen Beitz was described to officials by bridegroom Rob-

ert Pennington. From left, Pennington, Police Chief J. C. Guttine, South Gate; Sheriff Biondine Diaz. Arne Butt

Фотография из газеты 1952 г. Роберт Пеннингтон даёт признательные показания в кабинете окружного прокурора.

Во время имитации такого вот «прояснения» в ходе допроса 11 февраля 1965 г. он и передал детективам записку, написанную, очевидно, заблаговременно.

Пеннингтон не пошёл на сотрудничество с детективами, прибывшими из Бостона. Цель передачи им записки представлялась совершенно непонятной. Прокуратура Калифорнии в любом случае не допустила бы его экстрадиции в Массачусетс, поэтому остаётся лишь гадать, какую пользу Пеннингтон рассчитывал извлечь из своей инициативы.

Тем не менее, прибывшие в Эль-Сентро детективы постарались не терять время. Они изучили материалы расследований 1952 и 1965 гг. и пришли к выводу, что манера криминального действия Пеннингтона достаточно хорошо соответствует убийствам в Бостоне. Одновременно в этом большая работа проводилась с бывшими коллегами подозреваемого по работе в цирке. Его разъезды по восточным штатам во время работы Пеннингтона удалось восстановить с высокой надёжностью. Получалось, что в дни совершения, по крайней мере, 3 убийств, приписанных «Бостонскому душителю», цирк гастролировал либо в Бостоне, либо в его ближайших пригородах.

Всё это в совокупности означало, что Роберт Юджин Пеннингтон очень хорошо подходит на роль таинственного «Фантома». Вопрос заключался в том, как это можно доказать?

Пока члены Бюро «Душителю» деятельно обсуждали различные варианты дальнейшей работы с Робертом Пеннингтоном, произошло то, чего никто из них не ожидал. Официальная легенда, оспаривать которую мы сейчас не станем — но сомневаться в полноте которой есть все основания — гласит, что с детективом Ди-Натале, работавшим тогда под началом Боттомли, связался адвокат, знакомый ему по предыдущим уголовным делам. Адвоката звали Фрэнсис Ли Бэйли.

Ещё одна фотография из 1952 г. Барбара Ирас целует Пеннингтона после вынесения тому приговора и пафосно заявляет, что будет ждать убийцу из тюрьмы. Интересно, что думал в эти секунды осужденный? Есть такое подозрение, что если бы рядом не находились полицейские, Пеннингтон попросту свернул бы жёнушке голову.

Он заявил ДиНатале, что в Бриджуотере содержится некий преступник, выдающий себя за «Фантома». Ли Бэйли знает его имя и слышал его рассказы о преступлениях — они звучали очень достоверно. Человек этот готов чистосердечно сознаться в содеянном, но существует ряд обязательных условий, которые для этого должны быть соблюдены. Ли Бэйли готов провести необходимые переговоры. Адвокат особо предупредил, что «Бостонский Душителъ» до урегулирования всех юридических нюансов желает сохранить своё инкогнито и будет общаться только с ним, т. е. Ли Бэйли. Тем самым адвокат подстраховывался на тот случай, если Бюро предпримет

попытку «вычислить» неизвестного преступника и связаться с ним напрямую.

Нельзя сказать, что обращение Фрэнсиса вызвало в Бюро какой-то особый энтузиазм. В этой книге мы подробно рассказали о полудюжине отличных кандидатов на роль «Бостонского Душителя» — все эти яркие персонажи были хорошо известны людям Джона Боттомли. То, что преступник перестал убивать с января 1964 г., с большой вероятностью указывало на его пребывание в тюрьме. Он вполне мог находиться и в одном из четырех учреждений Бриджуотера. Вряд ли Ли Бэйли мог называть кого-то, кого члены Бюро «Душитель» не знали. Главная проблема крылась не в том, какова его фамилия, а в том, можно ли верить очередному сумасшедшему, надумавшему записать себя в «Бостонские Душители»?

После небольшого совещания с членами своей группы, Джон Боттомли постановил предложить Ли Бэйли поступить следующим образом: пусть человек, от имени которого он говорит, ответит на 5 контрольных вопросов, связанных с деталями убийств, приписываемых «Фантому». Если он ответит правильно, Бюро будет готово обсуждать условия сделки, если нет, то все переговоры на этом будут окончены.

С этими пятью вопросами связаны три интересных нюанса. Первый из них заключается в том, что придумывали их вовсе не члены Бюро «Душитель», а те самые детективы, что занимались расследованиями преступлений до создания группы Боттомли. Согласитесь, это очень интересно! Более года люди Боттомли изображали, будто проводят независимое ото всех расследование, но как только вопрос коснулся выяснения точных деталей, то они тут же самоустранились и передоверили работу тем самым детективам, которых некогда Генеральный прокурор Брук с помпой «задвинул». Второй нюанс связан с тем, что точные формулировки переданных Ли Бэйли

вопросов неизвестны. Мы в общих чертах знаем содержание двух вопросов и то пересказанное спустя почти три десятилетия! В следующей главе мы остановимся на этом чуть подробнее. Наконец, третий нюанс связан с полученными ответами, точнее с тем, что полученные ответы остались неизвестны. В документах Бюро «Душителъ» содержание вопросов и ответов не зафиксировано.

Всё, что мы знаем об истории с упомянутыми вопросами, можно выразить лаконичной фразой: Ли Бэйли получил 5 «контрольных» вопросов и после очередного посещения Бриджуотера принёс ответы на них. Сейчас даже неизвестна точная дата, когда это случилось, судя по разного рода косвенным соображениям, ответы на «контрольные» вопросы Бюро «Душителъ» получило от Ли Бэйли до 1 марта 1965 г.

Оглавление

Часть I. Странное лето 1962 года	3
14 июня 1962 г. Убийство Анны Слесерс	5
30 июня 1962 г. Убийство Нины Николс	26
2 июля 1962 г. Убийство Хелен Блэйк	41
11 июля 1962 г. Убийство Маргарет Дэвис	52
21 августа 1962 г. Убийство Иды Ирги	62
22 августа 1962 г. Рождение легенды	73
31 августа 1962 г. Убийство Джейн Салливан	78
Часть II. Криминальное макраме: петли, зигзаги, непонятный рисунок...	87
Персональная война Эдмунда МакНамары	89
13 октября 1962 г. Убийство Модесты Фримен	113
5 декабря 1962 г. Убийство Софи Кларк	126
30 декабря 1962 г. Убийство Патрисии Биссетт	154
8 января 1963 г. Защита МакНамары	168
18 февраля 1963 г. Нападение на Эрику Уилсинг ..	181
6 марта 1963 г. Убийство Мэри Браун	195
11 марта 1963 г. Убийство Бесси Голдберг и моментальное торжество правосудия. «Бостонский Душителъ» разоблачён... ..	204
21 марта 1963 г. Убийца остаётся на свободе	219
6 мая 1963 г. Убийство Беверли Саманс	240
Часть III. Заключительный аккорд	267
8 сентября 1963 г. Убийство Эвелин Корбин	269
23 ноября 1963 г. Убийство Джоан Графф	289
4 января 1964 г. Убийство Мэри Салливан	301
Часть IV. Уголовный карнавал	327
Персональная война Эдварда Брука	329

1964 год. Неформальные формы ведения следствия	349
---	-----

Алексей Ракитин

История бостонского душиителя
Хроника подлинного расследования. Книга I

Ракитин Алексей Иванович — автор большого числа документальных исследований по истории криминалистики и уголовного сыска, как отечественных, так и иностранных. Проживает в Санкт-Петербурге. В 1999 г. явился одним из создателей русскоязычного сайта «Загадочные преступления прошлого», где размещены многие из его документальных работ.

В начале 1960-х гг. американский город Бостон и его пригороды были потрясены серией жестоких убийств, жертвами которых становились женщины всех возрастов. Таинственный убийца вошёл в мировую историю сыска и криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель». В настоящей книге проводится анализ известных преступлений, изложен ход расследования, рассмотрены персоналии подозреваемых. Автором привлечен большой объём малоизвестной информации, на основании которой сделаны весьма неожиданные выводы.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!